საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

4417

აკად. ნ. მარის სახელობის

აფხაზეთის სამეცნიერო-კვლევითი ინსტიტუტის

შრომები

ТРУДЫ

АБХАЗСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА им. акад. Н. Я. МАРРА

т. 23 32

XXIII

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის გამომცემლობა

სუხუმი 1949 СУХУМИ

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

აკად. ნ. მარის სახელობის
აფხაზეთის სამეცნიერო-კვლევითი ინსტიტუტის

შრომები

ТРУДЫ

АБХАЗСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА им. акад. Н. Я. МАРРА

Ч 808

XXIII

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის გამომცემლობა

სუხუმი 1949 СУХУМИ

დაიბეჭდა საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის
სარედაქციო — საგამომცემლო საბჭოს დადგენილებით.

*Напечатано по постановлению РИСО Академии
Наук Грузинской ССР.*

რედაქტორი პ. რატიანი

Редактор П. К. Ратиани

ხელმოწერილია დასაბეჭდად 9.X. 11/III 1950
საბეჭდ ფორმათა რაოდენობა 11,5 საავტ. 15,25
ზომა 7×11 ქალ. ს. 84×60 სმ
შეკვ. № 5384; უე 00072.
ტირაჟი 1000.

ქ. სუხუმი, აფხაზეთის სახელმწიფო გამომცემლობის სტამბა, ლენინის ქ. № 4.

შინაარსი — СОДЕРЖАНИЕ

გვ. — стр.

1. ა. კობახიძე, ფილოლოგიურ მეცნიერებათა კანდიდატი. აკად. ნ. მარი — გენიალური საბჭოთა მეცნიერი 5

А. Г. Кобахидзе, кандидат филологических наук. Академик Н. Я. Марр — гениальный советский ученый

2. შ. მესხია, ისტორიულ მეცნიერებათა კანდიდატი. აკადემიკოსი ს. ჯანაშია და ქართული ისტორიული მეცნიერება 17

Ш. А. Месхиа, кандидат исторических наук. Академик С. Н. Джанашиа и грузинская историческая наука

3. Х. С. Бгажба, кандидат филологических наук. Георгий Шарвашидзе — видный представитель грузинской культуры 31

ხ. ბღაჟბა, ფილოლოგიურ მეცნიერებათა კანდიდატი. გიორგი შარვაშიძე — ქართული კულტურის თვალსაჩინო წარმომადგენელი

4. დოც. ი. ანთელავა. საქმე თავად ბაგრატიონების მიერ საქართველოში მამულის ძიების შესახებ 43

Доц. И. Г. Антелава. Дело об отыскании князьями Багратионами имения в Грузии

5. Ш. Д. Инал-Ипа, кандидат исторических наук. Об абхазских нартских сказаниях 81

შ. ინალ-იფა, ისტორიულ მეცნიერებათა კანდიდატი. აფხაზური ნართული თქმულებების შესახებ

6. Г. А. Дзидзария, кандидат исторических наук. Соломон Званба (Биографическо-библиографический очерк) 124

გ. ძიძარია, ისტორიულ მეცნიერებათა კანდიდატი. სოლომონ ზვანბა (ბიოგრაფიულ-ბიბლიოგრაფიული ნარკვევი)

7. დ. წიკლაური, ტექნიკურ მეცნიერებათა კანდიდატი. ჰავრილის ტიპის ჰიდროკომპრესორის მუშაობის თეორიული საფუძვლები 148

Д. С. Циклаури, кандидат технических наук. Теоретические основания работы гидрокомпрессора струйного типа

კრიტიკა და ბიბლიოგრაფია — Критика и библиография

8. К. В. Ломтатидзе, доктор филологических наук. Некоторые замечания на работы проф. Г. П. Сердюченко по абазинскому языку 165

ქ. ლომთათიძე, ფილოლოგიურ მეცნიერებათა დოქტორი. ზოგიერთი შენიშვნა პროფ. ნ. სერდიუჩენკოს შრომებზე აბაზური ენის შესახებ

9. ხ. ბღაჟბა. ახალი წიგნი აფხაზეთის სახალხო პოეტზე . . . 179

Х. С. Бгажба. Новая книга о народном поэте Абхазии

ქრონიკა — Хроника

ახალი არქეოლოგიური გათხრების შესახებ (სოფ. აბღარხუქი, გუდაუთის რაიონი) 183

О новых археологических раскопках (в сел. Абгархук, Гудаутского района)

ალ. კობახიძე
ფილოლოგიურ მეცნიერებათა კანდიდატი

აკად. ნ. მარი — გენიალური საბჭოთა მეცნიერი

ოთხმოცდახუთი წელი გავიდა მას შემდეგ, რაც ქ. ქუთაისში დაიბადა საბჭოთა მოწინავე ენათმეცნიერების ფუძემდებელი, გენიალური მეცნიერი აკადემიკოსი ნიკოლოზ იაკობის-ძე მარი.

— „მთელი ჩემი ბავშვობა, — წერს იგი თავის „ავტობიოგრაფიაში", — ქართველებს შორის გავატარე. ბავშვობიდანვე ქალ. ოზურგეთში, ქართველი ფეოდალების ღარიბი შთამომავლის ოჯახში გადავსახლდით. მაგონდება შეხვედრები ქართველ მსახიობებთან და მგოსნებთან, როგორც ადგილობრივ, ისე ჩამოსულ უკვე სახელმოხვეჭილებთან და ურთიერთობა მოსამსახურეებთან — მეჯინიბეებთან და ბაზიერებთან. ყოველ საღამოს, დაძინების წინ, ქართველი გოგონა მიყვებოდა სულ ახალ-ახალ, მომხიბლავ ქართულ ზღაპრებს... მშობლიურ ენად მე მიმაჩნია ქართული, უფრო კი, გურული კილოკავი. პირველი წერა-კითხვა მე ვისწავლე ქართულ ენაზე" *).

1874 წელს, დედამისის (მაღულარიას) მეცადინეობით, ნ. მარი მიღებულ იქნა ქუთაისის გიმნაზიაში. იგი წარმატებით ითვისებს ძველ ენებს: ბერძნულსა და ლათინურს; კარგად ეუფლება ფრანგულს, გერმანულს, ინგლისურსა და იტალიურს. სცემს ჟურნალს, გართულია ტოპონიმიკით, თარგმნის ქართულად (ჰაინეს) და წერს ორიგინალურ ლექსებს, მათ შორის რომანტიკულთან ერთად — ეროვნულ-განმათავისუფლებელი ხასიათის ქართულ ლექსებს მოწოდებით: „სჯობს ხელში იარაღის აღება, გაუთავებელი ჭიკ-ჭიკის მაგივრად" (ალექსანდრე მეორის მოკვლის გამო). ჯერ ისახავს მიზნად ნატურალისტ-ექიმად გახდომას, შემდეგ კი ქართული ფილოლოგიის შესწავლას **).

1884 წ. ნ. მარმა დაასრულა გიმნაზია ოქროს მედლით და ამავე წელს შევიდა პეტერბურგის უნივერსიტეტში აღმოსავლურ ენათა ფაკულტეტზე. ჯერ კიდევ გიმნაზიის უფროს კლასებში მან გამოიჩინა განსაკუთრებული ლინგვისტიკური ნიჭი. „ჯერ კიდევ მაშინ, — წერს იგი, — მე დავისახე მიზნად გავარკვიო ქართული ენის წარმოშობა" ***).

1888 წ. სტუდენტობის დროს, მან გამოაქვეყნა თავისი პირველი წერილი გაზეთ „ივერიაში". — სათაურით: „ბუნება და თვისება ქართულის ენისა" ****).

---

*) **Н. Я. Марр. Избранные работы.** ტ. 1, გვ. 6. შემდეგ მითითება ნ. მარის რჩეულ შრომებზე მოცემულია გვარის აღუნიშნავად.

) **ИР, ტ. 1, გვ. 269—270.

***) იქვე, გვ. 9.

****) „ივერია", 1888 წ. № 86.

ასე წარმოიშვა პირველი გაფორმება მისი შრომისა — „О родстве грузинского с семитическими языками".

იგონებს რა ამ პირველ წერილს, ნიკო მარი მას „მეცნიერული აპარატით ბრძოლაში პირველ გამოწვევას" უწოდებს. ბრძოლაში კი იგი იწვევდა თავის ხელმძღვანელებს უნივერსიტეტში, რომლებიც ქართულს იზოლირებულად განიხილავდნენ. ქართული ენა, მათი აზრით, მიეკუთვნებოდა სრულებით დამოუკიდებელ ენათა ჯგუფს, მაგრამ, სახელდობრ, რომელ ჯგუფს, ამის ახსნას არ კისრულობდნენ. ეს მისია თავის თავზე ნ. მარმა აიღო. ის ჯერ კიდევ მიმდევარი იყო ქართული ენის ამ განმხოლოების თეორიისა, მაგრამ უკვე სტუდენტის ამ პირველ წერილში ჩანასახის სახით არსებობდა ის ელემენტები, რომლებიც შემდგომ, აკადემიკოსის ხელში, მწყობრ მეცნიერულ სისტემად უნდა ჩამოყალიბებულიყო.

1908 წ. გამოვიდა მისი შრომა: **„Предварительное сообщение о родстве грузинского с семитическими"**, რომელიც ქართულ-სემიტური თეორიის დასაბუთებას წარმოადგენს. ეს წერილი არის შესავალი მისივე შრომისა **„Основные таблицы к грамматике древне-грузинского языка"** და ამავე დროს ზმნების სტრუქტურის ფუძეთა გაშიფრვის პირველი ცდა ქართულში *).

ნ. მარის ადრინდელი შრომები მიძღვნილია ისტორიის, ლიტერატურისა და საშუალო საუკუნეების ქართული და სომხური ენებისადმი. რამდენიმე წლის განმავლობაში იგი აწარმოებდა ანისის გათხრებს. ერთსადაიმავე დროს იგი იყო ისტორიკოსი და ხელოვნების მცოდნე, ძველი საქართველოსა და სომხეთის ხალხთა მსოფლმხედველობის მკვლევარი, მაგრამ იგი არასდროს არ ყოფილა კარჩაკეტილი „წმინდა" მეცნიერების მოძრე.

1905 წლის რევოლუციის დროს ნიკო მარი გურიაშია. იქიდან ათავსებს გაზეთ „Рассвет"-ში სტატიებს სათაურით: „წერილები კავკასიის ახალგაზრდობის მიმართ", სადაც ნათქვამია — ხელისუფლება ხალხის ხელში უნდა იყოსო. იგი იძლევა ცნობებს გურიის რევოლუციური ამბების ირგვლივ და წერს ერთი მიტინგის შესახებ თავის შთაბეჭდილებას: მიტინგზე შეკამათებულან მენშევიკი და ბოლშევიკი. „ბოლშევიკი, — წერს ნ. მარი, — არ ჰკარგავდა სიმშვიდეს და კვალდაკვალ ცდილობდა თავის ოპონენტების დამარცხებას". კამათი სოციალ-დემოკრატიულ პარტიაში მომხდარ განხეთქილებას შეეხებოდა. ნ. მარის სიმპათია სავსებით ბოლშევიკის მხარეზეა.

1909 წ. მას ირჩევენ ადიუნქტად მეცნიერებათა აკადემიაში, ნამდვილ წევრად კი არჩეულ იქნა 1912 წელს. იგი აძლიერებს მუშაობას ახალ კადრებთან თავის სპეციალობაში. აკადემიის პირველ სხდომაზე წარადგინა დასაბეჭდად ილია ჭყონიას შრომა: „სიტყვის-კონა. საბა-სულხან ორბელიანის და დავით ჩუბინაშვილის ლექსიკონებში გამოტოვებული სიტყვები".

1909 წ. ნ. მარი მოგზაურობს თურქეთის მიერ მიტაცებულ ჩვენს მიწა-წყალზე ლაზისტანში. სწავლობს ჭანურს (ლაზურს).

ადგილობრივ მეცნიერთა მეთოხებით და თავის მოწაფეთა დახმარებით სწავლობს კავკასიურ ცოცხალ ენებს.

1911 წელს ნ. მარი პირველად მოგზაურობს სვანეთში.

*) ИР, ტ. 1, გვ. 9—10.

1912 წელს მიემგზავრება აფხაზეთში და ადგენს მომავალი მუშაობის გეგმას. მოუპოვებს სვანურს, აფხაზურსა და მეგრულ ენებს უფლებას შეტანილ იქნენ იმ ენათა წრეში, რომელნიც უნივერსიტეტში ისწავლებიან. ბეჭდავს „იაფეტური ენათმეცნიერების მასალებში“ („Материалы по яфетическому языкознанию“) თვითნასწავლ-აფხაზის პ. გ. ჭარაიას შრომას: **„Об отношении абхазского языка к яфетическим“.**

1914-1916 წლებში ნ. მარი განაგრძობს უფრო ღრმად სვანურისა და აფხაზურის შესწავლას, აღგენს აფხაზურ ანბანს და კრებს აფხაზეთის ეთნოგრაფიულსა და ფოლკლორულ მასალებს, ექსპედიციებს აწყობს ეთნოგრაფიულ რეგიონებში, აგალებს მათ დასახული პრობლემების დამუშავებას.

ნ. მარის სიტყვები „ოქტომბრის რევოლუციამ გაანთავისუფლა... სწავლულნი, რომელნიც ბრმა იდეალიზმის ტყვეობაში იმყოფებოდნენ“, ზედგამოჭრილია თვით აკადემიკოს მარზე. სწორედ ოქტომბრის რევოლუციის შემდეგ ნ. მარმა ფართოდ გაშალა თავისი მრავალმხრივი ნიჭი მეცნიერის, პედაგოგის, საზოგადოებრივი და სახელმწიფოებრივი მოღვაწისა. მისი შრომები: **„Родная речь — могучий рычаг культурного подъема“ (1930), „Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык“ (1931)** და აგრეთვე ამ პერიოდის მრავალი სხვა მისი გამოკვლევა, მოწმობენ ნ. მარის უდიდეს ნაყოფიერ მუშაობას საბჭოთა კავშირის ლენინურ-სტალინური ნაციონალური და ენობრივი პოლიტიკის თანმიმდევრობით ცხოვრებაში განხორციელების საქმეში.

ნ. მარი პოლიგლოტი იყო. აკადემიაში არჩევის დროს მან 30-მდე ენა იცოდა. მას 80 ენის მასალა აქვს განხილული. ბევრი შრომა ნ. მარს დაუბეჭდავი დარჩა. მისი ხელნაწერი ლექციები, მოხსენებები და სხვ. საბუთები — 3.000 ერთეულს შეადგენს. მის ნაბეჭდ შრომათა რიცხვი 700-ს აღემატება. მის არქივს შეადგენს თვით ნ. მარის ხელით გადაღებული მდიდარი ფოტოტეკა. 10 ათასი წერილი და სხვ.

ენათმეცნიერული პრობლემების გარკვევის მიზნით, ნ. მარს ხშირად უხდებოდა გამგზავრება ჩვენი ქვეყნის სხვადასხვა კუთხის მეცნიერულ ექსპედიციებში, აგრეთვე საზღვარგარეთის სხვადასხვა ქვეყნებში.

„ჩემი შემოქმედებითი ენათმეცნიერული აზრები, — წერდა ნ. მარი, — არ წარმოადგენენ კაბინეტური მუშაობის შედეგს. ისინი ისახებოდნენ და ფორმდებოდნენ ხალხთან და ბუნებასთან ურთიერთობის დროს, ქუჩებში, სათარდულოებში, უდაბნოებში, ზღვებზე, მთებში და ველებზე, მდინარეებთან და წყაროებთან, ან ვაგონში, მაგრამ კაბინეტში კი არა“.

ნ. მარი ვერ იტანდა ცრუმეცნიერთ. „ფლირტი მეცნიერებასთან არ შეიძლება“-ო, — ამბობდა იგი. მიმართავდა რა ამ მოთხოვნით სხვას, მთელი სიმკაცრით სთხოვდა თავის თავსაც მის შესრულებას. ნ. მარი იყო ზუსტი, პუნქტუალური და ზედმიწევნით კეთილსინდისიერი ყოველგვარი დავალების შესრულებაში, რასაც მას დააკისრებდა ხოლმე პარტია და საბჭოთა მთავრობა. მისი ინიციატივით საკავშირო მეცნიერებათა აკადემიამ დააარსა (1921) ლენინგრადში სპეციალური იაფეტური ინსტიტუტი“, რომელსაც 1931 წელს გადაერქვა „ენისა და აზროვნების ინსტიტუტი“. ეს ინსტიტუტი ამჟამად აკადემიკოს ნ. მარის სახელს ატარებს.

საკავშირო მეცნიერებათა აკადემიის ვიცე-პრეზიდენტი, დირექტორი მეცნიერებათა აკადემიის ორი ინსტიტუტისა. იგი უწევდა ხელმძღვანელობას

აკადემიის ვეებერთელა დარგებს, მათ შორის მთელ საგეგმო-საორგანიზაციო საქმეს. გარდა ამისა, იგი 15 წლის განმავლობაში ხელმძღვანელობას უწევდა საბჭოთა არქეოლოგიას და უცვლელად თავმჯდომარეობდა მატერიალური კულტურის ისტორიის სახელმწიფო აკადემიას.

ნ. მარი იყო სსრკ ცაკის მოსკოვის ეროვნებათა ინსტიტუტის დირექტორად და ამავე დროს კითხულობდა ლექციებს ლენინგრადის სახელმწიფო უნივერსიტეტში; მონაწილეობას იღებდა (ბელორუსიისა და კომუნისტური აკადემიის მუშაობაში, შედიოდა რსფსრ განსახკომის სახელმწიფო სამეცნიერო საბჭოს შემადგენლობაში, აგრეთვე საკავშირო ცაკის აღმასკომთან არსებულ ძეგლების დამცველ კომისიაში.

ამასთან ერთად, იგი ხალისით ასრულებდა მრავალგვარ საპასუხისმგებლო პარტიულსა და საზოგადოებრივ მუშაობას. ნ. მარი იყო საკავშირო ცაკის წევრი, ლენინგრადის საბჭოს წევრი, მეცნიერ მუშაკთა ცენტრალური საბჭოს სექციის წევრი და სხვ.

საკ. ცაკის პრეზიდიუმის დადგენილებით 1933 წ. 1 დეკემბერს მას მიენიჭა მეცნიერების დამსახურებული მოღვაწის წოდება.

საბჭოთა მთავრობა დიდად აფასებდა ნ. მარის მეცნიერულ მოღვაწეობას. იგი დაჯილდოებული იყო ლენინის ორდენით.

1930 წელს. ნ. მარი მიღებული იქნა საკ. კ. პ. (ბ) რიგებში. სიცოცხლის უკანასკნელ დღეებამდე აკად. ნ. მარი დაუღალავად შრომობდა საბჭოთა მეცნიერების აყვავებისათვის, როგორც ნამდვილი ბოლშევიკი.

1934 წ. 20 დეკემბერს ნ. მარი გარდაიცვალა. ლენინგრადის კომუნისტურ სასაფლაოზე ნ. მარის ძეგლზე ამოკვეთილია მარისავე სიტყვები:

„როდესაც ადამიანი კვდება ინდივიდუალურად, სომატური სიკვდილით, იგი არ კვდება საზოგადოებრივად... ის ცოცხლობს მათში, ვინც დარჩა ცოცხალი, თუ იგი ცხოვრობდა სიცოცხლეში და არ იყო მკვდარი. ცოცხალი კოლექტივი აცოცხლებს მკვდრებს".

ნ. მარის ამ სიტყვების ჭეშმარიტებას ამტკიცებს მთელი მისი სიცოცხლე.

* * *

საბჭოთა ენათმეცნიერების წარმატება მჭიდროდაა დაკავშირებული აკად. ნ. მარის სახელთან. მან შექმნა ბურჟუაზიული ლინგვისტიკისადმი დიამეტრალურად საწინააღმდეგო მეცნიერული სისტემა. აკად. ნ. მარის მთავარი დამსახურება იმაში მდგომარეობს, რომ მან ენათმეცნიერებაში გამოიყენა დიალექტიკური და ისტორიული მატერიალიზმის პრინციპები.

„ახალი ენათმეცნიერების თეორიის მეთოდი, — ამბობს ნ. მარი, — არის ერთადერთი მარქსისტულ-ლენინური მეთოდი" *). ენის შესახებ ახალი მოძღვრება თანმიმდევრობითსა და გადამწყვეტ ბრძოლას ეწევა რასული თეორიისა და უცხოეთის წინაშე ქედმოხრის წინააღმდეგ, ფორმით ნაციონალური და შინაარსით სოციალისტური ნამდვილი რევოლუციური მეცნიერებისათვის, დიდი საბჭოთა კავშირის ხალხთა კულტურის აყვავებისა და აღმავლობისათვის.

*) ИР, ტ. 2, გვ. 442.

აკადემიკოსმა ნ. მარმა უარყო საზღვარგარეთ გავრცელებული ენათმეცნიერების ძირითადი საფუძვლები და შექმნა ახალი მატერიალისტური მოძღვრება ენის შესახებ, რომელიც ორგანული ნაწილია სოციალისტური საზოგადოების იდეოლოგიისა.

ენის ახალი მოძღვრებისადმი უდიდეს ინტერესს იჩენენ სახალხო დემოკრატიის ქვეყნებში, რაც მოწმობს აკადემიკოს მარის მოძღვრების დიდ პროგრესულ როლს.

ნ. მარმა გააღრმავა და გააფართოვა კავკასიის შესწავლის არე, მისი ხალხებისა და ენების შესწავლა. მან შექმნა განსაკუთრებული დისციპლინა მის მიერ წოდებული ქართულ-სომხურ, შემდეგ კი კავკასიის ფილოლოგიად და ჩაუყარა საფუძვლები მეცნიერულ კავკასიისმცოდნეობას.

განსაკუთრებით დიდი დამსახურება მიუძღვის ნ. მარს ქართველთმცოდნეობის წინაშე. „ქართველთმცოდნეობა მისი მეოხებით ,— წერს პროფ. კ. დონდუა, — გადაიქცა ნამდვილ მეცნიერულ დისციპლინად" *).

ნ. მარი მაღლა აყენებდა ქართული ენის თვისებებს. „ქართული ენით,— წერდა იგი, — ყველაფერი გამოითქმება, რაც დედა-მიწაზე შეიძლება გამოითქვას... მეტად ცოცხალი ქართული ენა უფრო ხორცს ასხამს ყოველ აზრს... ქართული, შეიძლება ითქვას, შინაგანი თვისებებით მსოფლიურია" **).

ქართულ ენას ნ. მარმა უდიდესი მნიშვნელობა მიანიჭა მეცნიერებაში. „ქართულს და მის მონათესავე ენებს, — ამბობდა იგი, — ჩემთვის ყოველ ეჭვს გარეშეა, ფრიადი პატივისცემა და ჩვენთვის ახლა წარმოუდგენელი დიდება მოელის მეცნიერებაში" ***). ეს აზრი კიდევ უფრო მკვეთრად გამოთქვა ნ. მარმა ერთ თავის ლექციაში, რომელიც მან საქ. სახელმწიფო უნივერსიტეტში წაიკითხა ****).

ნ. მარი სწავლობს, როგორც უმწერლობო, ისე დამწერლობის მქონე კავკასიის ხალხთა ენებს. ამასთან ენების შესწავლას იგი ახდენს ისტორიასა, ლიტერატურასა და ფოლკლორთან, განსაკუთრებით კი მატერიალურ კულტურასთან დაკავშირებით, ენობრივი ფაქტების საზოგადოებრივ-ეკონომიურ ნიადაგზე ახსნით. ამის მიხედვით სრულებით ახალი გზით განიხილავს იგი კავკასიის ხალხთა წერილობითს წყაროებსაც. ცოცხალი ენების შესწავლა, იმის მიუხედავად, აქვს თუ არა დამწერლობა ამ ენებს, აგრეთვე თანამედროვე დიალექტებისა და კილოკავების შესწავლა, ეხმარება ნ. მარს ხალხთა მატერიალური და სულიერი კულტურის ისტორიის ჭეშმარიტ გამოაშკარავებაში. მისი აზრით, ენის შესწავლა საწარმოო დამოკიდებულებისაგან მოწყვეტით მეცნიერებას ჩიხში აყენებს და ქმნის მას დილეტანტების მითქმა-მოთქმაზე აგებულ ფანტაზიად.

ნ. მარი მიუთითებს, რომ არაა საკმარისი ფაქტებისა და მასალების შეკრება, საჭიროა უნარი მათი სწორად გაშუქებისათვის; მათი გაშუქების დროს საჭიროა გამოსვლა არა წინასწარ შემუშავებული დებულებებიდან, არამედ

---

*) **К. Д. Довдуа**. Н. Я. Марр и грузиноведение. Язык и мышление. VIII, გვ. 59.

) **Н. Марр. Пособие для изучения живого грузинского языка. გამ. 1, Л., 1926, გვ. 57.

***) ნ. **მარი**. ქართული ენათმეცნიერებაში. თბილისის სახ. უნივერსიტეტის გამოცემა, თბილისი, 1937, გვ. 322.

****) აკად. ნ. მარი. რა წილი აქვს ქართულს ენის შექმნის და განვითარების მსოფლიო ისტორიაში. საქართველოს სამეცნიერო აკადემია. ენათმეცნიერების სექცია. თბილისი, 1930, გვ. 9, 11—12.

თვით მასალებიდან. „ჭეშმარიტება, — ამბობს ნ. მარი, — მეცნიერიდან კი არ გამოიკვლება, არამედ მასალებიდან“ *).

აფართოებს რა კავკასიის ენათა შესწავლის წრეს, იგი პოულობს იაფეტურ ენას პამირზე (ვერშიკული ენა). ეს სრულიად მოულოდნელი იყო. ვერშიკული ენის შესწავლამ გამოიწვია ოსური ენის შესწავლაც.

1917-1919 წ. წ. შესასწავლი საკითხების წრეს ნ. მარი უმატებს ბასკურსა და ეტრუსკულ ენებს. ამ ხანას ეკუთვნის მისი კავკასიის კულტურის ისტორიის ნარკვევები.

ენის ახალი მოძღვრების ძირითადი საფეხურების განხილვის დროს ვხედავთ, რომ ნ. მარი — ქართველოლოგი და კავკასიისმცოდნე, გამოდის კავკასიის ენების შესწავლის საზღვრებიდან, ამყარებს გენეტიკურ კავშირს იაფეტურსა და არაიაფეტურ ენათა შორის, ამთავრებს ამ ეტაპის მუშაობას ნარკვევით: **„Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании Средиземноморской культуры“** (1920, 1923) და მიეყავართ ახალი ეტაპის დასაწყისთან. ესაა მოძღვრება ხმელთაშუაზღვის მოსახლეობათა წინაისტორიულ სუბსტრატზე, რომელიც ახალი მოძღვრების წინა საფეხურია ენის, აზროვნებისა და მატერიალური კულტურის შესახებ.

დაადგინა რა ახალი დებულება იმის შესახებ, რომ ინდოევროპული ენები წარმოადგენენ მხოლოდ საფეხურს იაფეტური ენებისას, აკად. ნ. მარი (1923-1926) აგროვებს სულ ახალ-ახალ მასალებს ყველაზე უფრო უცნობ ენებში, ამზადებს გამოსაცემად აფხაზურ ლექსიკონს, განაგრძობს მუშაობას კავკასიის ძველ დამწერლობიან ენებში, დაუცხრომლად მუშაობს ენის მონაცემებისა და მატერიალური კულტურის საკითხების შესათანხმებლად.

ნ. მარი უარყოფს რასული ენებისა და კულტურების თეორიას და აგრეთვე მატერიალური კულტურის ძეგლების გარეგნული მსგავსების მიხედვით ახსნის მეთოდს.

იგი მატერიალური კულტურის ძეგლების შესწავლის დროს მთავარ ყურადღებას აქცევს მოცემული საგნის საზოგადოებრივ ფუნქციას სათანადო საზოგადოებრივ წრეში და საკითხებს აშუქებს პალეონტოლოგიური სემანტიკის გზით. ენის ახალი მოძღვრების უდიდეს მონაპოვარს მეტყველების პალეონტოლოგია წარმოადგენს. ნ. მარმა შესძლო წინაინდოევროპეისტული ელემენტების დადგენა ხმელთაშუაზღვის კულტურაში, შეიარაღდა რა მარქსისტული მეთოდოლოგიით. ნ. მარი სრულებით წყვეტს კავშირს ტრადიციულ ენათმეცნიერებასთან. „ინდოევროპეისტული ლინგვისტიკა დრომოჭმული ბურჟუაზიული საზოგადოებრიობის ხორცი ხორცთაგანი და სისხლი სისხლთაგანია. იგი აგებულია ევროპული ხალხების მიერ აღმოსავლეთის ხალხთა ჩაგვრაზე, მათი მომაკვდინებელი კოლონიური პოლიტიკის საშუალებით“ **).

ამ გაბედულმა და ამკარა გამოძახილმა გამოიწვია პროფ. პოლივანოვის ტიპის ლინგვისტების, მათი მიმდევარი „იაზიკოფრონტელებისა“ და საერთოდ სხვა იდეალისტ-რეაქციონერთა ღვარძლიანი კრიტიკა.

აკად. ნ. მარმა ჯერ კიდევ 1924 წელს თქვა: „ბრძოლა აუცილებელია არა მარტო მეცნიერული მეთოდებისა და თეორიული დებულებების

*) ИР, ტ. 1, გვ. 121.
**) ИР, ტ. 1, გვ. 1.

ფრონტზე, არამედ საზოგადოებრივად მნიშვნელოვანი პრობლემების ფრონტზედაც" *).

იგი მოუწოდებდა ლენინგრადის უნივერსიტეტის სტუდენტობას შეუპოვრად ებრძოლონ ყოველგვარ რეაქციულ-იდეალისტურ გამოვლინებას მეცნიერებაში. „არც ლაჩრული უკან დახევა, არც შემთანხმებლური მორიგება" — ამბობდა აკადემიკოსი ნ. მარი **).

ნ. მარის მოძღვრება ვერ გაიგო მეცნიერთა ერთმა ნაწილმა. ამის მიზეზს თვით ნ. მარი ასე ხსნის: „სხვა საზოგადოებრივი სამყაროს ადამიანებს არ შეუძლიათ ადვილად, ზედმიწევნით სწორად და სავსებით შეითვისოს ჩვენი იდეები. სინამდვილეში ჩემთვის ისე ცხადი გახდა, როგორც მიკროსკოპში, რომ ყოველი თეორიული მოძღვრება, ენის მოძღვრებაც კი, არის ღვიძლი შვილი განსაკუთრებული საზოგადოებრიობისა" ***). „ბრძოლა... ბურჟუაზიულ იდეოლოგიასთან არც ისე იოლი და უბრალო საქმეა", — თქვა ნ. მარმა 1931 წ. 26 ივნისს, საკავშირო მეცნიერებათა აკადემიის საგანგებო სესიაზე.

ამ სესიაზე ნ. მარი გამოვიდა საინტერესო მოხსენებით ფრიად აქტუალურ თემაზე: „Язык и мышление". მოუწოდა რა მსმენელთ ბურჟუაზიულ იდეოლოგიის მიმართ შეუპოვარი ბრძოლისაკენ, მან შემდეგი განაცხადა: „Нужно ли напомнить следующие слова В. И. Ленина из статьи „Наука массам": „Мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мировоззрения" ****).

აკადემიკოსი ნ. მარი მოუწოდებდა მეცნიერებს მარქსიზმ-ლენინიზმის საფუძვლების ღრმად და ყოველმხრივად შესწავლისაკენ. „უფრო მეტი კონკრეტულობა, უფრო ნაკლები ბურუსი ზოგადი მსჯელობებისა", — თქვა მან ხსენებულ სესიაზე.

შესწავლილი ფაქტების ძალით აკად. ნ. მარი სისტემატურად და განუხრელად ამხელდა ბურჟუაზიულ ენათმეცნიერთათვის ჩვეულ მსოფლმხედველობას.

მე-16 პარტიულ ყრილობაზე ნ. მარი მისალმებით გამოვიდა დელეგატების წინაშე და სრული სიცხადით დაახასიათა თავისი მეცნიერული სახე, თავისი პოლიტიკური მსოფლმხედველობა. ნ. მარმა თქვა: „ოქტომბრის პირველ დღეებიდანვე მე შეძლებისდაგვარად მხარში ამოვუდექი ამხანაგ კომუნისტებს და უპარტიო ნაწრთობ ამხანაგებთან ერთად, ვეხმარებოდი თავისი გაქანებით უმაგალითო რევოლუციური, მეცნიერულ-კულტურული მშენებლობის საქმეს.

მივხვდი რა აპოლიტიკურობის ფიქციას, ბუნებრივია, უკუვაგდე იგი... მე მტკიცედ ვდგავარ მეცნიერულ-კულტურული ფრონტის მებრძოლის ჩემს სადარაჯოზე, კომუნისტური პარტიის მკაფიო გენერალური ხაზისათვის" *****).

---

*) ИР, ტ. 3, 34.

**) ИР, ტ. 1, გვ. 272.

***) Академик Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов. М, Л. 1939, გვ. 391—392.

****) ИР, ტ. 3, გვ. 120.

*****) XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1930, გვ. 98.

მარქსიზმი ნ. მარისათვის იყო სახელმძღვანელო მოქმედებისათვის. გამოდიოდა რა მარქსიზმ-ლენინიზმის ძირითადი დებულებებიდან, დიალექტიკური და ისტორიული მატერიალიზმიდან, იგი ქმნიდა ახალ მოძღვრებას ენის შესახებ. სახელწოდება „იაფეტური თეორია“ მან თვითონვე უარყო.

„ტერმინი „იაფეტური“ მთლიანად თეორიასთან მიყენებით ღებულობს,— ნ. მარის სიტყვით, — იმდენად ზოგად მნიშვნელობას, რომ სხლანდელ დროში ზედმეტი ხდება“. მართალია, ნ. მარი არ უარყოფს ინდოევროპეისტული ენათმეცნიერების დამსახურებასაც მეცნიერების ისტორიაში, ფაქტიურ მასალების შეკრების საქმეში, მაგრამ, მისი აზრით „პრინციპულ საკითხებში ახალი თეორიის შერიგებაზე ძველთან ლაპარაკიც კი ზედმეტია“.

1925 წ. ნ. მარი წერდა: „ზოგიერთების ცდას ჩემს მცირერიცხოვან მოწაფეთაგან და განსაკუთრებით კი მიმდევართაგან გადრო ხიდი (ახალსა და ძველ ენათმეცნიერებას შორის!), უფრო დამღუპველ საქმედ ვთვლი, ვიდრე ინდო-ევროპისტ-ლინგვისტთა უმრავლესობის სურვილს— სავსებით გვერდი აუხვიონ იაფეტურ ენათმეცნიერებას“ *).

გამოდის რა დიალექტიკური და ისტორიული მატერიალიზმის ძირითადი დებულებებიდან, ნ. მარს ენა ესმის, როგორც საზოგადოებრივ-იდეოლოგიური ხასიათის ზედნაშენი კატეგორია. „ენა, — ამბობს იგი, — ისეთივე ზედნაშენი საზოგადოებრივი ღირებულებაა, როგორც მხატვრობა და საერთოდ ხელოვნება“ **).

„კაცობრიობამ შექმნა თავისი ენა, — განაგრძობს იგი, — შრომის პროცესში, განსაზღვრულ საზოგადოებრივ პირობებში და აწარმოებს მის გარდაქმნას ყოფაცხოვრების ნამდვილად ახალი სოციალური ფორმების დადგომასთან ერთად, შესაბამისად ამ პირობებში არსებული ახალი აზროვნებისა ...ყველა ენა კაცობრიობისაგანაა შექმნილი... მემკვიდრეობითი მეტყველების ფესვები არაა არც გარეშე ბუნებაში, არც ჩვენში, — ჩვენს შინაგან ფიზიკურ ბუნებაში, არამედ საზოგადოებრიობაში. ...საზოგადოებრიობა მემკვიდრეობს, ინახავს, ან სახეს უცვლის თავის მეტყველებას ახალ ფორმებში, აძლევს მას ახალ სახეს და გადაიყვანს ახალ სისტემაში“ ***).

ნ. მარი ხაზგასმით აღნიშნავს: „ენობრივ მოვლენებს სიცოცხლის უნარი აქვთ მხოლოდ მაშინ, თუკი დაკავშირებული არიან მატერიალური კულტურის ისტორიასთან და საზოგადოებრიობასთან“ ****).

აკად. ნ. მარი, ითვალისწინებს რა ენის ისტორიულ განვითარებას, ამბობს: „ენა ურთიერთობის იარაღია, წარმოშობილი შრომითს პროცესში“ *****).

წინააღმდეგ ბურჟუაზიული კონცეფციის „სოციოლოგიური“ მიმართულებისა, ნ. მარი ენას განიხილავს მის ისტორიულ განვითარებაში. იგი იხილავს ენის დიალექტიკურ კავშირს საზოგადოების ისტორიას-

*) ИР, ტ. 1, გვ. 219.
**) ИР, ტ. 2, გვ. 107.
***) იქვე, გვ. 25.
****) იქვე, გვ. 70.
*****) ИР, ტ. 2, გვ. 127.

თან, რადგანაც ენა, მარის აზრით, არის „ძლავრი ბერკეტი კულტურული აღმავლობისა და კლასობრივი ბრძოლის შეუცვლელი იარაღი" *).

მარის განსაზღვრა ენის არსისა, დაფუძნებულია მარქს-ენგელს-ლენინ-სტალინის მოძღვრებაზე, მათს სახელმძღვანელო დებულებებზე: ენა, რო-გორც „**непосредственная действительность мысли, действительно практическое сознание**",**) როგორც „**важное средство человеческого общения**",***) როგორც „განვითარებისა და ბრძოლის იარაღი" ****).

ენის ახალი მოძღვრების ერთერთი ძირითადი დებულება, რომელსაც ნ. მარი თვლიდა ენათმეცნიერების უმნიშვნელოვანეს და პირველი რიგის საკითხად, ესაა საკითხი ენის წარმოშობის შესახებ.

ნ. მარი ხელმძღვანელობდა ლენინური პრინციპით: „არ დაივიწყოთ ძირითადი ისტორიული კავშირი, ყოველ საკითხს შეხედოთ იმ თვალსაზრისით, თუ როგორ წარმოიშვა განსახილველი მოვლენა ისტორიაში, რა და რა მთავარი ეტაპები განვლო მან თავის განვითარებაში, და ამ განვითარების თვალსაზრისით შეხედოთ იმას, თუ რა სახე მიიღო ამ მოვლენამ ამჟამად" *****).

ბურჟუაზიულ ლინგვისტიკას ენის წარმოშობის საკითხი არ აქვს მიჩნეული ენათმეცნიერების შესწავლის ძირითად საკითხად. უფრო მეტიც: ბურჟუაზიული ენათმეცნიერება გვერდს უვლის ამ საკითხის დასმას, როგორც ისეთ საკითხს, რომელიც მის კომპეტენციაში არ შედის. ბურჟუაზიული „სოციოლოგი" ს. სოსიური ამბობს, რომ „ისტორიის ჩარევა სრულებით ჰკუას უბნევს ენათმეცნიერს"-ო ******). მეორე ბურჟუაზიული ლინგვისტი ე. სეპირი ენის წარმოშობის საკითხის გადაწყვეტას ანდობს „ფილოსოფოსებს და ბელეტრისტებს" *******).

ენის წარმოშობის პრობლემის სწორი გადაწყვეტა მოცემულია მარქსიზმ-ლენინიზმის ფუძემდებელთა შრომებში. საზოგადოების განვითარების კანონების ახსნით მარქსიზმის კლასიკოსებმა გააშუქეს აგრეთვე ენის საკითხებიც. მათ მოგვცეს ბუნებისმეტყველებისა და საზოგადოების ისტორიის უდიდესი მასალის განზოგადება.

მარქს-ენგელს-ლენინ-სტალინის გენიალური შრომები შეიცავენ მრავალრიცხოვან გამონათქვამს ენისა და აზროვნების ურთიერთობისა და საზოგადოებრივი ცხოვრების მატერიალურ საფუძველზე მათი წარმოშობის შესახებ, აგრეთვე ენის ჩასახვისა და განვითარების პირობების შესახებ.

აკადემიკოსმა ნ. მარმა თავის გამოკვლევებს საფუძვლად დაუდვა მარქსიზმის კლასიკოსთა აზრები და თავისი ენათმეცნიერული თეორია დააბუთა მსოფლიოს მრავალი ენის შესწავლის ნიადაგზე.

აკად. ნ. მარმა გადაჭრით უარყო სხვადასხვა უსაფუძვლო თეორია ენის წარმოშობის შესახებ. იგი გვასწავლიდა, რომ ენა კი არ შექმნილა, არამედ იქმნებოდა მრავალ ათეული და ასეული ათასწლეულების განმავლობაში, ხალხთა

---

*) ИР, ტ. 3, გვ. 20.

**) Маркс и Энгельс. Сочин. ტ. 4, გვ. 18—21.

***) Ленин. Сочин. ტ. XXIV, გვ. 364.

****) ი. ბ. სტალინი, თხზ. ტ. 1, გვ. 43.

*****) ვ. ი. ლენინი, რჩეული ნაწერები, ტ. 6, ქართ. გამოც. 1935, გვ. 328.

******) Соссюр, С. Курс общей лингвистики, 1933, გვ. 11.

*******) Э. Сепир. Язык. Соцэкгиз, 1934, გვ. 121.

სხვადასხვა გაერთიანებებში. „თვით დანაწევრებული მეტყველების წარმოშობა არ შეიძლებოდა მომხდარიყო კაცობრიობის ხელოვნურად გაკეთებული იარაღების საფუძველზე სწარმოო შრომაზე გადასვლაზე ადრე“ *).

შემდეგ: „ადამიანის პირველი მეტყველება არაა ხმიერი. პირველყოფილი ადამიანი, რომელიც ჯერ კიდევ არ იყო დაუფლებული დანაწევრებულ ხმიერ მეტყველებას, მოხარული იყო, რომ როგორმე ეჩვენებინა, ან მიეთითებინა საგანზე, და ამიტომ მის განკარგულებაში იყო ასეთ მიზნისათვის თავისებურად მოწყობილი იარაღი, — ხელი, რომელიც ასე ასხვავებდა ადამიანს დანარჩენ ცხოველთა სამყაროსაგან“ **).

აზროვნება მაშინ კონკრეტული იყო, აბსტრაქცია კი უფრო შემდეგი დროის ამბავია. კაცობრიობა იმ დროს თავისი საზოგადოებრივი შრომის განვითარების უმდაბლეს საფეხურზე იდგა. როდესაც კაცობრიობა შრომაზე გადავიდა, ამ ხანაში აღინიშნება ხმიერი ენის წარმოშობაც, თუმცა, ხმიერი ენის ელემენტები, ნ. მარის აზრით, შეიძლება ხელის ენის გვერდითაც ყოფილიყო ხმარებაში.

ამრიგად, ენის ახალი მოძღვრების ერთ-ერთ მნიშვნელოვან მიღწევას წარმოადგენს ხელის ენის პირველობის დადგენა. ამ ენამ სამეურნეო ცხოვრების განვითარების შემდეგ ადგილი დაუთმო ხმიერ ენას, როგორც უფრო მომარჯვებული ხერხებით აღჭურვილ იარაღს და საურთიერთო კავშირის უფრო მდიდარ საშუალებას.

ბურჟუაზიული ენათმეცნიერება ჩვეულებრივად ენასა და აზროვნებას ერთი მეორისაგან გათიშულად სწავლობდა. ნ. მარი კი, პირიქით, ყოველთვის ამტკიცებდა, რომ ენა და აზროვნება განუშორებელნი არიანო.

ნ. მარის თქმით, აზროვნების პრობლემა ერთ-ერთი უმნიშვნელოვანესი თეორიული საკითხია, რადგანაც მისი ფესვები არის არა ადამიანის ბუნებაში, არამედ მატერიალურ ბაზისში.

მიიჩნევდა რა ენა-აზროვნებას ერთ-ერთ უდიდეს თეორიულ პრობლემად, მის გადაწყვეტას ნ. მარი უდგებოდა დიალექტიკურად. მისი აზრით, ენის განვითარება მჭიდროდაა დაკავშირებული აზროვნების განვითარებასთან. „აზროვნება ყველა სტადიაზე განუშორებელია ენასთან და ერთგვარად ცვალებადია“-ო — ამბობს ნ. მარი. მაშასადამე, ენა და აზრი, როგორც ეს ნ. მარმა დაამტკიცა მარქსისტულ-ლენინური მოძღვრების საფუძველზე, იქმნებოდნენ ერთსა და იმავე დროს.

ნ. მარმა დაადგინა, რომ დანაწევრებული მეტყველება ჩაისახა ჯერ კიდევ უძველეს ხალხთა ტომებში (პიტეკანტროპები).

ნ. მარის აზრით, როდესაც დაიშალა პირველყოფილ ხალხთა ჯგუფები, ენაც დანაწევრდა (ნეანდერტალები). საზოგადოების შემდეგ საფეხურზე (ნეოანტროპების ტომებში) ენა უკვე იღებს მორფოლოგიურ წყობას. კლასობრივი საზოგადოების წარმოშობის დროს იქმნებიან ხალხთა ენები, ხოლო კაპიტალიზმის ეპოქაში ეროვნული ენები.

მარქსისტულ მოძღვრების საფუძველზე ნ. მარმა დაამუშავა პრინციპი, რომელსაც ეწოდება: კანონი „ერთიანი გლოტოგონიური პროცესისა“, ე. ი. კანონი „ენის შექმნის ერთიანი პროცესისა“. მანვე დაამუშავა კანონი ენისა და აზროვნების სტადიურობის შესახებ.

*) ИР, ტ. 2, გვ. 205.

**) იქვე, 200—201.

ენის შესახებ ახალი მოძღვრების დიდ მიღწევას წარმოადგენს ენის კლასობრივი ხასიათის გამორკვევა კლასობრივ საზოგადოებაში.

იაფეტური ენების შესწავლის მაგალითზე ნ. მარმა დაამტკიცა, რომ ენის ჩასახვისა და მეტყველების ისტორიის საკითხების გამოკვლევის დროს ყოველი თანამედროვე ცოცხალი ენის შესწავლას უფრო დიდი მნიშვნელობა აქვს, ვიდრე უძველესი დამწერლობის ძეგლებს, რადგანაც ამ ძეგლებში ხშირად მოცემულია არა ხალხის ცოცხალი ენა, არამედ ლიტერატურული ენის მკვდარი ფორმები, რომელთაც გაბატონებული კლასები თავიანთი კლასობრივი ინტერესების მიზნით იყენებდნენ.

ასევე დიდმნიშვნელოვანია ენის ახალი მოძღვრების დებულება მსოფლიო ენების შეჯვარედინებისა და მათი ნარევი ხასიათის შესახებ. ეს დებულება ემყარება მარქსისტულ მოძღვრებას ნაციის შესახებ, რომელიც მთელი სიცხადით დაამუშავა ამხანაგმა სტალინმა თავის გენიალურ შრომაში „მარქსიზმი და ეროვნული საკითხი“.

ენის წარმოშობას ძველი ბურჟუაზიული თეორიის მომხრეები ასე წარმოიდგენენ: უწინარეს ყოვლისა, იყო ერთი ენა („პრეენა“), შემდეგ კი მის საფუძველზე გამრავლდა დანარჩენი ენები. ამრიგად, „პრეენა“ რჩება „წმინდა“ ფუძედ, რომელიც, მათი აზრით განსაზღვრულ რასას ეკუთვნის და მუდამ უცვლელია.

ნ. მარი კი პირიქით გვასწავლის.

სტიქიურად შექმნილი მეტყველება მაშინდელ მსოფლიოში აერთებდა სხვადასხვა კუთხეში ხალხთა მცირე კოლექტივებს. ეს პირველყოფილი გაერთიანებები ურთიერთობის პროცესში იძლეოდნენ უფრო მსხვილ გაერთიანებებს. შემდეგში ტომური ენები განვითარდებიან, შეჯვარედინდებიან და კლასობრივი საზოგადოების ბაზაზე ქმნიან ხალხურ ენებს. ეროვნებათა წარმოშობასთან დაკავშირებით კი იქმნებიან ნაციონალური ენები.

ნ. მარს ყოველთვის აინტერესებდა ენის მომავალი. მომავალი საზოგადოების ენა. იგი შთაგონებული იყო ამხანაგი სტალინის სიტყვებით იმის შესახებ, რომ: „ნაციონალური ენების კვდომისა და მათი ერთ საერთო ენად შედუღების საკითხი არის არა **შინასახელმწიფოებრივი** საკითხი, არის არა ერთ ქვეყანაში სოციალიზმის გამარჯვების საკითხი, არამედ **საერთაშორისო** საკითხი, სოციალიზმის **საერთაშორისო** მასშტაბით გამარჯვების საკითხი“ *).

საკითხს კომუნისტური საზოგადოების ენის შესახებ, ნ. მარი ლინგვისტიკური ანალიზით წყვეტდა. იგი წერს: „ენა გიგანტური ნაბიჯებით მიიწევს წინ ერთიანი მსოფლიო ენისაკენ“ **).

ნ. მარი აყენებდა ენის სტადიურობის თვალსაზრისს. ნ. მარის მოწაფემ, აკად. ი. მეშჩანინოვმა მნიშვნელოვნად გააღრმავა ეს პრობლემა, თუმცა ამ მიმართულებით ჯერ კიდევ ბევრი მუშაობაა საჭირო ***).

*) ი. ბ. სტალინი, ლენინიზმის საკითხ., მე-10 ქართ. გამოც., გვ. 513.

**) ИР, ტ. 2, გვ. 135.

***) Мещанинов И. И. — Проблема стадиальности в развитии языка. ИАН СССР ОЛ и Яз. 1947, გამოც. 3, გვ. 173—188.

ხაზგასმით უნდა ითქვას, რომ ნ. მარი მტერი იყო კოსმოპოლიტიზმისა და უცხოეთის წინაშე ქედმოხრისა. ენის ზოგადი მოძღვრების შესაქმნელად იგი მოითხოვდა მსოფლიოს ყოველი ენის თავისებურების, ხვითეული | ენის კონკრეტული სისტემის შესწავლას. ამის გარეშე, მარის აზრით, მეცნიერება ენის შესახებ არ იქნება ჭეშმარიტი მეცნიერება. „მხოლოდ ის მოძღვრება შეიძლება იქნას მიღებული, რომელიც ანგარიშს უწევს მსოფლიოს ყოველი ენის თავისებურებას“-ო — წერდა იგი 1929 წელს. *).

ასეთია ნ. მარის მიერ შექმნილი ენის ახალი მოძღვრება, რომელიც ანგარიშს უწევს მსოფლიოს ყველა ენას, თვითეულ მათგანს თავის ადგილს ანიჭებს სხვა ენათა შორის და, რაც მთავარია, სპეციალურ მუშაობას აწარმოებს ყოველი ენის ირგვლივ, რათა გამოარკვიოს ის ნამდვილი გზები, რომელსაც ენათმეცნიერი ენის შესწავლის დროს უნდა ადგეს.

ენის შესახებ ნ. მარის ახალი მოძღვრება მოითხოვს შემდგომ გაღრმავებასა და გაფართოებას.

საკ. კ. პ. (ბ) ც. კ-ის ცნობილი გადაწყვეტილებები იდეოლოგიურ ხაკითხებზე წარმოადგენენ უდიდეს ეტაპს საბჭოთა მოწინავე მეცნიერებისათვის ბრძოლაში, მეცნიერებისა, რომელიც აგებულია მარქსიზმ-ლენინიზმის მტკიცე საფუძველზე. ამ გადაწყვეტილებებმა უმაღლეს საფეხურზე აიყვანა ბრძოლა რეაქციულ-ბურჟუაზიული იდეოლოგიის წინააღმდეგ ცოდნის ყოველ დარგში.

შემოქმედებითმა დისკუსიებმა ენათმეცნიერებაში გვიჩვენეს, რომ ჩვენი ქვეყნის ენათმეცნიერთა შორის არსებობს ორი ერთმანეთისადმი შეურიგებელი მიმართულება, რომელიც მრავალი წლის მანძილზე ურთიერთშორის სასტიკ ბრძოლას აწარმოებს.

ერთი მიმართულება, როგორც ცნობილია „აერთიანებს აკად. ნ. მარის მოწაფეებსა და მიმდევრებს, მეორე კი წარმოდგენილია მისი მოწინააღმდეგეებით, იმ მეცნიერთაგან, რომელნიც მიისწრაფიან ხელუხლებლად შეინარჩუნონ ბურჟუაზიული ენათმეცნიერების ძირითადი დებულებები“ **).

ეჭვს გარეშეა, რომ ნ. მარის მრავალრიცხოვანი მოწაფეები და მიმდევრები, რომლებიც გარემოცულნი არიან სტალინური მზრუნველობით, შესძლებენ ნ. მარის მემკვიდრეობის შემდგომ განვითარებას და საბჭოთა ენათმეცნიერებას აიყვანენ ახალ სიმაღლეზე, დიადი კომუნისტური საზოგადოების მშენებლობის მოთხოვნათა სიმაღლეზე.

---

*) ИР, ტ. 2, გვ. 410.

**) „Культура и жизнь“ № 13 (105), 11 მაისი, 1949 წ.

Y 808

შოთა მესხია
ისტორიულ მეცნიერებათა კანდიდატი

აკადემიკოსი სიმონ ჯანაშია და ქართული ისტორიული მეცნიერება

სიმონ ჯანაშია დაიბადა 1900 წ. 13 ივლისს, ცნობილი ქართველი საზოგადო მოღვაწის ნიკოლოზ სიმონის-ძე ჯანაშიას ოჯახში. დაწყებითი განათლება პატარა სიმონმა ოჯახში მიიღო. ოჯახიდანვე გაჰმოჰყვა მას უანგარო სიყვარული ქართული კულტურისა და ქართველი ხალხის მრავალსაუკუნოვანი გმირული ისტორიისადმი.

ჯერ კიდევ სკოლამდე საფუძვლიანად მომზადებულმა ბავშვმა წარმატებით დაამთავრა ძველი-სენაკის დაწყებითი ქართული სასწავლებელი.

მალე ჯანაშიების ოჯახი საცხოვრებლად სუხუმში გადავიდა. 1911 წ. ს. ჯანაშია სუხუმის რეალურ სასწავლებელში შეიყვანეს. სუხუმის რეალურ სასწავლებელში ყოფნისას ს. ჯანაშია არ კმაყოფილდებოდა სასკოლო პროგრამით და უფრო მეტს სკოლის გარეშე კითხულობდა, განსაკუთრებით ისტორიაში, მშობლიურ ენასა და ლიტერატურაში, რუსულსა და უცხოურ ლიტერატურაში. აღსანიშნავია, რომ 15 წლის ყმაწვილის მიერ ფაქიზად შედგენილ კონსპექტებში ხშირად არის ამონაწერები კ. მარქსისა და ფ. ენგელსის „კომუნისტური პარტიის მანიფესტიდან“, აღ. წულუკიძის ცნობილი ნაშრომიდან „ოცნება და სინამდვილე“ და სხვა მარქსისტული ლიტერატურიდან. შემდეგში ს. ჯანაშია კიდევ უფრო ბეჯითად დაეწაფა მარქსიზმის კლასიკოსთა შრომებს. სუხუმის რეალური სასწავლებლის უკანასკნელ კლასში ყოფნისას მას წაუკითხავს ი. ბ. სტალინის „ანარქიზმი თუ სოციალიზმი?“, „მარქსიზმი და ნაციონალური საკითხი“, ფ. ენგელსის „ანტი-დიურინგი“, გ. პლეხანოვის „მონისტური თვალსაზრისი ისტორიაზე“ და სხვ. ყველა ამ ნაშრომებზე ბეჯით ახალგაზრდას ვრცელი კონსპექტი შეუდგენია.

მარქსიზმის კლასიკოსთა შრომების შესწავლამ გადამწყვეტი გავლენა იქონია მომავალი მოღვაწის მსოფლმხედველობის შემუშავებაზე. ეს კარგად ჩანს ს. ჯანაშიას მიერ 1917 წ. დამდეგს დაწერილ სასკოლო ნამუშევარიდან, სადაც განხილულია არსებული საზოგადოებრივი წყობილება და გაბედულად არის მითითებული უკეთესი მომავლისათვის ბრძოლის აუცილებლობაზე: „თუ ამ თვალთახედვით განვიხილავთ თანამედროვე საზოგადოებას, — წერდა ს. ჯანაშია 1917 წ., — ამ იდეალისაკენ რევოლუციური მისწრაფების თვალსაზრისით, ჩვენ უსათუოდ შევჩერდებით მის ერთ ფენაზე, მის ერთ კლასზე, ეს კლასი პროლეტარიატია, რომელიც ისტორიულად მოწოდებულია განახორციელოს ეს იდეალი და რომელიც ატარებს ამ იდეალს თავის თავში“.

1918 წ. 25 თებერვალს ს. ჯანაშიამ წარმატებით დაამთავრა სუხუმის რეალური სასწავლებელი. სავალდებულო საგნების გარდა, მან ქართული ენისა და ლიტერატურის განსაკუთრებით მოყვარულმა — დამატებით ჩააბარა ქართული და აფხაზური ენები.

1918 წ. ს. ჯანაშიას მამა გარდაეცვალა. ოჯახს მძიმე მატერიალური მდგომარეობა შეექმნა, მაგრამ ამან ვერ შეუშალა ხელი ცოდნის შეძენისათვის მებრძოლ ყმაწვილს სწავლის გაგრძელებაზე ეფიქრა. 1918 წ. დასასრულისათვის ს. ჯანაშია თბილისში გადმოვიდა საცხოვრებლად და იმავე წელს ახლად გახსნილ თბილისის უნივერსიტეტის სიბრძნისმეტყველების ფაკულტეტზე ჩაერიცხა. იგი აქ ორ დარგზე სწავლობდა — ისტორიულსა და ენათმეცნიერულზე. უნივერსიტეტში ს. ჯანაშიამ სანიმუშო მეცნიერული მომზადება მიიღო, ამასთან მის მრავალმხრივ ცოდნას განსაზღვრული მიმართულება მიეცა: ქართველი ხალხის ისტორიის ღრმად შესწავლა, ფილოლოგიურ-ენათმეცნიერული კვლევა-ძიება მისი მომავალი მოღვაწეობის უპირველესი საგანი გახდა.

ნიჭიერმა სტუდენტმა ადრე მიიქცია უნივერსიტეტის პროფესორ-მასწავლებელთა ყურადღება. მას განსაკუთრებული გულისხმიერებით ეპყრობოდა და ყოველნაირად ხელს უწყობდა ჩვენი სახელოვანი მეცნიერი ივ. ჯავახიშვილი.

1922 წ. ს. ჯანაშიამ დაასრულა უნივერსიტეტის სრული კურსი და იმავე წელს ორი სადიპლომო შრომა წარადგინა: ისტორიული დარგისათვის — „ქართული ფეოდალური ქცევის წესები მე-18 საუკუნეში“, ხოლო ენათმეცნიერული დარგისთვის „შეთანხმებისა და მართვის წესები ქართლის მოქცევაში“. ამის შემდეგ მან ბრწყინვალედ ჩააბარა სპეციალური (სადიპლომო) გამოცდები და თბილისის უნივერსიტეტის ხსენებულ განყოფილებათა დამთავრების დიპლომი მიიღო.

1922 წ. ივ. ჯავახიშვილმა იშუამდგომლა უნივერსიტეტის საბჭოს წინაშე და ამის შესაბამისად ს. ჯანაშია საპროფესოროდ მოსამზადებლად უნივერსიტეტთან იქნა დატოვებული.

მიუხედავად ავადმყოფობისა, ს. ჯანაშიამ უნივერსიტეტთან დატოვების პირველ წელს არაჩვეულებრივი სიბეჯითით იმუშავა. ამ პერიოდში ივ. ჯავახიშვილი შემდეგნაირად ახასიათებდა მის ღირსეულ მოწაფეს:

„ს. ჯანაშია ყველა თავის ტოლ-ამხანაგებში თავისი ნიჭითა, მკვირცხლი გონებითა და შრომის მოყვარეობით ირჩეოდა. სტუდენტობის დროსვე რამდენიმე კარგი მოხსენება დასწერა. საუკეთესოდ სწავლობდა, როგორც ქართულ ენასა და საქართველოს ისტორიას, ისე არაბულს, სპარსულსა და სომხურს. მისი სადიპლომო შრომაც კარგი გამოდგა. ამიტომ 1922 წ. ჩვენს უნივერსიტეტში სწავლის დამთავრებისთანავე დატოვებულ იქნა სპარსეთ-საქართველოს ისტორიის კათედრასთან. ერთი წლის განმავლობაში მუყაითად ემზადებოდა და პატარ-პატარა გამოკვლევებიც დასწერა“...

1926 წ. ს. ჯანაშიამ სადოქტორო ზეპირი გამოცდები ჩააბარა და იმავე დღიდან იგი მიწვეულ იქნა თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტში საქართველოს ისტორიის წყაროთმცოდნეობისა და აფხაზური ენის ლექტორად.

სიმონ ჯანაშიას მთელი შემდგომი მოღვაწეობა მჭიდროდ დაუკავშირდა უნივერსიტეტს: 1935 წ. იგი უნივერსიტეტის საქართველოს ისტორიის კათედრის გამგედ და პროფესორად აირჩიეს. იგი იყო პირველი პროფესორი

უნივერსიტეტის მიერ აღზრდილთა შორის. 1938 წ. მან წარმატებით დაიცვა დისერტაცია თემაზე: „ფეოდალური ურთიერთობის წარმოშობა ქართველ ტომებში“, და ისტორიულ მეცნიერებათა დოქტორის სამეცნიერო ხარისხი მოიპოვა.

დაუღალავმა სამეცნიერო კვლევამ, მრავალმხრივმა ორგანიზაციულმა და საზოგადოებრივმა მუშაობამ მალე დიდი სახელი და პატივისცემა მოუპოვეს ს. ჯანაშიას საქართველოს საზოგადოებრივობაში.

1941 წ. საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის ჩამოყალიბებასთან დაკავშირებით, ს. ჯანაშია შეუდა საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის ნამდვილ წევრთა პირველ შემადგენლობაში.

ს. ჯანაშიას სამეცნიერო და საზოგადოებრივი მოღვაწეობა ფართოდ იყო ცნობილი მთელს ჩვენს საბჭოთა კავშირში. სწორედ ამიტომ აირჩიეს სახელმოწვეული მეცნიერი 1943 წ. სსრ კავშირის მეცნიერებათა აკადემიის ნამდვილ წევრად.

* * *

სოციალისტური რევოლუციის გამარჯვებით კაცობრიობის ისტორიაში ახალი ერა დაიწყო. ახალმა ეპოქამ ახალი ამოცანები დააყენა ქართული ისტორიული მეცნიერების წინაშეც. საჭირო იყო საქართველოს ისტორიის ხანგრძლივი კვლევის შედეგად მიღებული ფაქტიური მასალის მარქსისტული გამუშავება. სწორედ ქართული ისტორიოგრაფიის მდიდარი მემკვიდრეობის შემდგომი გაღრმავება და მარქსისტული თვალსაზრისით მისი შესწავლა-გამუშავება იყო ს. ჯანაშიას მეცნიერული მოღვაწეობის მიზანი.

ს. ჯანაშია სამეცნიერო მოღვაწეობის ასპარეზზე 1923 წ. გამოვიდა. მაშინ დაიბეჭდა მისი პირველი ნაშრომი. ამ დროიდან, შედარებით მოკლე ხნის განმავლობაში მან ორმოცდაათზე მეტი ნაშრომი შესძინა ჩვენი სამშობლოს მეცნიერულ საგანძურს. ფართო ისტორიულ-ფილოლოგიური და ენათმეცნიერული განათლება, საკვლევო-ტექნიკური მეთოდების ბრწყინვალე დაუფლება, მარქსისტული მეთოდის სწორად მოშარჯვება და დიდი ერუდიცია ს. ჯანაშიას შესაძლებლობას აძლევდა მის დრომდე არსებულ შეხედულებათა განსხვავებით სრულიად ახლებურად დაესვა და გადაეწყვიტა საქართველოს ისტორიის უმნიშვნელოვანესი პრობლემები.

მის მეცნიერულ კვლევას ახალი ისტორიული კონცეპცია დაედვა საფუძვლად, რომელიც ემყარება თანამედროვე მეცნიერების ყველაზე უფრო შემოწმებულ დებულებებს. ამ ძირითადი ისტორიული კონცეპციის შესახებ ს. ჯანაშია წერდა: „ძველი საქართველო უფრო ვრცელი სამყაროს ორგანული, მაგრამ თავისთავადი ნაწილია; ამ სამყაროს შეადგენს ვიწრო ასპექტში კავკასია, ფართო ასპექტში — ძველი აღმოსავლეთი, რომელთაც სხვა კომპონენტებშიაც საქართველო უკავშირდება მრავალსახოვანი და ნაირსახოვანი გენეტური და ისტორიული კავშირებით: კომპონენტების დამოუკიდებელი შესწავლა განვითარებაში ხელს უწყობს და მოითხოვს კიდევაც მათი კავშირების შესწავლას იმავე თვალსაზრისით: სათანადო მეცნიერებათა მდგომარეობის დონე აუცილებელს ხდის კომპლექსური მეთოდის გამოყენებასა და ცალკეული დისციპლინების (ენათმეცნიერება, ისტორია და არქეოლოგია, ეთნოგრაფია, ანთროპოლოგია...), კოოპერაციას; საშუალო და ახა-

ლი საუკუნეებისათვის ფართოვდება ისტორიული გარემო და ჩნდება ახალი ყავშირები". *)

ძველი საქართველოს ისტორიული გარემოს ამგვარი განხილვა, ე. ი. ძველი საქართველოს უფრო ვრცელი სამყაროს ორგანიულ ნაწილად წარმოდგენა, ისტორიკოსის წინაშე აყენებდა ე. წ. „გავლენის საკითხის" სწორად გადაჭრის აუცილებლობასაც.

ს. ჯანაშიამ ქართული ისტორიული მეცნიერება ამ თვალსაზრისითაც მტკიცე მეცნიერულ საფუძველზე დააყენა. ჯერ კიდევ 1937 წ. რუსთაველის საიუბილეო დღეებში ს. ჯანაშია წერდა: „გავლენების საკითხში... ჩვენ განსაკუთრებით ხშირად ვხვდებით ცალმხრივს ან სრულიად ყალბ შეხედულებებსა და მტკიცებებს. მაგალითისათვის, ძირფესვიანად მცდარად მიგვაჩნია ის შეხედულება, რომელმაც, სამწუხაროდ, გავრცელება მოიპოვა და რომელსაც დაჰყავს... მნიშვნელოვანი პრობლემა ქართული კულტურის გარემოს შესახებ მექანისტურ გაგებამდე, რომლის მიხედვითაც გარედან მომავალსა და შეჯვარედინებულ გავლენებს შეუძლიათ შექმნან ეროვნული კულტურები".

შ ე მ დ ე გ:

„გარედან მომავალი გავლენების ნაკადთა არავითარ სინთეზს, არავითარ „ჰარმონულ" შერწყმას არ შეუძლია წარმოშვას ახალი, ორიგინალური კულტურული მოვლენა, თუ ამისათვის არ არსებობს სათანადო და საკმაო შინაგანი პირობები. ამაში ჩვენ შეიძლება ისტორიულად დავრწმუნდეთ იმ ქვეყნების მაგალითზე, რომელნიც როგორც გეოგრაფიულად, ისე კულტურულ-ისტორიულად გაცილებით უფრო მჭიდროდ, ვიდრე საქართველო დაკავშირებულნი იყვნენ ირანთან, რომლის ლიტერატურულ ზემოქმედებაზედაც ასე ბევრს ლაპარაკობენ. ამ ქვეყნებში... საერო პოეზია მხოლოდ ჩანასახის ვითარებაში იმყოფება".

„ამრიგად, — დაასკვნიდა ს. ჯანაშია, — გარედან მომავალი გავლენის შემთხვევაში საჭირო ხდება ადგილობრივი ნიადაგისა და მისი შემხვედრი ზემოქმედების გათვალისწინებაც. ამას გარდა, საძიებელია ურთიერთობის პირუკუმიქცეული პროცესების მოვლენებიც. მათი გამორიცხვა აპრიორულად შეუწყნარებელია". **)

ეს მწყობრი მეცნიერული კონცეპცია — საქართველოს ისტორიის განხილვა მეზობელ ხალხთა ისტორიასთან მჭიდრო კავშირში, ამასთან ერთად „ადგილობრივი ნიადაგისა და მისი შემხვედრი ზემოქმედების გათვალისწინება" — იყო საფუძველი, რომელზედაც ს. ჯანაშიამ დაამყარა საქართველოს ისტორიის მრავალი უმნიშვნელოვანესი საკითხის შესწავლა.

ქართულ-სომხური საისტორიო მწერლობის, ძველი აღმოსავლეთის ხალხთა ისტორიის წყაროებისა და ანტიკურ მწერალთა ცნობების ღრმა ცოდნის საფუძველზე, ისტორიის მარქსისტული მეთოდოლოგიის დაუფლების საფუძველზე, ს. ჯანაშიამ კვლევის ობიექტად გაიხადა, საქართველოს ისტორიის გარდა, კავკასიისა და ახლო აღმოსავლეთის ხალხთა ისტორია, არქეოლოგია, ეთნოგრაფია, ლიტერატურის ისტორია. მისი კვლევის ძირითადი საკვანძო პრობლემები შემდეგი იყო:

*) ს. ჯანაშია, მოკლე ანგარიში აკად. ნ. მარის სახ. ენის, ისტორიისა და მატერიალური კულტურის ინსტიტუტის მუშაობისა, „ენიძკის" მოამბე, 14, 1944 წ., გვ. 385.

**) იხ. იქვე.

1. ქართველ ტომთა გენეტიკური კავშირი კავკასიისა და ძველი აღმოსავლეთის კულტურულ ხალხებთან;
2. ქართველ ტომთა საზოგადოებრივი წყობილება;
3. ისტორიული გეოგრაფია;
4. სახელმწიფოს წარმოშობა საქართველოსა და კავკასიაში;
5. მოსახლეობის მოძრაობა საქართველოს ტერიტორიაზე და სხვა.

ქართულს ისტორიოგრაფიაში ადრე გამოითქვა მოსაზრება ქართველ ტომთა წინა-აზიის უძველეს ხალხებთან ნათესაობის შესახებ, მაგრამ ყველაფერი ეს ახსნილი იყო ქართველ ტომთა ე. წ. გადმოსახლებით საქართველოს დღევანდელ ტერიტორიაზე, რაც ხელს უშლიდა ქართველ ტომთა განსახლების საკითხის გაგებას.

აკად. ს. ჯანაშიამ ძველი აღმოსავლეთის ისტორიისა და ისტორიული წყაროების გათვალისწინებით, ქართულ-სომხური და ბერძნული საისტორიო მწერლობის მასალების ანალიზით, არქეოლოგიური და ლიტერატურული ფაქტების მოშველებით, ქართველურ-კავკასიურ და წინა-აზიის ძველ ენათა მონაცემების საფუძველზე, ნათლად უჩვენა ქართველ ტომთა გენეტიკური კავშირი კავკასიის ხალხებთან და ახლო აღმოსავლეთის ძველ მკვიდრებთან — ხეთა-სუბარებთან და ხალდებთან, გაარკვია ამ ტომთა ნათესაური დამოკიდებულება, მათი აღრინდელი საცხოვრისი და პოლიტიკურ-კულტურული ურთიერთობა.

აღნიშნულ საკითხების შესწავლას ს. ჯანაშიამ მიუძღვნა შემდეგი სპეციალური მონოგრაფიები: „თუბალ-თაბალი, ტიბარენი, იბერი“, „უძველესი ეროვნული ცნობა ქართველთა პირველსაცხოვრისის შესახებ მახლობელი აღმოსავლეთის ისტორიის სინათლეზე“, „მესხთა ტომის ისტორიიდან“, „კავკასიელ ეთნარქ-ეპონიმების ანტიკური სქემა“, „ურარტუ“, და სხვ.

მოპოვებულ მასალათა შესწავლისა და ანალიზის საფუძველზე აკად. ს. ჯანაშიას შესაძლებლობა ჰქონდა ეჭვმიუტანლად დაემტკიცებინა, რომ „ხეთები და სუბარები ქართველების წინაპრები არიან“, *) რომ „ხალდების ეთნიკური ვინაობა სრულიად უეჭველია: ისინი ქართველი ხალხის ერთ ნაწილს შეადგენდნენ“ **).

ქართველ ტომთა მონათესაობის საკითხის გადაწყვეტა დაკავშირებული იყო ქართველ და კავკასიელ ტომთა ურთიერთობის სკითხის შესწავლასთან. აკად. ს. ჯანაშია თავის წერილებში „სვანურ-ადიღეური (ჩერქეზული) ენობრივი შეხვედრები“, „ჩერქეზულ (ადიღეური) ელემენტი საქართველოს ტოპონიმიკაში“, „საქართველოს ისტორიის უძველესი ქრონოლოგიიდან ენობრივი მასალების მიხედვით“ და სხვ. სწყვეტს არა მარტო ლინგვისტიკურ პრობლემებს — ქართველური და ადიღეური ენების ნათესაობის საკითხს, — არამედ შეისწავლის ამ ენათა მატარებელი ხალხების განსახლებასა და ურთიერთ გავლენას. ხსენებული წერილები იხილავენ უძველეს, მწერლობამდისეულ ისტორიულ პრობლემებს ქართული ონომასტიკონისა და ენობრივი მასალების სინათლეზე.

*) ნ. ბერძენიშვილი, ივ. ჯავახიშვილი, ს. ჯანაშია, საქართველოს ისტორია, 1946 წ. გვ. 20.

**) იქვე. გვ. 41.

ამას გარდა, ქართველ ტომთა უძველესი ისტორიული მოვლენებისა და მათი განსახლების გაგებისათვის, საჭირო იყო ისტორიული გეოგრაფიის შესწავლა. ისტორიული გეოგრაფიის გათვალისწინება გაარკვევდა მრავალ გაუგებარ საკითხს ქართველ ტომთა განსახლებასა და მონათესაობასთან დაკავშირებით. აკად. ს. ჯანაშიამ არა ერთი გამოკვლევა მიუძღვნა ქართლის ისტორიულ გეოგრაფიას. ამ საკითხებს ეხებიან მისი წერილები — „იბერიის (ქართლის) სამეფოს პოლიტიკური გეოგრაფიისათვის უძველეს პერიოდში", „პარიადრი, სკიდისი, მოსხური მთები" და სხვ. პირველ წერილში, უმთავრესად ბერძნულ-რომაული წყაროების ურთიერთ შეპირისპირებისა და ანალიზის საფუძველზე, აღდგენილია ქართლის უძველესი პოლიტიკური საზღვრები; კერძოდ, ს. ჯანაშიას აზრით, ჩვენი წელთაღრიცხვის დამდეგს, ქართლის ჩრდილოეთის საზღვარი გადიოდა კავკასიის მთავარ ქედზე (დარიალის კარი ქართველების ხელშია და მათ მიერაა გამაგრებული). აღმოსავლეთით — ალაზნის ველზე, დასავლეთით კოლხეთის სასაზღვრო გამაგრებულ ქალაქებზე — შორაპანსა და სკანდაზე, სამხრეთით კი წყალგამყოფ ქედზე მტკვარსა და არაკსს შორის *).

ამგვარი ახსნით შეესებული იქნა ის ხარვეზი, რაც არსებობდა მის დრომდე ქართულს ისტორიოგრაფიაში და გასწორდა მრავალგვარი შეცდომა ამ საკითხთან დაკავშირებით დაშვებული. დასახელებულ მეორე წერილში კი უარყოფილია მოსხური მთების, პარიადრისა და სკიდისის წინათ არსებული ლოკალიზაცია და ქართულ, სომხურ-ბერძნულ (უმთავრესად სტრაბონის) ცნობების მოშველიებით დადგენილია, რომ „სკიდისი ის მთებია, რომლებიც გირესუნ-კერასუნტისა და ტრაბზონ-ტრაპეზუნტის ხაზზე გასდევს შავი ზღვის სანაპიროს, მოსხური მთები სკიდისის გაგრძელებაა აღმოსავლეთისაკენ, გადაჭიმული ტრაპეზუნტ-ბაიბურდის ხაზიდან ვიდრე ჭოროხის ქვემოწელამდე, პარიადრი კიდევ — ყველაზე დასავლეთით მდებარე ნაწილი, რომელიც სტრაბონის წარმოდგენით, იწყება ფატისა-ტერმეს რაიონიდან და გასდევს დასავლეთისაკენ". **) ამ მთების ახლებურ ლოკალიზაციას უაღრესად დიდი მნიშვნელობა ენიჭება, რამდენადაც ამ ოროგრაფიული ობიექტების მიხედვითაა განსაზღვრული არა ერთი სარწმუნო მითითება ქართველობის განსახლებისა და სამოქალაქო ცხოვრების ისტორიიდან.

აკად. ს. ჯანაშია ქართველთა უძველეს განსახლებისა და კულტურულ-პოლიტიკური ცენტრების საკითხს შეეხო აგრეთვე სპეციალურ ნარკვევში „აღმოსავლურ-ქართული სახელმწიფოს უძველესი კულტურულ-პოლიტიკური ცენტრების საკითხისათვის", საიდანაც ირკვევა, რომ ძველი წელთაღრიცხვის პირველი საუკუნის დამდეგისათვის იბერიის (ქართლის) სამეფო სწვდება სამხრეთისაკენ ჭოროხის ხეობის ქვემო წელსა და ჯანეთის (მოსხურ) მთებს, ე. ი. უკვე შეიცავს სამუალო საუკუნეების „ზემოქართლსაც", რომლის პოლიტიკურ ცენტრად მცხეთა იყო.

ამათ გარდა, ს. ჯანაშიამ შეისწავლა დასავლურ-ქართული სახელმწიფოს, კოლხეთის პოლიტიკური გეოგრაფია. ამ საკითხს მან მიუძღვნა ნაშრომი „კოლხეთის ისტორიული გეოგრაფიიდან", რომლის მხოლოდ ერთი თავი „ფასიდი" — გამოაქვეყნა ავტორმა თავის სიცოცხლეში ***).

*) იხ. საქ. სსრ მეცნ. აკად. „მოამბე", ტ. 3, № 7. 1942 წ. გვ. 730.

**) საქ. სსრ მეცნ. აკად. „მოამბე", ტ. 3. № 6, 1942 წ. გვ. 610.

***) იხ. „ენიმკის" მოამბე. ტ. 10.

ს. ჯანაშიას მიერ ჩატარებულმა მრავალმხრივმა შრომამ საბოლოოდ გაარკვია ქართველ ტომთა დასახლების უწყვეტლობა, შესაძლებელი გახადა ქართველ ტომთა მოჩვენებითი, ე. წ. გადმოსახლება ახსნილი ყოფილიყო კულტურულ-პოლიტიკურ ცენტრთა თანდათანი გადმონაცვლებით. ამით კი გადალახულ იქნა ის დაბრკოლებები, რომლებიც ხელს უშლიდნენ ქართველ ტომთა განსახლების საკითხის გაგებას.

განსაკუთრებით აღსანიშნავია, რომ ისტორიულ გეოგრაფიას ს. ჯანაშიას შრომებში ენიჭება არა მარტო ისტორიული მოვლენების გაგების მნიშვნელობა, არამედ მძაფრი პოლიტიკური ხასიათიც. საქართველოს ისტორიული გეოგრაფიის მეცნიერულმა შესწავლამ და სხვა საბუთებმა შესაძლებლობა მისცა აკად. ს. ჯანაშიას, ნ. ბერძენიშვილთან ერთად, ქართველი ხალხის სახელით, ჩვენი მიწა-წყლის მომტაცებელ „თურქეთისადმი კანონიერი პრეტენზიები“ წაეყენებინა.

ს. ჯანაშიამ მყარ ნიადაგზე დააყენა საქართველოს ისტორიის სხვა მნიშვნელოვანი საკითხების შესწავლის საქმეც. მან პირველმა მოგვცა ქართველ ტომთა საზოგადოებრივი წყობილების თანმიმდევრული მარქსისტული ახსნა. მისი შრომების საფუძველზე შესაძლებელი გახდა საქართველოს ძველი ისტორიის ნამდვილი სურათის აღდგენა. თავის შრომებში — „გვაროვნული წყობილება ქართველ ტომებში“, „საზოგადოებრივი კლასებისა და სახელმწიფოს წარმოშობა ქართველ ტომებში“, „ადრეული ფეოდალიზმი“, „საქართველო ადრინდელი ფეოდალიზაციის გზაზე“, „ფეოდალური რევოლუცია საქართველოში“ და სხვ. ს. ჯანაშიამ ისტორიულ-ფილოლოგიური, ეთნოგრაფიულ-არქეოლოგიური მასალების მოშველებით გვიჩვენა, რომ ქართველმა ტომებმა გაიარეს გვაროვნული წყობილების საფეხური, რომელსაც კლასობრივი ურთიერთობისა და მონათმფლობელური სახელმწიფოს წარმოქმნა მოჰყვა, მონათმფლობელობა კი შეიცვალა ადრინდელი ფეოდალური ურთიერთობით.

ამ ძირითადი საკითხების მწყობრი მეცნიერული ანალიზით შესაძლებელი გახდა მათთან დაკავშირებული სხვა პრობლემების სავსებით ახლებურად გადაწყვეტაც. ასე, მაგალითად, აკად. ს. ჯანაშიამ პირველმა მოგვცა სტრაბონის ცნობის სწორი მეცნიერული ანალიზი. ჯერ კიდევ 1932 წ. იგი, ისტორიულ-ლიტერატურული ცნობების ანალიზის საფუძველზე, ამ საკითხთან დაკავშირებით წერდა: „აქ, ამ ძვირფას ლიტერატურულ ცნობაში (იგულისხმება სტრაბონის ცნობა — შ. მ.) წარმოდგენილია არა გვაროვნული საზოგადოება, თუნდაც რღვევის გზაზე შემდგარი, არამედ გარკვეული კლასობრივი საზოგადოება, ერთგვარი გვაროვნული გადმონაშთების მქონე“ *). ამგვარივე მოსაზრება კიდევ უფრო განვითარებულ და დასაბუთებულ იქნა მის შემდეგდროინდელ შრომებშიც. აღსანიშნავია, რომ მცხეთა-არმაზის არქეოლოგიურმა გათხრებმა, განსაკუთრებით, აქ მოპოვებულმა ორენოვანმა წარწერამ, საბოლოოდ დაადასტურა, რომ საქართველოში უკვე ჩვენი წელთაღრიცხვის პირველ საუკუნეებში არსებობდა განვითარებული სახელმწიფოებრივი სისტემა მეფით და სახელმწიფო ხელისუფლება ყველა ატრიბუტით.

ისტორიულ-ლიტერატურული ხასიათის ცნობებზე დამყარებული მახვილგონიერი მოსაზრებების არქეოლოგიური მონაპოვრებით დადასტურების

*) ს. ჯანაშია, საქართველოს ისტორია, განკვეთი № 2, 1932 წ. გვ. 10.

შემდეგ, ს. ჯანაშიას შესაძლებლობა მიეცა, მის დრომდე გაბატონებულ შეხედულებათა წინააღმდეგ კიდევ უფრო გაბედულად გამოსულიყო. მან დაამტკიცა, რომ ქართულ სახელმწიფოებრიობას გაცილებით მეტი ხნის ისტორია აქვს, ვიდრე ეს მანამდე ქართულს ისტორიოგრაფიაში ცნობილი იყო. აკად. ს. ჯანაშიას სამეცნიერო მუშაობის უკანასკნელი წლები სწორედ ამ საკითხების შესწავლისადმი იყო მიძღვნილი. მას არ დასცალდა გამოექვეყნებინა მრავალი წლის მუშაობის შედეგად შექმნილი ვრცელი მონოგრაფია — „სახელმწიფოებრიობის ისტორია კავკასიაში".

თავის შრომებში „საქართველო ადრინდელი ფეოდალიზაციის გზაზე" და „ფეოდალური რევოლუცია საქართველოში", აკად. ს. ჯანაშიამ დიდი ფაქტიური მასალის მოპოებით და ფაქტების მარქსისტული ანალიზით, ერთბაშად წინ წასწია ქართული ფეოდალიზმის შესწავლის საქმე. მან მეცნიერული დამაჯერებლობით ცხადჰყო, რომ ფეოდალური ურთიერთობა ქართველ ტომებში თვალსაჩინო გახდა მე-3-4 საუკუნეებში, ხოლო მისი გამარჯვების ხანა მეექვსე საუკუნეა. შრომაში „ფეოდალური რევოლუცია საქართველოში", აკად. ს. ჯანაშია, ფეოდალური ურთიერთობის სპეციალური საკითხების კვლევის შედეგად, შემდეგს დაასკვნის: „ქართლის ისტორიაში... ახალგაზრდა ფეოდალურმა კლასმა თავისი პირველ დიდ გამარჯვებას მეოთხე საუკუნის შუაწლებისათვის მიაღწია. მაგრამ მაშინ მას ერთი დიდი საკითხი დარჩა გადაუწყვეტელი — ეს იყო ხელისუფლების საკითხი... ეს საკითხი ქართლის ფეოდალებმა მეექვსე საუკუნის დამდეგისათვის გადასჭრეს... ამრიგად, შეგვიძლია მივიღოთ, რომ მეექვსე საუკუნიდან მთელი საქართველოს მიწა-წყალზე შეუზღუდველად მკვიდრდება ფეოდალური საწარმოო წესი, ფეოდალური საკუთრება და სახელმწიფოებრიობა, ფეოდალური იდეოლოგია" *).

საქართველოში ფეოდალური ურთიერთობის გამარჯვების თარიღის დადგენით აკად. ს. ჯანაშიამ ქართულ საისტორიო მეცნიერებას დიდი ამაგი დასდო. აღნიშნულ შრომებში აკად. ს. ჯანაშიამ მოგვცა სხვა საკითხების ახლებურად გადაწყვეტაც. ასე, მაგ., ეგრისის (ლაზიკის) სამეფოს წარმოშობის დროისა და პირობების, ქრისტიანობის გავრცელებისა და სახელმწიფო სარწმუნოებად ქცევის და სხვ. საკითხებისა.

ქართულ ისტორიოგრაფიაში მის დრომდე მოცემული მშრალი ფაქტოლოგიური კვლევა, ქრისტიანობის ჩვენში გავრცელების საკითხთან დაკავშირებით, ს. ჯანაშიას შრომებში სრულიად სხვაგვარ სახეს იღებს. ფაქტიურ მასალების ღრმა ცოდნამ და კვლევის მარქსისტულმა მეთოდმა ს. ჯანაშიას შესაძლებლობა მისცა დამაჯერებლად ეჩვენებინა საქართველოში ქრისტიანული იდეოლოგიის, როგორც აღმავალი კლასის (აზნაურთა) იდეოლოგიის გამარჯვების საშინაო (ბრძოლა ძველ მონათმფლობელურ წრეს — ქურუმებსა და ახალ ფეოდალურ წრეს — აზნაურთა შორის) და გარეპოლიტიკური (ურთიერთობა რომთან) მიზეზები.

სპეციალური გამოკვლევა უძღვნა აკად. ს. ჯანაშიამ არაბთა ბატონობის საკითხს. მის მონოგრაფიაში — „არაბობა საქართველოში", მსოფლიო ისტორიულ ლიტერატურაში არსებულ მასალების ორიგინალურ ქართულ ცნობებთან შეჯერების გზით, ახლებურად გადაჭრა არაბთა ბატონობის დამყარების, საადგილმამულო ურთიერთობისა და სხვა მნიშვნელოვანი საკითხები.

*) ს. ჯანაშია. ფეოდალური რევოლუცია საქართველოში, 1935 წ., გვ. 117—118.

არაბთა ბატონობის დროის სპეციალურ საკითხს შეეხება მისი ნაშრომი „О времени и условиях возникновения Абхазского царства", ხოლო, ფეოდალური ურთიერთობის უფრო გვიანდელ ხანას მიეძღვნა გამოკვლევები — „ქართული პატრონყმობის წარმოშობისა და ბუნების საკითხისათვის" და „ბარათაშვილების გენეალოგიისათვის". პირველ გამოკვლევაში — ისტორიულ წყაროებისა და ენათმეცნიერული ფაქტების ანალიზით შეიქმნა პატრონყმური ურთიერთობის ბუნება, მეორეში კი ლინგვისტიკური ანალიზის მოშველებით აღდგენილია ფეოდალურ საქართველოში შინაკოლონიზაციის საინტერესო ისტორიული სურათი.

განსაკუთრებით აღსანიშნავია აკად. ს. ჯანაშიას გამოკვლევა — „ქართველი ერის წარმოშობა სტალინის მოძღვრების სინათლეზე ნაციის შესახებ", რომლის ძირითადი დასკვნები შესულია „საქართველოს ისტორიის სახელმძღვანელოში". აკად. ს. ჯანაშიამ თავის ამ მეტად მნიშვნელოვან გამოკვლევაში მოგვცა ქართველი ერის წარმოშობის მეცნიერული გაგება. მრავალმხრივი ფაქტიური მასალების მოშველებით, აკად. ს. ჯანაშიამ ცხადჰყო, რომ „არავითარი საფუძველი არ არსებობს, როგორც ამას ზოგიერთი ავტორი ჩადის, თითქოს ერის წარმოქმნის პროცესი საქართველოში, ან საერთოდ კავკასიაში უჩვეულოს რასმე წარმოადგენდა და მე-19 საუკუნის ფარგლებში მიმდინარეობდა. ამ ავტორებს უთუოდ ავიწყდებათ, რომ „ერი ყალიბდება მხოლოდ ხანგრძლივი და რეგულარული ურთიერთკავშირის შედეგად, ადამიანთა ერთად ცხოვრების შედეგად, თაობიდან თაობამდე" *).

აკად. ს. ჯანაშია პირველ რიგში წყაროების კრიტიკის ამოცანას აყენებდა, მისი შრომები ამის ბრწყინვალე მაგალითებს იძლევა; ამას გარდა, ქართული წყაროების კრიტიკულ შესწავლას მან სპეციალური გამოკვლევაც უძღვნა. ამ მხრივ, დამახასიათებელია მისი „ფსევდო-არსნი". აღსანიშნავია, რომ ქართული წყაროების პარალელურად აკად. ს. ჯანაშია კრიტიკულად სწავლობდა უცხოურ წყაროებსაც. მეცნიერული კრიტიკული ალღო საშუალებას აძლევდა მას ადვილად შეემჩნია ისტორიული წყაროს ღირსება-ნაკლი. ასეთი დაკვირვების შედეგია მისი წერილები: „К критике Моисея Хоренского", „დე-ლა პორტის ცნობები საქართველოს შესახებ და წყარო ინტერპოლაციისა მათს რუსულ თარგმანში" და „კონსტანტინე პორფიროგენეტის ცნობები ტაო-კლარჯეთის ბაგრატიონთა შესახებ".

აკად. ს. ჯანაშია ამავე დროს თვით მუშაობდა ქართულ საისტორიო ძეგლების კრიტიკულ გამოცემაზე, მისი რედაქციით გამოვიდა „საქართველოს სიძველენის" მესამე ტომის დამატება. ჯერ კიდევ ადრე მანვე გამოსცა გამოკვლევითურთ, „საბა ასურის ცხოვრება", მის მიერვე დამზადდა დასასტამბავად მნიშვნელოვანი ძეგლები: „ძეგლი ერისთავთა" და ლეონტი მროველის თხზულება.

საქართველოს ძველი ისტორიის ცალკეული საკითხების ამგვარი სპეციალური, ისტორიულ-კრიტიკული შესწავლისას მიღებული დასკვნებისა და განზოგადების შედეგია აკად. ს. ჯანაშიას ვრცელი ნაშრომი „საქართველოს ისტორია, უძველესი დროიდან მე-10 ს. დასასრულამდე", დაწერილი სსრკ ხალხთა ისტორიის კაპიტალურ გამოცემისათვის და შედარებით მოკლედ „საქართველოს ისტორიის სახელმძღვანელოს" პირველი შვიდი თავი, იმ სა-

*) ნ. ბერძენიშვილი, ივ. ჯავახიშვილი, ს. ჯანაშია, საქართველოს ისტორია, გვ. 12.

ხელმძღვანელოსი, რომლის რედაქტორიც იყო აკად. ს. ჯანაშია და, რომელსაც მაღალი შეფასება მისცა საქართველოსა და საბჭოთა კავშირის მეცნიერულმა საზოგადოებამ. ამ ნაშრომს, როგორც ცნობილია, სტალინური პრემია მიენიჭა.

აკად. ს. ჯანაშიას სამეცნიერო მოღვაწეობა ზემოთთქმულით არ ამოიწურება. არ შეიძლება გვერდი აუაროთ მის ღირსშესანიშნავ ნარკვევებს საქართველოს კულტურულ-ისტორიული წარსულიდან. ამ მხრივ განსაკუთრებულ ყურადღებას იქცევს მისი ნარკვევები: „ვეფხის-ტყაოსანის პირველი რუსული თარგმანის გამო“, „დავით ჩხოტუა და მისი ნარკვევები ვეფხის-ტყაოსნის შესახებ“, „ეგნატე ინგოროყვას გენეალოგიისათვის“, „შეხედულება ფეოდალურ აღზრდისა და განათლების შესახებ და მათი წესები მე-18 ს. საქართველოში“, „გიორგი შარვაშიძე“ და სხვ.

აღსანიშნავია, რომ აკად. ს. ჯანაშიას მეცნიერული ინტერესები საკუთრივ ისტორიის ფარგლებით როდი ისაზღვრებოდა. იგი იყო დიდი ისტორიკოსი და ამავე დროს დიდი ენათმეცნიერი. იქ, სადაც ისტორიული წყაროებისა და მატერიალური კულტურის ძეგლების სიღარიბე დასკვნების გაკეთებას აძნელებდა, იგი იყენებდა ენათმეცნიერების მონაცემებს, რითაც არა ერთი ხარვეზი შეავსო.

საქართველოს უძველესი ისტორიის ვრცელ პრობლემაზე მუშაობამ ს. ჯანაშია მიიყვანა ისეთი საკითხების დასმამდე, როგორიცაა: ქართულ-ჩერქეზული, აგრეთვე ქართულ-ჭისტური და ქართულ-ლეკური ურთიერთობა. ს. ჯანაშიამ საგანგებოდ შეისწავლა ადიღეური ენები და მოგვცა გზის გამკვლევი მონოგრაფია: ადიღეურ (ჩერქეზული) ენების და მათი დიალექტების ფონეტიკურ-მორფოლოგიური მიმოხილვა. გამორკვეულია ჩერქეზულის გენეტიკური და ისტორიულ-კულტურული ურთიერთობა ქართველურ ენებთან და პირუკუ. ენათა ურთიერთობის მოპოებული მდიდარი ფაქტები ავტორმა სამ კატეგორიად დაჰყო: 1. საერთო ელემენტები, 2. გავლენები ქართველურ ენებისა ჩერქეზულზე და 3. გავლენები ჩერქეზული ენებისა ქართველურზე. ძიებამ შუქი მოჰფინა არა მარტო ამ ენათა ლექსიკისა და სინატაქსის ბნელ მხარეებს, არამედ, რაც მთავარია, აგრეთვე ფონეტიკისა და მორფოლოგიის დღემდე აუხსნელ მრავალ ძირითად საკითხს. ს. ჯანაშიამ სვანურში აღმოაჩინა მძლავრი ფენა ჩერქეზული ენისა და ამის მიხედვით გახსნა სვანური ბრუნების აქამდე შეკრული კვანძი. აიხსნა ბრუნების სისტემაც და ამ სისტემის მოქმედი მატერიალური ნაწილიც. ამით შესაძლებელი გახდა სვანური მორფოლოგიის ერთი ძირითადი თავის საბოლოოდ გაგება.

გარდა ზემოხსენებულთა, მას არაერთი საგულისხმო დაკვირვება აქვს დაბეჭდილი: „უზენაესი ღვთაების აფხაზური სახელწოდების ფორმისათვის“, „კიდევ ერთი ნაშთი ხანმეტობისა თანამედროვე ქართულში“ და სხვ.

განსაკუთრებით უნდა აღინიშნოს აკად. ს. ჯანაშიას დამსახურება ქართული არქეოლოგიის დარგში. ქართული არქეოლოგიის მნიშვნელოვანი განვითარება უდავოდ მის სახელთანაა დაკავშირებული. იგი უკანასკნელ დღემდე ხელმძღვანელობდა საქართველოს არქეოლოგიური სამუშაოების დაგეგმვას და შესრულებას. არქეოლოგიური სამუშაოები, რომელსაც აკად. ს. ჯანაშია ხელმძღვანელობდა, უმთავრესად ქართველ ტომთა უძველესი ცხოვრების მომთხრობ ძეგლთა შესწავლას მიეძღვნა.

საქართველოს ბრინჯაოს კულტურის შესწავლის საქმეში ს. ჯანაშიას ერთერთ დამსახურებად უნდა ჩაითვალოს მის მიერ მიღებული დასკვნა იმის შესახებ, რომ ე. წ. „ყობანური კულტურა"... შესაძლოა ამჟამად დასავლეთ საქართველოს ადგილობრივ კულტურად იყოს მიჩნეული" არა მარტო გავრცელებით, სრამედ წარმოშობითაც. აკად. ს. ჯანაშიამ სავსებით გაიზიარა და ახალი მასალებით დაასაბუთა აკად. ი. მეშჩანინოვის მოსაზრება, „ყობანური კულტურისათვის", „კოლხური კულტურის" შერქმევის შესახებ.

დასავლურ ქართული ბრინჯაოს კულტურის შესწავლის პარალელურად სწარმოებდა აღმოსავლეთ ქართული ბრინჯაოს კულტურის შესწავლაც. უკანასკნელმა აღმოჩენებმა დაადასტურეს აკად. ს. ჯანაშიას მიერ გამოთქმული მოსაზრება, რომ ე. წ. ამაზონური ცული ნამდვილად აღმოსავლურ ქართული ცულია და ისეთსავე თავისებურობას წარმოადგენს აღმოსავლურ ქართული წრისათვის, როგორც კოლხური ცული ბრინჯაოს კულტურის დასავლურ წრისათვის.

აკად. ს. ჯანაშიამ არა მარტო ბრინჯაოს ორი ძირითადი კულტურული წრის არსებობაზე მიუთითა, არამედ მტკიცედ განსაზღვრა ამ კულტურათა გავრცელების არე. მისი დასკვნით: „დასავლური კულტურის წრე შეიცავდა მთელს დასავლეთ საქართველოს, ჩრდილოეთ კავკასიის მთიანეთს, მდ. თერგის დასავლეთით, მდ. ჭოროხის ხეობასა და შავი ზღვის სამხრეთ სანაპიროსაც. ეს ის ტერიტორიაა, რომელიც შემდეგში კოლხეთად იწოდებოდა"... „აღმოსავლური კულტურის არე შეიცავდა აღმოსავლეთ საქართველოს ალაზნის გაღმა მხრით. სევანის ტბის მხარესა და არაქსის ხეობაშიც ჩადიოდა. დღევანდელი ქართლი ჩანს, მაშინაც ისეთი ცენტრალური თემი იყო, სადაც ერთმანეთს ხვდებოდა და თავის გამოცდილებას უზიარებდა დასავლეთ და აღმოსავლეთ საქართველოს მოსახლეობა" *).

არანაკლები ინტერესით სწარმოებდა ანტიკური პერიოდის არქეოლოგიური შესწავლა. 1937 წ. აკად. ივ. ჯავახიშვილის ხელმძღვანელობით დაწყებული საქართველოს ძველი დედაქალაქის არქეოლოგიური შესწავლა გაგრძელდა ს. ჯანაშიას ხელმძღვანელობით. ანტიკური ხანის არქეოლოგიური შესწავლა აკად. ს. ჯანაშიას არქეოლოგიური მოღვაწეობის ქვაკუთხედი გახდა. მცხეთა-არმაზ-ბაგინეთის გათხრების დროს წარმოებულმა მსოფლიო მნიშვნელობის აღმოჩენებმა სავსებით დაადასტურეს ს. ჯანაშიას მიერ ლიტერატურული წყაროების მიხედვით ადრე გამოთქმული მოსაზრებები. ამას გარდა, აკად. ს. ჯანაშიამ პირველმა მოგვცა ახლად აღმოჩენილ მასალათა განმარტება და ხაზგასმით აღნიშნა სამარხთა დამახასიათებელი ძირითადი მომენტები. უმთავრესად მცხეთის არქეოლოგიური ექსპედიციის მასალების ანალიზს მიეძღვნა მისი მოხსენება თემაზე — „მცხეთა საქართველოს ძველი დედაქალაქი", წაკითხული საქართველოს მეცნიერებათა აკადემიის სესიაზე 1941 წ. 2 მარტს.

დიდი მეცნიერული ერუდიციითა და ცოდნით აღჭურვილი აკად. ს. ჯანაშია მუდამ ფხიზლად იდგა საბჭოთა ისტორიული მეცნიერების სადარაჯოზე და დაუზოგავად ამხელდა მეცნიერებაში ფაქტების ნებით თუ

*) საქ. ისტორია, გვ. 27.

უნებლიეთ გაყალბებას. ქართული ისტორიული ფრონტი ს. ჯანაშიას მეთაურობით აქტიურად გამოდიოდა პოკროვსკის სკოლის შეცდომათა აღორძინებისა და საერთოდ საბჭოთა კავშირის ხალხთა ისტორიის გაყალბების ცდების წინააღმდეგ. ამ თვალსაზრისით განსაკუთრებით ყურადღებას იქცევს ს. ჯანაშიას წერილები: „ხეთების ისტორიისა და ენის საკითხისათვის“ და ცნობილი ნაშრომი **„Об одном примере искажения исторической правды. По поводу книги Н. М. Токарского „Архитектура древней Армении“.**

ს. ჯანაშიას კრიტიკულ წერილებს მარტო ისტორიული ფაქტებისა და მეთოდების გაყალბების გამომჟღავნება კი არ ჰქონდა მიზნად, არამედ სწორი ისტორიული კვლევის წარმართვისათვის სათანადო დახმარების გაწევაც. ასე, მაგალითად: მისი წერილით: **„История СССР“ и „История народов Кавказа“** გასწორდა საბჭოთა კავშირის ხალხთა ისტორიის სახელმძღვანელოში დაშვებული მრავალი უხეში შეცდომა. ამით აიხსნება, რომ ს. ჯანაშიას კრიტიკული წერილები ფართო გამოხმაურებას პოულობდა ჩვენი კავშირის მეცნიერულ საზოგადოებრიობაში და სათანადოდაც ფასდებოდა.

აკადემიკოს ს. ჯანაშიას მნიშვნელობა ქართული საბჭოთა მეცნიერებისათვის ზემოთქმულით არ ამოიწურება. იგი როგორც მოწინავე მეცნიერების სახელოვანი წარმომადგენელი, თავის უპირველეს მოვალეობად ჩვენი ქვეყნის საზოგადოებრივ საქმიანობაში აქტიურ მონაწილეობას მიიჩნევდა. იგი ცნობილი იყო არა მარტო როგორც მკვლევარი, არამედ აგრეთვე, როგორც დაუღალავი პრაქტიკული მოღვაწე, ლენინურ-სტალინური სტილის მეცნიერი.

ჰაბუკობიდანვე ჩაება ს. ჯანაშია საზოგადოებრივ მუშაობაში. თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტში მომწიფდა და გაიფურჩქნა მისი ნიჭი. მთელი მისი შემდეგდროინდელი მოღვაწეობა — ოცდაათი წლის განმავლობაში — შეეწირა ქართული კულტურის ამ დიდი ტაძრის კეთილდღეობის საქმეს.

დიდ საორგანიზაციო და მეცნიერულ მოღვაწეობასთან ერთად ს. ჯანაშია ფართო პედაგოგიურ მუშაობასაც ეწეოდა. კეთილშობილი თვისებებით უხვად დაჯილდოებული. გულისხმიერი ხელმძღვანელი და მგზნებარე პატრიოტი, იგი დიდი გულწრფელობით უნერგავდა მოწაფეებს თავისი ქვეყნის წარსულისა და აწმყოსადმი უანგარო სიყვარულს. სწორედ ამიტომ სტალინის სახელობის თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის სტუდენტობაში ს. ჯანაშია ყოველთვის განსაკუთრებული ავტორიტეტითა და პატივისცემით სარგებლობდა.

სახელმოხვეჭილი მეცნიერის ორგანიზაციული და საზოგადოებრივი მუშაობა მალე გასცილდა საკუთრივ უნივერსიტეტის ფარგლებს. 1936 წელს ქართველი ხალხის სახელოვანი შვილის ამხანაგ ლ. პ. ბერიას თაოსნობით ჩამოყალიბდა აკად. ნ. მარის სახელობის ენის, ისტორიისა და მატერიალური კულტურის ინსტიტუტი. ს. ჯანაშია დაინიშნა ამ ახლად შექმნილი ინსტიტუტის დირექტორის მოადგილედ და საქართველოს ისტორიის სექტორის გამგედ. იმავე წელსვე ს. ჯანაშია ამ საკვლევო-სამეცნიერო დაწესებულების დირექტორად დაინიშნა. მან სავსებით გაამართლა დიდი სტალინის თანამებრძოლის ამხანაგ ლ. პ. ბერიას ნდობა: ენის, ისტორიისა და მატერიალური კულტურის ინსტიტუტი უმოკლეს დროში მსხვილ სამეცნიერო დაწესებულებად გადაიქცა.

1939 წლიდან ს. ჯანაშია დაინიშნა საკავშირო მეცნიერებათა აკადემიის საქართველოს ფილიალის თავმჯდომარის მოადგილედ. ინსტიტუტის დირექტორობასთან ერთად, იგი ამ ახალ საპასუხისმგებლო სამუშაოს დიდი მონდომებით უძღვებოდა.

საკავშირო მეცნიერებათა აკადემიის საქართველოს ფილიალი საფუძველი გახდა საქართველოს მეცნიერებათა აკადემიის ჩამოყალიბებისა. 1941 წ. დაარსდა საქართველოს მეცნიერებათა აკადემია, რომლის პირველი ვიცე-პრეზიდენტი ს. ჯანაშია იყო.

ენის, ისტორიისა და მატერიალური კულტურის ინსტიტუტის გაფართოებამ აუცილებელი გახადა მისი გაყოფა ორ ინსტიტუტად — ენისა და ისტორიის ინსტიტუტებად. 1943 წლამდე ს. ჯანაშია ორივე ამ ინსტიტუტს ხელმძღვანელობდა, ხოლო აკადემიის ვიცე-პრეზიდენტად და ივ. ჯავახიშვილის სახელობის ისტორიის ინსტიტუტის დირექტორად იგი სიცოცხლის უკანასკნელ დღემდე იმყოფებოდა.

სიმონ ჯანაშიამ მთელი თავისი ხანმოკლე, მაგრამ შინაარსიანი სიცოცხლე განუყრელად დაუკავშირა ჩვენი ქვეყნის ზრდასა და განვითარებას, ჩვენი მეცნიერების გაფურჩქვნა-აყვავებას. მარქსისტულ-ლენინური მოძღვრების შესისხლხორცებამ, კომუნისტური პარტიის იდეებისადმი უსაზღვრო ერთგულებამ, იგი ბოლშევიკური პარტიის რიგებში მიიყვანა: 1940 წ. ს. ჯანაშია საკ. კ. პ. (ბ) წევრად იქნა მიღებული.

მშრომელი ხალხი კარგად იცნობდა და დიდ პატივსაც სცემდა საბჭოთა მეცნიერს. 1936 წ. ს. ჯანაშია არჩეულ იქნა მე-8 საგანგებო მოწვევის საქართველოს საბჭოების ყრილობის დელეგატად. 1939 წელს კი თბილისის მშრომელებმა იგი საქართველოს დედაქალაქის მშრომელთა დეპუტატების საქალაქო საბჭოს დეპუტატად აირჩიეს.

1946 წელს საქართველოს მშრომელებმა აკად. ს. ჯანაშია ხელისუფლების უმაღლეს ორგანოს სსრ კავშირის უმაღლესი საბჭოს დეპუტატად აირჩიეს.

პარტიამ და მთავრობამ ღირსეულად შეაფასა ს. ჯანაშიას მოღვაწეობა. 1941 წელს სსრ კავშირის უმაღლესმა საბჭომ იგი ლენინის ორდენით დააჯილდოვა. 1943 წელს ხანგრძლივი და ნაყოფიერი მეცნიერული მოღვაწეობისათვის ს. ჯანაშიას პირველი ხარისხის სტალინური პრემია მიენიჭა. 1944 წ. სსრ კავშირის უმაღლესმა საბჭომ კადრების აღზრდაში განსაკუთრებული დამსახურებისათვის ს. ჯანაშია მეორედ დააჯილდოვა ლენინის ორდენით, ხოლო 1945 წელს კი იგი სსრ კავშირის მეცნიერებათა აკადემიის იუბილესთან დაკავშირებით შრომის წითელი დროშის ორდენით იქნა დაჯილდოვებული. 1947 წ. ს. ჯანაშიას, როგორც „საქართველოს ისტორიის სახელმძღვანელოს“ თანაავტორსა და რედაქტორს, მეორედ მიენიჭა სტალინური პრემიის ლაურეატის საპატიო სახელი.

შეუსვენებელმა შრომამ, თავდადებულმა და ინტენსიურმა მოღვაწეობამ მოჰქანცა და დაასუსტა ჩვენი უანგარო მეცნიერის ორგანიზმი. 1944-1947 წლებში იგი მძიმე ავად იყო, მაგრამ მაინც განაგრძობდა ნაყოფიერ სამეცნიერო და საზოგადოებრივ მოღვაწეობას. ამ დროს შეიქმნა მისი მნიშვნელოვანი მონოგრაფიები ქართველი ერის წარმოშობის და ანტიკური სა-

ქართველოს შესახებ, ამ დროს დაიხვეწა და შეივსო „საქართველოს ისტორიის სახელმძღვანელოს“ მეორე გამოცემა, ამ დროსვე დაიწერა მისი კრიტიკული შენიშვნები. ამ პერიოდში ს. ჯანაშია, მისთვის ჩვეული ხალისით, ხელმძღვანელობდა არქეოლოგიურ ექსპედიციას მცხეთაში.

1947 წლის ოქტომბრის ბოლო რიცხვებში სიმონ ჯანაშიამ უკანასკნელად ინახულა საქართველოს უძველესი დედაქალაქის — მცხეთის ისტორიული ადგილები, 1-ლ ნოემბერს იგი თბილისს დაბრუნდა... 15 ნოემბერს კი უდროოდ შესწყდა დიდი საბჭოთა მეცნიერის, საზოგადო მოღვაწისა და მგზნებარე პატრიოტის შესანიშნავი სიცოცხლე.

ქართველი ხალხის ხსოვნაში არასოდეს არ მოკვდება ჩვენი ქვეყნის უანგარო მსახურის, დიდი მეცნიერისა და საზოგადო მოღვაწის აკადემიკოს სიმონ ჯანაშიას ნათელი ხსოვნა.

Х. БГАЖБА
кандидат филологических наук

ГЕОРГИЙ ШАРВАШИДЗЕ — ВИДНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ГРУЗИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ*)

Абхазское государственное издательство в 1947 году выпустило в свет сборник сочинений Георгия Михайловича Шарвашидзе, включающий лирические, эпические и драматические произведения писателя, столетие со дня рождения которого широко было отмечено общественностью Абхазии в декабре 1946 года.

В указанный сборник вошло литературное наследство поэта, сохраненное его друзьями и извлеченное из разных периодических изданий.

Г. М. Шарвашидзе (Чачба), родом абхаз, по своему воспитанию и образованию органически и неразрывно связан с грузинской культурой, с которой он был прекрасно знаком и на которую ориентировался в своем творчестве. Он увлекался величайшими памятниками грузинской литературы, а поэму Руставели знал превосходно, цитируя наизусть целые ее главы.

В грузинскую литературу Г. Шарвашидзе внес небольшой, но ценный вклад. Будучи в тесной дружеской связи со многими выдающимися грузинскими писателями и видными представителями грузинской культуры, Г. Шарвашидзе живо интересовался общественной и культурной жизнью Грузии. Он был близким другом Акакия Церетели, и эта дружба нашла свое отражение в стихотворных посланиях, которыми они обменивались и которые блещут остроумием.

В ответ на дружеское поэтическое письмо А. Церетели, Г. Шарвашидзе откликнулся замечательным стихотворением, заканчивающимся словами, полными глубокого смысла: «...Я абхаз, подымаю за тебя здравицу по-братски и с любовью, как это делали наши предки».**).

В другом стихотворении, посвященном памяти Акакия Церетели, Г. Шарвашидзе писал с большим чувством: «Светильник души! Нет,

---

* Доклад, прочитанный на заседании Ученого совета Абхазского научно-исследовательского института им. акад. Н. Я. Марра Академии Наук Грузинской ССР 28. XII. 49 г.

** „... მე, აფხაზი (გადმოგრძელებ — ხ. ბ.), წრფელის გულით, ვით სცოდნიათ ჩვენსა ძველებს, ძმობითა და სიყვარულით!" (ლექსი „გიორგის პასუხი აკაკისადმი").

не прощаюсь с тобой; такие, как ты, не умирают, только тело твое покоится, а бессмертные небесные голоса твоей лиры вечно будут жить в нас... Ты вкован в сердца грузин, как золотая насечка вгранена в сталь...» *)

Г. Шарвашидзе был также близко знаком с Ильей Чавчавадзе. Об этом свидетельствуют некоторые письма И. Чавчавадзе, относящиеся к 1873 году. Будучи в Петербурге, он 19 декабря того же года посылает своей жене письмо, в котором рассказывает о глубоком интересе, проявленном Г. Шарвашидзе к грузинскому переводу трагедии Шекспира «Король Лир», осуществленному И. Чавчавадзе и В. Мачабели. «На днях, — пишет он в этом письме,—я был у Шарвашидзе... Недавно он сам зашел ко мне и попросил прочесть трагедию Шекспира «Король Лир», переведенную нами с английского на грузинский язык. Я отправился к нему прочитать («Короля Лира»); было много народу и очень похвалили (перевод). Подумай только: женщины плакали, а мужчины все говорили: «Вот так, молодец!» **)

Тесные дружеские и родственные узы связывали Г. Шарвашидзе с грузинским поэтом Мамиа Гурнели.

Георгий Шарвашидзе родился в 1846 году в селении Лыхны, в четырех километрах от города Гудаута, в семье последнего абхазского владетеля Михаила (Хамут-бея). Мать его Александра Георгиевна, урожденная Дадиани—из мегрельского знатного дома, была образованная женщина, окружавшая своих детей нежной любовью и заботой. Она своему сыну рано привила любовь к литературе и языкам. Умный, волевой мальчик, будущий писатель, получил хорошее образование. Он владел в совершенстве грузинским, русским, абхазским, французским и другими языками. Свои произведения Г. Шарвашидзе писал преимущественно на грузинском языке, хорошо выражавшем его сокровенные мысли и чувства.

Абхазы с древнейших времен воспитывались на традициях грузинской культуры. Знание грузинского языка издавна было распространено в Абхазии. Об этом рассказывают Сулхан-Саба Орбелиани, царевич

---

* სულმნათო! არა, არ გეთხოვები,
შენისთანები არა კვდებიან,
სხეულით მხოლოდ შენ განისვენე,
ხოლო ზეციურ-უკვდავი ხმები
შენის ქნარისა ჩვენთან შთებიან!
და ეს ანდერძი აღმაფრთოვანი
შენის ერისგან დალოცვილია,
როგორც ფოლადში ოქროს ხარნიში,
ქართველთა გულში ჩაქედილია... (ლეკსი „აკაკის").

** „... იმ დღეს გიორგი შარაშიძესთან ვიყავ... ამას წინად თითონ მოვიდა და მთხოვა შექსპირის ტრაგედია კოროლი ლირი, რომელიც ქართულად ანგლიურიდამ გადავთარგმნეთ, წაგვიკითხეთ. წაველდი წასაკითხავად; კარგა ბლომა ხალხი იყო და ძალიან მოიწონეს. ასე იფიქრე, ქალებმა იტირეს და კაცები კი სულ აფერუმს იძახოდნენ".
(იხ. ილია ჭავჭავაძე, საიუბილეო კრებული, თბილისი, 1939, გვ. 83).

Находясь по служебным делам в Душети, И. Чавчавадзе в письме от 23 февраля 1873 года сообщает жене о своей встрече с Г. Шарвашидзе в семье Мухранских.

Вахушти и другие писатели. *) Об этом свидетельствует и творчество первого выдающегося писателя-абхаза и общественного деятеля Георгия Шарвашидзе.

Часть стихотворений Г. Шарвашидзе написана на русском языке. Эти произведения и другие его работы, главным образом, публицистические статьи, свидетельствуют о значительных познаниях поэта в области русской литературы.

В шестидесятых годах прошлого столетия произошло упразднение абхазского княжества. Тогдашний кавказский наместник, великий князь Михаил Николаевич был враждебно настроен против Георгия Шарвашидзе. «Михаил Николаевич, — пишет акад. С. Н. Джанашиа, — в лице Георгия Шервашидзе видел природного врага. К этому присоединялись антипатии личного характера в семье великого князя по отношению к Шервашидзе... Это он отстранил от власти отца Георгия, последнего абхазского владетельного князя Михаила (Хамутбея) Шервашидзе и выслал его в Россию (1864 г.), где, находясь под полицейским надзором, Шервашидзе и умер. Он же (наместник. — Х. Б.) с большой жестокостью усмирил вспыхнувшее (1866 г.) в Абхазии большое народное восстание, которое являлось ответом на методы только что введенного русского управления и которое, на совсем короткое время, об'явило владетельным князем Георгия Шервашидзе. По инициативе этого же наместника у семьи бывшего князя Абхазии было отобрано все имущество и создано весьма унизительное для нее положение». **)

В 1866 году, во время восстания в Абхазии, Г. Шарвашидзе, будучи в чине поручика, как говорится в донесении главнокомандующего Кавказской армией военному министру от 23/28 февраля 1867 г., «во все время волнений находился в среде возмутившегося населения». ***) Однако следует сказать, что активного участия в народном восстании он не принимал, хотя и не покидал его под давлением народных масс, требовавших от него руководящего участия. Есть основание верить тому, что Г. Шарвашидзе думал покинуть восставших и вернуться в Сухум, но не рискнул на это, вместе с тем он не сделал ни одной почти попытки для прекращения волнения.

По этому поводу главнокомандующий в своем донесении военному министру писал: «Нет никакого сомнения, что подобное поведение кн. Георгия в глазах населения приняло тот вид, который пожелали

---

* Следует также напомнить о широком распространении грузинского литературного языка не только в Абхазии, но и на Северном Кавказе, начиная еще с раннего средневековья. — «В VIII-X веках сильно выросло значение грузинского литературного языка. Уже в IX веке не только в Картли, но и в Тао-Кларджети, Кахети и Абхазии грузинский язык являлся единственным языком письменности, государственного и частного делопроизводства, церковного обихода и богослужений. Грузинский литературный язык получил распространение вместе с христианством и на Северном Кавказе, в первую очередь, — среди черкесов и аланов» (История Грузии, часть I. Под редакцией С. Джанашиа, Тбилиси, 1946, стр. 165).

** Сборник Руставели. К 750-летию «Вепхисткаосани». Тбилиси, 1958 г., стр. 200.

*** ЦГИА ГССР, ф. 545, д. 247, л.л. 13—19.

придать лица, руководившие этим делом, и что в народном сознании он являлся в настоящем случае вполне сочувствующим возмущению, в видах мести за удаление отца его». *)

До окончательного решения вопроса об участии Г. Шарвашидзе в восстании, по распоряжению главнокомандующего, он был временно удален в Кутаис. Затем последовала административная высылка его, о чем было так сообщено ему в письме от начальника управления Сухумского округа: «Милостивый государь, кн. Георгий Михайлович! Его императорское высочество главнокомандующий армией, по соображении всех обстоятельств последнего возмущения в Абхазии, изволил признать необходимым,—воспретить вам пребывание в пределах Кавказа, назначить вам местом жительства Оренбургский край. Имея при этом в виду предоставить вам случай военными отличиями заслужить вновь внимание государя императора, его императорское высочество предполагает ходатайствовать о зачислении вас на службу в войска Туркестанской области или вообще в войска Оренбургского военного округа». **)

Георгия Михайловича, как «интеллектуального участника» восстания, сослали в Оренбург; потом, по расследовании, его признали невиновным и вернули из ссылки, но не разрешали ему постоянно проживать в Абхазии. Он временно поселился в Петербурге, где впоследствии стал известен будущему царю Александру III.

Г. Шарвашидзе мог бы сделать блестящую служебную карьеру. Но это не привлекало его. Ему был более приемлем девиз Чацкого: «Служить бы рад, прислуживаться тошно». В некрологе о Г. Шарвашидзе читаем: «Георгий Михайлович по своей выдающейся способности и природным дарам мог сделать блестящую карьеру, если бы захотел приноровиться к придворным порядкам и требованиям, но он, как рыцарь, всегда с негодованием и презрением отвергал все те компромиссы, ценою которых доставались почести и привилегии от бывшего самодержавного двора Романовых». ***)

Когда Александр III приехал в Кутаис в 1888 году, Г. Шарвашидзе, хотя он и не был революционером, выслали из пределов Кутаисской губернии на все время пребывания царя в ней.

Георгий Михайлович имел звание флигель-ад'ютанта и написал Александру III письмо, заявляя в нем, что «раз царское правительство настолько мне не доверяет, что в том городе, куда прибывает император, мое присутствие считает опасным, я не нахожу нужным носить флигель-ад'ютантское звание». ****)

Писатель не обезличил себя, не растворился в придворных кругах, но сохранил в чистоте и неприкосновенности свою яркую индивидуальность, национальное лицо и верность своим общественно-культурным принципам.

---

* ЦГИА ГССР, ф. 545, д. 247, лл. 13—19.

** Там же, л. 11.

*** Г. М. Шервашидзе. Некролог. Сухум, 1918 г.

**** Там же.

Г. Шарвашидзе был в оппозиции к царскому правительству. *) Только после 1905 года он получил возможность поселиться в любимом крае, в Сухуми. Здесь писатель умер 19 февраля 1918 года. Он похоронен рядом со своим отцом и матерью в Моквинском монастыре, построенном абхазским царем Леоном в X веке.

Дом, где жил Г. Шарвашидзе, сохранился до настоящего времени в Сухуми (по улице Пушкина). На фасаде дома сделана надпись самим писателем латинскими буквами: «Вилла чеми», что означает по-грузински «Моя вилла».

Писатель горячо любил свою страну Грузию. Он всегда ощущал свою неразрывную связь с родной Абхазией, являвшейся в его глазах самобытной хранительницей чарующих народных песен, сказаний, древних обычаев. Вынужденный подолгу жить вдали от родного уголка, он при первой же возможности возвращался в Абхазию и, одетый в черкеску и бурку, об'езжал ее по горам и долинам из конца в конец.

В писателе вызывала восторженную радость многовековая история Грузии, прошедшей большой путь борьбы за культуру и цивилизацию. В одном из своих писем Г. Шарвашидзе говорит:

«...Наша родина Иверия пережила большие культурные сдвиги... Мы вправе гордо заявить, что будь судьба не так изменчива к нам, мы были бы впереди Европы... Когда Андрей Первозванный проповедывал здесь учение Христа, в Европе сами герцоги были одеты в шкуру буйволов и, босые, ходили по лесам, охотясь с копьями в руках». **)

В своем письме, посланном в редакцию берлинской газеты „Berliner Tageblatt" в ответ на измышления посетившего в 1912 году Грузию, в том числе Абхазию, заносчивого немецкого путешественника Лоренца, Г. Шарвашидзе писал: «...Не следует усваивать весь хлам, именуемый некоторыми прогрессом, а мы стараемся выбирать из него, как жемчужины, выдающиеся произведения литературы и искусства, следим за открытиями в науке, словом берем лишь то, что считаем с пользой применимым к жизни и обществу. Так бесхитростно мы живем, и если бы г. Лоренц больше вникнул в бытовые стороны, он бы понял все это и многое другое; узнал бы, что этот народ, к которому он отнесся презрительно, имеет блестящее историческое прошлое, что грузины — рыцари, ходившие в крестовый поход поборниками первого христианства, стояли у врат Кавказа на часах с мечами наголо в течение пятнадцати веков не для того, чтобы врываться в чужие страны и расхищать чужое добро, а для защиты отечества, — для охраны христи-

---

* Некоторые современники Г. Шарвашидзе шли так далеко, что считали его даже революционером; например, автор некролога писал: «В то время, как наследников других владетелей за преданность престолу, покорность и приниженье перед царским правительством, награждали и имениями, и чинами, и орденами, Георгия Михайловича, как неблагонадежного, как революционера, всегда держали в опале, лишили его всего наследственного имущества, которое частями раздавали тем чиновникам, которые преследовали и его, и абхазский народ».

Как было сказано выше, об'явить Г. Шарвашидзе революционером, конечно, нельзя.

** Симон Джанашиа. Георгий Шарвашидзе. Очерк из культурной истории Абхазии и Мегрелии. Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. III, Тбилиси, 1939, стр. 19 (на груз. яз.).

анской культуры и гражданского быта; узнал бы также, что у грузин есть богатейшая древняя эпическая литература, сравниваемая с мировыми произведениями; узнал бы, что в иерархии грузинских царей и народа встречаются имена необыкновенных героев и людей гениальной мудрости и т. д. и т. д. Можно бы еще многое сказать, но золотые страницы прошлого этого народа, омытые слезами и кровью всей нации, нельзя передать в газетном столбце». *)

Г. Шарвашидзе остро критиковал буржуазную цивилизацию. Эту мысль он выразил в том же письме недвусмысленно и иронически-резко: «Да, мы еще не дошли до европейской цивилизации, где животные имеют преимущество перед людьми. Так, например, олени занимают обширные пространства парков, а люди, не имея клочка земли, задыхаются в копях, за тяжелыми работами; великолепные здания выстроены для лошадей, их кормят, холят и поят, а человек, не имея двух пенсов для ночлега, издыхает на дворе. Вообще цивилизация предоставляет большой комфорт животным: охотничьим собакам, норкширским свиньям и т. д.». **)

Шарвашидзе обрушивался на продажность буржуазной прессы, вскрывал отвратительные приемы ее реклам. Так характеризует он названного выше буржуазного борзописца: «Все это непозволительное измышление носит характер такой густой грубости, что рождается сомнение, не был ли г. Лоренц также грубо и густо оплачен за эту клевету? Быть может, это кому-либо и для чего-либо нужно. Бывают случаи, когда путем подобных реклам хотят унизить в общественном мнении мало известные нации... Описывая виденное, нельзя же было ограничиться одними большими шапками, на которые г. Лоренц обратил особое свое «просвещенное» внимание,—надо же было прибавить еще что-либо в виде характеристики нравственных качеств этих людей, которые его принимали и угощали. А что сказать про них! Для хорошего отзыва требуется больше знания и вдумчивости, а для плохого всегда хватит воображения у самого заурядного репортера. К тому у г. Лоренца, повидимому, претензия на остроумие, но, к сожалению, он смешивает злословие с остроумием. Между ними очень большая разница». ***)

Как известно, Г. Шарвашидзе побывал в различных странах Западной Европы, Азии (в частности, в Индии) и в результате этих поездок у него накопились богатые впечатления и наблюдения, позволившие ему критически отнестись к западной цивилизации, уже и в то время переживавшей глубокий кризис.

По своим социально-политическим взглядам Г. Шарвашидзе примыкал к феодально-прогрессивному течению грузинской интеллигенции второй половины XIX века. Он был сторонником идеи национального возрождения на почве примирения сословий и мирного их сотрудничества.

Наряду с общественной деятельностью, направленной на защиту интересов родного края, в форме устных публичных и печатных вы-

---

* Газета «Закавказская речь», № 146, 1911 г.
** Там же.
*** Там же.

ступлений, *) Г. Шарвашидзе любил художественную литературу, в которой он сумел сказать и свое собственное слово.

Начало литературной деятельности Шарвашидзе относится к концу 60-х и началу 70-х годов. Он стал сотрудничать в газете «Дроеба», которая в то время (начало семидесятых годов) являлась самым прогрессивным печатным органом Грузии. Во всех жанрах поэзии Шарвашидзе проявил себя одинаково успешно. Наряду с лирическими стихами, поэмами, он писал и пьесы.

Поэтическое наследство Г. Шарвашидзе не велико: оно состоит из нескольких пьес, десятка стихотворений и незаконченной поэмы «Гваданис-цихе» (Замок Гвадана). **) Но это небольшое по размеру наследство ярко свидетельствует о своеобразной индивидуальности автора.

Начиная с 80-х годов прошлого столетия пьесы Георгия Шарвашидзе ставились на сценах грузинских театров. Его комедия в 4-х действиях «Уходящие тени» впервые была поставлена на тифлисской сцене в ноябре 1881 года и издана в Кутаисе в 1882 году. Другая драматическая картинка Г. Шарвашидзе в одном действии—«Дым без огня»—ставилась К. Месхи в кутаисском театре 14 ноября 1893 года, а затем в Тифлисе.

Из драматических произведений Г. Шарвашидзе обращает на себя внимание его историческая драма «Георгий III», посвященная идее единства и государственного могущества Грузии. Пьеса была поставлена впервые в 1915 году в кутаисском театре. Она ставилась еще три раза, а тогда это считалось большой победой.

В лице Георгия III писатель видит большого государственного деятеля, продолжателя дела Давида Строителя. «Давид Строитель, — говорит один из персонажей драмы, — был таким царем, подобный которому не скоро явится в Грузии. Он об'единил Картл-Кахети в одно царство и тем самым собрал все разрозненные грузинские племена в одно целое, ослабил независимое существование возгордившихся тавадов (феодалов) и на этой основе создал единое царство Иверии. Да, по этим великим стопам идет теперь и наш царь».

В пьесе рассказывается, как Георгий III преодолевает сопротивление феодалов и защищает общие интересы государства. Ради последних он вручает царскую власть своей дочери — Тамаре, как достойной наследнице.

В пьесе в качестве действующего лица выступает и абхазский владетель Татеоз Шарвашидзе, всецело преданный и полностью одобряющий стремления Георгия III. «Государь, великий господин! — воскли-

---

* По этому поводу акад. С. Н. Джанашиа пишет: «Известны его (Г. Шарвашидзе. — Х. Б.) выступления по вопросам истории Абхазии в местной и иностранной прессе. Георгий был прекрасным знатоком не только прошлого и настоящего Абхазии, но и самого абхазского языка» (Георгий Шарвашидзе. Лирика. Эпос. Драма. Сухуми, 1946, стр. 21—22).

** Часть произведений Г. Шарвашидзе печаталась в дореволюционных грузинских изданиях, главным образом, в периодической печати, часть сохранилась в устной передаче или в виде альбомных записей у друзей поэта, а неопубликованные рукописи, отобранные им самим перед смертью, к сожалению, утеряны безвозвратно. Много интересных материалов, относящихся к биографии и творчеству Г. Шарвашидзе, бережно сохранила внучка его В. Н. Дадиани-Мачхарашвили.

цает Татеоз на совете грузинских владетелей во дворце царя. — Ты знаешь хорошо, что наша страна, вооруженная луками-стрелами, поражает твоего врага, геройски жертвует собой...» *)

В этом произведении Г. Шарвашидзе создал сильные, волевые образы. Драма «Георгий III» обладает значительными сценическими достоинствами и занимает определенное место среди произведений, изображающих прошлое Грузии.

Пьеса «Георгий III» была отдельной книгой издана в 1948 году Грузинским театральным обществом. Известный грузинский писатель-драматург Шалва Дадиани в послесловии к этой книге, высоко оценивая идейно-художественные достоинства пьесы, пишет: «В настоящее время мы издаем пьесу Г. Шарвашидзе «Георгий III», которую считаем одной из замечательных произведений среди наших исторических пьес. Очевидно, сегодня, если за ее постановку возьмутся наши ведущие театры силами своих талантливых актеров и с помощью существующих технических возможностей, то пьеса Г. Шарвашидзе вновь достойно зазвучит на сцене». **)

Лирика Г. Шарвашидзе является плодом незаурядного творческого дарования. Она пропитана мотивами нелицеприятной дружбы, искренней любви к народу.

Горячую любовь к Абхазии Г. Шарвашидзе выразил в стихотворении «Абхазская песня «Варада», в котором чувствуется биение большого патриотического сердца. Об этом стихотворении академик С. Н. Джанашиа пишет: «Только на почве глубокого чувства и понимания своеобразия родной среды мог зародиться такой шедевр, каким является его «Абхазская песня «Варада», идущее из недр души поэтическое воплощение лирического волнения». ***)

К теме страданий народа, его обнищания под гнетом царского самодержавия, поэт возвращается и в стихотворении «Знаешь ли, друг мой, страну одну», которое заканчивается следующими словами:

Там раздается звон кандальный,
Там стонет человек печальный,
Ты слышишь, друг мой, дрожь тая?
Несчастная страна моя! ****)

Волнующую тему для поэзии Г. Шарвашидзе находил в жизни угнетенного народа. «Когда я слышу о страдании угнетенного народа, — пишет он, — мне кажется, что от несправедливости земля увлажня-

---

* ხელმწიფეო, დიდო ბატონო! შენ იცი კარგად,
მშვილდ-ისარითა მომართულით ჩვენი ქვეყანა
ჰგმირავს შენს მტერსა: მამაცურად შეაკედებიან,
ბოლო რაი სჯობს სამეფოსთვის, რას მიხედებიან!
ოღონდ ნებასა, სიტყვას შენსა ემონებიან („გიორგი III").

** Георгий Шарвашидзе. Георгий III. Тбилиси, изд. «Хеловнеба», 1948, стр. 53 — 54 (на груз. яз).

*** С. Джанашиа. Указ. соч., стр. 24.

**** იქ ისმის ღერა ბორკილებისა,
იქ კვნესის სული, არ ყურობ განა?
ღირსია, ძმაო, შებრალებისა
ის უბედური — ჩემი ქვეყანა! (ლექსი „შენ იცნობ, ძმაო, ქვეყანას ერთსა").

ется кипящими потоками. Когда я слышу его стон, душу угнетающий, сердце разрывается, только тогда, только тогда стенает и моя лира». *)

Своей отчизне он был предан, мысль о ней всегда горела в его сердце неугасимым пламенем. Это чувство он выразил незадолго до смерти в словах, обращенных к Грузии: «Хотя я не буду в живых, но тебя считаю матерью счастья. И никогда не перестану чувствовать и любить тебя».

Чуткий к общественным явлениям, Георгий Шарвашидзе был убежден, что стоит жить и бороться ради большого дела, ради общей цели, ведущей к желанному будущему. Он был уверен, что «лучше умереть, чем жизнью пользоваться бесцельно». В этом отношении характерно его стихотворение «Лев». В образе льва, заключенного в клетке, но не падающего духом и неустанно борющегося за свое освобождение, поэт выразил свои чувства, стремление к активной борьбе, к свободе:

И лев трепещет от желанья
Сразить врагов, бороться, жить.
В борьбе рожденное созданье,
В железной клетке укротить
Никто не в силах... **)

Временами у поэта звучали и нотки пессимизма, окрашенные грустью об уходящем патриархальном укладе жизни. Поэтому понятно, что некоторые стихотворения Г. Шарвашидзе проникнуты безвыходной скорбью, а одно из них — «Открытое письмо», написанное им в старости, заканчивает как бы трагическим аккордом его активную жизнь:

Для вас весна и вновь тепло,
Для вас что ни день, то праздник новый,
А мне былое, как оковы,
Так крепко в сердце залегло...

Оно так и ноет и страдает!
Оно чуть бьется, стынет кровь,
Оно все к прошлому взывает
И грез чудесных ищет вновь!...

---

* ... როცა ჩემს ყურს ესმის
ჩაგრულ ხალხის მწუხარება,
მიწას ალბობს უშართლობით
დანადენი მდუღარება,
როცა მესმის მისი კვნესა,
სულის მქეჯნი, გულის მდაგი, —
მაშინ მხოლოდ, მხოლოდ მაშინ
დაიკვნესებს ჩემი ჩანგი! (ლექსი „ჩემი ჩანგი").

** მისი უკვდავი სურვილი
მტერთან ბრძოლა და ომია...
ბრძოლაში შექმნილ — შობილა,
აღზრდილა მუდმივ ბრძოლითა,
და მისი შეცვლა ვის ძალუძს
ტყვედ გალიაში ყოლითა. (ლექსი „ლომი").

Опять весна, опять тепло,
Природа пышно расцветает,
Но мукам жизни не внимает
И не вернется, что прошло.

Г. Шарвашидзе не смог преодолеть свои ограниченные классовые взгляды, сводившиеся к идеализации патриархально-феодального образа жизни. Поэтому он не смог понять народно-освободительного характера и значения революции 1905 года и Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 года. Перед ним не была очерчена дорога, ведущая к светлому будущему. К нему, однако, он стремился, возлагая на него свои лучшие надежды. Он сознавал, что прошлое отживает, и писал по этому поводу:

Прошло, прошло и больше нет!
Вот роковых три слова!
Когда под тяжестью прожитых мною лет
Все прошлое я зову снова,
То слышу времени гробовой ответ:
Прошло, прошло и больше нет!

Прошло, прошло и больше нет, и никогда не будет!
Как камень, те слова мне на сердце лежат...
Но сердце прошлого с годами не забудет,
И годы прошлого с собою не воротят...
Чем больше я живу, чем больше вижу свет,
Тем строже приговор прожитых мною лет:
Прошло, прошло и больше нет.

Однако поэт искал в себе силы, чтобы не остаться во власти «взывавшего» патриархального прошлого, во власти ложных «чудесных грез». Он чувствовал нарастание новых явлений социальной жизни. Обращаясь к другу, он писал:

Еще с душою, полной прежним ядом,
Я вновь люблю, и верю, и молюсь!
На жизни путь смотрю воскресшим взглядом..

Здоровый гуманизм, жизнеутверждающий оптимизм, являющиеся характерными чертами грузинской поэзии, согревали творчество Георгия Шарвашидзе.

С точки зрения формы поэзия Георгия Шарвашидзе стоит на высоком уровне. Его образы оригинальны, мужественны, неожиданны, стих строго ритмичен, музыкален, слова — ясны, чеканны. Многие стихи Г. Шарвашидзе написаны размером руставелевского шаири.

Г. Шарвашидзе успешно занимался также и переводами.

Он любил поэзию А. С. Пушкина, о чем свидетельствует, в частности, его перевод стихотворения великого поэта «Цветок» («Цветок засохший, безуханный...») на грузинский язык.

Характерно, что из французских авторов он увлекался поэзией В. Гюго, которого переводил на грузинский язык.

Его перевод с грузинского языка на русский стихотворения Мамиа Гуриели «Человек» по своему звучанию и художественному совершенству производит незабываемое впечатление. Проникнутое духом истинного гуманизма, стихотворение кончается следующими словами, которые больше всего были созвучны идеалам и настроению Г. Шарвашидзе и так прекрасно переведены им:

«Лишь истину одну имей ты целью жизни
И братскую любовь за долг считай весь век,
Без устали всю жизнь служи своей отчизне,
И будешь в праве ты сказать: «Я человек».

Академику Симону Николаевичу Джанашиа принадлежит исключительная заслуга в деле изучения жизни и творчества Г. Шарвашидзе, его культурно-исторического окружения, а также в деле собирания и текстологического изучения художественного наследства поэта.

Георгий Шарвашидзе, как писатель, получил известность лишь в советское время, давшее его родине духовный и экономический расцвет и полнокровную жизнь, освещенную гением СТАЛИНА.

დოც. ი. ანთელავა

საქმე თავად ბაგრატიონების მიერ საქართველოში მამულის ძებნის შესახებ

შენგრაბენისა და ბოროდინოს ბრძოლების სახელოვანმა გმირმა, ინფანტერიის გენერალმა თავადმა პეტრე ივანეს-ძე ბაგრატიონმა 1811 წლის 28 მაისს წერილით მიმართა საქართველოში მყოფი ჯარების მთავარსარდალს, კავალერიის გენერალ ტორმასოვს. ამ წერილით იწყება იმ დოკუმენტების სერია, რომელსაც შეიცავს „საქმე თავად ბაგრატიონების მიერ საქართველოში მამულის ძებნის შესახებ". „საქმე", დაცული საქართველოს სსრ ცენტრალურ სახელმწიფო საისტორიო არქივში,*) შედგება 160 ხელნაწერი ფურცლისაგან და შეიცავს საინტერესო მიწერ-მოწერას იმ საკითხზე, რომელიც წამოაყენა პეტრე ბაგრატიონმა ტორმასოვისადმი გაგზავნილ წერილში. თუ გავიხსენებთ, რომ პ. ბაგრატიონის პირადი ცხოვრება ხაკლებად არის შესწავლილი, ვფიქრობთ, ჩვენ მიერ კომენტირებული და ნაწილობრივ ქვემოთ მოყვანილი დოკუმენტები ინტერესმოკლებული არ იქნება.

თავის წერილში პ. ბაგრატიონი აღნიშნავს, რომ ძველი ქართული კანონების მიხედვით, იმ პირთა მამული, რომლებიც უცხო სახელმწიფოს სამსახურში შედიოდნენ, გადადიოდა საქართველოს სხვა ქვეშევრდომების დროებით სარგებლობაში წინანდელ მფლობელთა სამშობლოში დაბრუნებამდე. ამ კანონის საფუძველზე პ. ბაგრატიონსა და მის ძმებს ჩამოერთვათ თავიანთი სამფლობელოები საქართველოში და ისინი გადაეცა საქართველოს სხვა ქვეშევრდომებს. პ. ბაგრატიონი მოგონებს ტორმასოვს, რომ 1801 წლიდან, ე. ი. რუსეთთან შეერთების დროიდან, საქართველო არ შეიძლება ჩაითვალოს უცხო სახელმწიფოდ, და ამიტომ კანონი, რომლის მიხედვითაც მას მამული ჩამოერთვა, ძალადაკარგულად უნდა იქნას ცნობილიო. „და ვინაიდან რუსეთის სახელმწიფოსთან საქართველოს შეერთების შემდეგ, — ნათქვამია წერილში,**) — აღნიშნულ დაკანონებას ადგილი უკვე აღარა აქვს, რასაც რამდენიმე მაგალითი უკვე მოჰყვა, — მე, როგორც თავად ბაგრატიონების გვარეულობის უფროსი პირი, ვალდებულად ვთვლი თავს ჩემი ძმებისათვის გამოვიყენო გულმოდგინება ჩვენი შთამომავლობის კუთვნილი იმ მამულის საძებნელად, რომლის აღწერილობას თქვენ, ჩემო მოწყალეო ხელმწიფევ, ნახავთ თანდართული ექვსი ქართველი ბატონიშვილების დასტურში".

---

*) „საქმე თავად ბაგრატიონების მიერ საქართველოში მამულის ძებნის შესახებ". საქართველოს სსრ ცენტრალური სახელმწიფო საისტორიო არქივი. (ცსსა) ფონდი 8 (9). საქმე 236, ფ. 1—160.

**) ცსსა ფონდი 8 (9), საქმე 236, ფ. 1—2.

იმ დროს პეტერბურგში მცხოვრები ექვსი ქართველი ბატონიშვილის — გიორგი XII შვილების მიერ დაწერილ მოწმობაში აღნიშნული იყო, რომ 1745 წლის 27 დეკემბერს და 1756 წლის 4 ივლისს *) მეფის სიგელებით სოფლები ლაჯაბადანი, ყულარი (თბილისის მაზრა), თელეთგორი, გორის-ჯვარი, წედისი (გორის მაზრა) და თბილისის მიდამოებში არსებული ბაღი, გარეუბნად წოდებული, — „მთელი თავისი კუთვნილებით“ ებოძა „ბატონ ინფანტერიის გენერლისა და სხვადასხვა ორდენების კავალრის პეტრე ბაგრატიონის პაპას“ — ისაყ-ბეგს, რომელიც 1750 წლამდე მუსლიმანური სარწმუნოებისა იყო და რომელსაც ნათლობის დროს ალექსანდრე ეწოდა. მეფის-ძენი, გამოდიოდნენ რა პეტრეს და მისი ძმების მოწმეებად, ზემოაღნიშნული სოფლების ნამდვილ მფლობელებად აცხადებდნენ ბაგრატიონებს არა მარტო იმიტომ, რომ ისინი ოდესღაც მათ (ბაგრატიონებს) ეკუთვნოდათ, არამედ იმიტომაც, რომ მეფე ერეკლე II სიგელებით ეს მიწები გადაეცა აწინდელ მფლობელებს „იჯარის სახით, ბაგრატიონების გვარეულობიდან ვინმეს დაბრუნებამდე საქართველოში“ **).

გენერალმა ტორმასოვმა ბაგრატიონის მიერ დასმული საკითხის შესასწავლად დაიწყო კვლევა-ძიება, რამაც შედარებით დიდხანს გასტანა. ტორმასოვმა 1811 წლის 3 აგვისტოს სპეციალური მიწერილობით დაავალა საქართველოს მმართველის თანამდებობის აღმსრულებელს გენერალ-მაიორ სტალს „შეეგროვებინა ზუსტი ცნობები მოწმობაში აღნიშნული მამულის შესახებ, ეკუთვნოდა თუ არა იგი წინათ თავად ბაგრატიონებს, როდის ჩამოერთვა მათ, სახელდობრ ვის გადაეცა იგი და აქვთ თუ არა ახლანდელ მფლობელებს მისი ფლობის კანონიერი უფლება“ ***). ყველა ეს ცნობა, ტორმასოვის პირადი აზრის თანდართვით, სტალს უნდა გადაეგზავნა მთავარსარდლის კანცელარიისათვის. რამდენიმე დღის შემდეგ, 1811 წლის აგვისტოში, ტორმასოვმა შეატყობინა ბაგრატიონს, რომ ამ საქმის გამოძიება უკვე დაწყებულია და შედეგები, როგორც კი გამოირკვევა, ეცნობება მას.

ტორმასოვის განკარგულება გენერალ-მაიორმა სტალმა წერილობით წარუდგინა საქართველოს უმაღლესი მთავრობის აღმასრულებელ ექსპედიციას, ხოლო ამ უკანასკნელმა თავის მხრივ განკარგულება მისცა ყველა კომენდანტსა და საერობო პოლიციას, შეეკრიბათ ცნობები პეტრე ბაგრატიონის მიერ ნათხოვნი მამულების შესახებ და სათანადო დოკუმენტაციით წარედგინათ ისინი აღმასრულებელი ექსპედიციისათვის. ასე დაიწყო ამ საქმის ძიება.

სხვადასხვა დაწესებულებათა და დაინტერესებულ პირთა მიერ წარდგენილი საბუთები და განცხადებები ერთსულოვნად ადასტურებდნენ იმ ფაქტს, რომ ზემოდასახელებული სოფლები ოდესღაც მართლაც ეკუთვნოდა პეტრე ბაგრატიონსა და მის წინაპრებს. ამასთან ერთად, საბუთები მოწმობდნენ, რომ რუსეთში ბაგრატიონების გადასახლების შემდეგ ეს მამულები მათ დაუკარგავთ და მეფის სიგელებით (მაშასადამე კანონიერად) ისინი სხვა

*) საბუთში შეცდომით 1757 წლის 4 ივლისია ნაჩვენები. სინამდვილეში უნდა იყოს 1756 წელი, როგორც ეს იმავე „საქმის“ სხვა საბუთშია აღნიშნული. 1757 წელს კი თეიმურაზ II ახალი სიგელით პ. ბაგრატიონის წინაპრების კუთვნილი მამული უკვე სხვას უბოძა.

**) ცსსა. ფონდი 8 (9). საქმე 236. ფურც. 7—16.

***) იქვე.

პირებისათვის გადაუცია. სადავო სოფლების ნაწილი კი ხაზინის უწყებაში გადასულა.

ვიდრე გადაწყვეტდა საკითხს, თუ ვის ხელში უნდა დარჩენილიყო მამული, აღმასრულებელმა ექსპედიციამ კიდევ ერთხელ გადასინჯა იმპერატორ ალექსანდრე I 1801 წლის 12 სექტემბრის მანიფესტი საქართველოს რუსეთთან შეერთების შესახებ და მასში გამონახა ამ პრობლემის გადაწყვეტის საშუალება. თავის ოქმში ექსპედიციამ მოიტანა მანიფესტის ის სტრიქონები, სადაც ნათქვამი იყო, რომ თითოეულის ქონება და საკუთრება ხელშეუხებელი დარჩება *).

ამ მითითების მიხედვით აღმასრულებელი ექსპედიციის დასკვნები სავსებით ნათელი იყო. მან დაასკვნა, რომ „ყველა აღნიშნული მამული უნდა დარჩეს იმავე უწყებებში, რომელთა ხელშიაც ამჟამად იმყოფება". **) პეტრე ივანეს-ძე ბაგრატიონისათვის ეს უარყოფითი გადაწყვეტილება ექსპედიციამ გადაუგზავნა საქართველოს ჯარების მთავარსარდალს, რომელიც პირადად ესწრებოდა ექსპედიციის 1813 წლის 18 ივლისის სხდომას.

მაგრამ, სანამ აღმასრულებელი ექსპედიციის აზრი ცნობილი გახდებოდა, ბევრი რამ შეიცვალა. 1812 წელს ბოროდინოს ბრძოლაში მიღებული მძიმე ჭრილობის შედეგად, მთხოვნელი პეტრე ივანეს-ძე ბაგრატიონი გარდაიცვალა. საქართველოში მყოფი ჯარების მთავარსარდალი გენერალი ტორმასოვი გაწვეულ იქნა, ხოლო მის ადგილზე დაინიშნა გენერალ-ლეიტენანტი მარკოზ პაულუჩი, რომელმაც შემდეგ თავისი საქმეები გადააბარა გენერალ-ლეიტენანტ ნიკოლოზ თედორეს-ძე რტიშჩევს ***).

ხედავდა რა, რომ საქმის გადაწყვეტა ჭიანურდებოდა, პეტრეს ძმამ, ალექსანდრე ივანეს-ძე ბაგრატიონმა, 1813 წლის 8 დეკემბერს წერილით მიმართა გენერალ რტიშჩევს.

ალექსანდრე ბაგრატიონმა მოაგონა ახალ მთავარსარდალს, რომ ეს საკითხი დასმული იყო 1811 წელს ტორმასოვის წინაშე მისი უფროსი ძმის პეტრე ბაგრატიონის მიერ, რომელიც დაიღუპა „რუსეთში მტრის შემოჭრის დროს". ვინაიდან პასუხის მიღება გაჭიანურდა, ალექსანდრემ, როგორც უფროსმა პეტრეს შემდეგ, თავის მოვალეობად ჩათვალა მიეღო ზომები იმ მამულების მოსაძებნად, რომლებიც ეკუთვნოდა როგორც მას, ისე მის ძმას რომან ივანეს-ძე ბაგრატიონს, მაშინ საზღვარგარეთ, ფრანგების წინააღმდეგ მოქმედ არმიაში მყოფს.

---

*) **Акты Кавказской археографической комиссии, т. I, стр. 433.**

**) ცსსა, ფონდი 8 (9), საქმე 236, ფურც. 7—16.

***) 1811 წელს ტორმასოვი გაიწვიეს რუსეთში, ტორმასოვის წასვლის შემდეგ კავკასიის ჯარები ორ ნაწილად გაიყო. საქართველოში მყოფი ჯარების მთავარსარდლად დაინიშნეს გენერალ-ლეიტენანტი მარკოზ პაულუჩი, ხოლო კავკასიის ხაზზე განლაგებული ჯარების სარდლობა მიანდეს გენერალ-ლეიტენანტ რტიშჩევს. 1812 წლის დასაწყისში კი პაულუჩმა მიიღო იმპერატორ ალექსანდრე I შემდეგი უმაღლესი რესკრიპტი: „თქვენმა საუცხოო სამსახურმა მიიქცია ჩემი განსაკუთრებული ყურადღება და მე, მსურს რა ღირსებათა მიხედვით თქვენი მეტი ბრწყინვალებით გამოყენება, გიბრძანებთ გამოემგზავროთ სანკტ-პეტერბურგში და საქართველოს უფროსობა ჩააბაროთ გენერალ-ლეიტენანტ რტიშჩევს". (**В. Потто. „Кавказская война в отдельных очерках, легендах и биографиях", т. I, выпуск III, стр. 499—500).** მაშასადამე, 1812 წლიდან საქართველოს ჯარების მთავარსარდლად გახდა რტიშჩევი.

მიუხედავად იმისა, რომ გენერალი რტიშჩევი პირადად ესწრებოდა აღმასრულებელი ექსპედიციის იმ სხდომას, რომელზედაც მიღებულ იქნა გადაწყვეტილება ამ საკითხზე და, მაშასადამე, კარგად იცოდა გადაწყვეტილების შინაარსი, მან ჩვენთვის უცნობი მიზეზით (უფრო მეტად, ალბათ, ფორმალობის დაცვისათვის) ალექსანდრე ბაგრატიონის თხოვნა მთელ რიგ სხვა ქაღალდებთან ერთად გადაუგზავნა ექსპედიციას განკარგულებით „გულმოდგინედ განეხილათ“ საქმე და შედეგები ეცნობებინათ მისთვის.

თავის პასუხში ექსპედიცია აცნობებდა რტიშჩევს, რომ ა. წ. 18 ივნისს მან მიიღო დადგენილება „ყველა მამული დარჩეს იმ უწყებებში, რომლებშიაც ისინი ამჟამად იმყოფებიან“.*) ამ მოსაზრებათა გამო ექსპედიციამ უარი თქვა ამ საქმის ხელმეორედ განხილვაზე.

მასალებიდან არა ჩანს, რომ რტიშჩევს პასუხი გაეცა ალექსანდრე ბაგრატიონისათვის და ეცნობებინა მისთვის აღმასრულებელი ექსპედიციის დასკვნა.

საქმე სადავო სოფლების კანონიერ მფლობელთა შესახებ გადაწყვეტილი არ ყოფილა მაშინაც კი, როცა ალექსანდრე ივანეს-ძე ბაგრატიონმა გენერალ რტიშჩევისათვის 1814 წლის 3 იანვარს გაგზავნილი მეორე თხოვნით წამოჭრა საკითხი პირადად მისი კუთვნილი სოფელ ხიდისთავის (გორის მაზრა) დაბრუნების შესახებ. ალექსანდრე ბაგრატიონი წერილში აღნიშნავდა, რომ სოფელი ხიდისთავი ეკუთვნოდა მას 1803 და 1804 წლებში, როცა იგი (ბაგრატიონი) გრუნადერთა კავკასიის პოლკის ბატალიონთან ერთად ქართლში იმყოფებოდა. საქართველოდან მისი წასვლის გამო სოფელ ხიდისთავის მმართველობა მან დაავალა აზნაურ გოგი თურმანიძესა და მის ძმას, რომლებიც 1812 წელს გარდაიცვალნენ ქართლში მძვინვარე გადამდები ავადმყოფობით. ძმების თურმანიძეების სიკვდილის გამო სოფელი ხიდისთავი, როგორც ბეითალმანი, გადავიდა სახაზინო უწყების განკარგულებაში**).

ჩანს, გენერალმა რტიშჩევმა 1814 წლის 12 იანვრის მიწერილობით***) წინადადება მისცა საქართველოს უმაღლესი მთავრობის აღმასრულებელ ექსპედიციას შეესწავლა ეს საქმე და თავისი აზრი ეცნობებინა მისთვის. ექსპედიციამ 1814 წლის 31 იანვარს გაცემულ პასუხში აცნობა გენერალ რტიშჩევს, რომ მან დაავალა გორის საერობო პოლიციის უფროსს გამოიკვლიოს, „ნამდვილად ეკუთვნოდა თუ არა ხსენებული სოფელი ხიდისთავი მთხოვნელ ალექსანდრე ბაგრატიონს“ და საჭიროლიანია თუ არა მისი განცხადება იმის შესახებ, რომ ეს სოფელი „ბაგრატიონის რუსეთში ყოფნის გამო ძრიდობილი ჰქონდა აზნაურ გოგი თურმანიძეს და მის ძმას“ ****).

აღმასრულებელმა ექსპედიციამ, იმ მასალების საფუძველზე, რომლებიც მან მიიღო სახაზინო ექსპედიციისა და გორის საერობო პოლიციის უფროსისაგან, უარყოფითი დადგენილება გამოიტანა მთხოვნელის მიერ აღძრულ საკითხზე. თუმცა, ამავე დროს, ექსპედიცია არ სთვლიდა გამორიცხულად იმის შესაძლებლობას, რომ ალექსანდრე ბაგრატიონი მომავალში, სათანადო საბუთების წარმოდგენით, მოახერხებდა თავისი კანონიერი უფლებების დამტკიცებას სადავო სოფელზე.

---

*) ცსსა, ფონდი 8 (9), საქმე 236, ფურც. 19—20.

**) იქვე, ფურც. 26.

***) „საქმეში“ რტიშჩევის მიწერილობა არ აღმოჩნდა.

****) ცსსა. ფონდი 8 (9), საქმე 236, ფურც. 27.

დოკუმენტებს შორის არის თავად ალექსანდრე ბაგრატიონის თხოვნა, შეტანილი აღმასრულებელ ექსპედიციაში 1814 წლის 20 მარტს. თხოვნა ეხება იმავე საკითხს (სოფ. ხიდისთავს) მხოლოდ იმ განსხვავებით, რომ მასში დამატებით ლაპარაკია აგრეთვე ბაგრატიონის ოდესღაც კუთვნილი ათი კომლი გლეხის შესახებ, რომლებიც 1814 წლისათვის დაფანტული ყოფილან საქართველოს სხვადასხვა სოფლებში.

ალექსანდრე ბაგრატიონი აღნიშნავდა, რომ მამა მისმა, ივანე ბაგრატიონმა, აზნაურ თურმანიძეს ერთგვარი დამსახურებისათვის უბოძა ათი კომლი წედისელი გლეხი, რომლებიც „მაშინ ცხოვრობდნენ გორის მაზრის სოფელ ხიდისთავში, რათა ესარგებლა შემოსავლით, მაგრამ არამუდმივი ძფლობელობით" *). თურმანიძის სიკვდილის შემდეგ კი (1812 წ.) მის მმართველობაში მყოფი გლეხები „მმართველის უყოლობის გამო დაიფანტნენ სხვადასხვა სოფლებში და მიკუთნებულ იქნენ ხაზინაზე. თურმანიძეების შემდეგ დარჩენილი ქონება კი ინახება ხიდისთავის ნაცვალთან" **).

დაურთო რა თხოვნას ამ ათი კომლი გლეხის სია, ალექსანდრე ბაგრატიონი სთხოვდა ექსპედიციას განეხილა ეს საქმე და დაებრუნებინათ გლეხები მისთვის, თურმანიძის სიკვდილის შემდეგ დარჩენილ ქონებასთან ერთად.

ალექსანდრე ბაგრატიონის თხოვნის მიღების შესახებ აღმასრულებელმა ექსპედიციამ 1814 წლის 23 მარტს აცნობა მთავარსარდალ რტიშჩევს სპეციალური წერილით, რომელშიც, სხვათაშორის, სთხოვდა მითითებას: ღირდა თუ არა ამ საკითხზე ხელახალი კვლევა-ძიების დაწყება, რამდენადაც ხიდისთავის ნამდვილი მფლობელის თაობაზე უკვე არსებობდა გადაწყვეტილება.

1814 წლის 28 მარტს მთავარსარდალმა ექსპედიციას შემდეგი პასუხი გასცა: „საჭიროა აღნიშნული ათი კომლი გლეხის და მათი მმართველის თურმანიძის შესახებ კვლევა-ძიების წარმოება".

ამასთანავე რტიშჩევი ავალდებულებდა ექსპედიციას, თავად ალექსანდრე ბაგრატიონისათვის ჩამოერთმია განმარტება იმის შესახებ, თუ რა საზღაურს მოითხოვდა იგი აღნიშნული სოფლების ნაცვლად, რომელთაგანაც, როგორც გამოირკვა, ზოგი ხაზინის მფლობელობაში ირიცხებოდა, ხოლო ზოგი კი კერძო პირთა ხელში იყო.

ბაგრატიონების მიერ დაკარგული სოფლების ღირებულების ანაზღაურების საკითხი პირველად მთავარმართებლის ზემოაღნიშნულ წერილში დაისვა. რტიშჩევის აზრით, შეუძლებელი იყო მამულების ჩამორთმევა იმ პირთათვის, რომლებიც ფლობდნენ ბაგრატიონების ყოფილ მამულებს ქართველი მეფეების სიგელების თანახმად. მისი აზრით, ამის ჩადენა, უწინარეს ყოვლისა, არ შეიძლებოდა იმიტომ, რომ მანიფესტის ერთერთ მუხლში ნათქვამი იყო: ყველანი უნდა დარჩნენ თავიანთი საკუთრებით ხელუხლებლადო.

თავადი ბაგრატიონი ექსპედიციისადმი მიმართვაში (იხ. საბუთი № 6) აღნიშნავდა, რომ მისი ყოფილი გლეხები ამჟამად (1814 წ.) ცხოვრობენ თბილისისა და გორის მაზრების სხვადასხვა სოფლებში. ამიტომ აღმასრულებელმა ექსპედიციამ მისწერა გორის მაზრის უფროსს და კომენდანტს პოდ-

*) იქვე. ფურცელი 42—43.

**) იქვე.

პოლკოვნიკ ლადინსკის და თბილისის ქალაქის პოლიციას შეეკრიბათ ამ საქმისათვის საჭირო ცნობები.

როცა ეს ცნობები მიიღო, აღმასრულებელმა ექსპედიციამ ასეთი დასკვნა გააკეთა: „აზნაური თურმანიძეები ნამდვილად ეკუთვნოდნენ ლეიბგვარდიის როტმისტრის თავად ალექსანდრე ბაგრატიონის წინაპრებს, ხოლო ძათ შემდეგ თვით ალექსანდრე ბაგრატიონს. თურმანიძეები სიკვდილის დღემდე არ გამოსულან ბაგრატიონების მფლობელობიდან და ქართლში, კავკასიის პოლკში, მთხოვნელის (ალექსანდრეს) სამსახურის დროს ემორჩილებოდნენ მას, როგორც მემამულეს. მაშასადამე, თუ გათვალისწინებული იქნება მთელი ეს მდგომარეობა, შეიძლება ყოველგვარი ეჭვის გარეშე დავასკვნათ, რომ გლეხები, რომლებზეც პრეტენზიას აცხადებდა თავადი ბაგრატიონი, ნამდვილად ეკუთვნოდნენ ბაგრატიონების გვარეულობას, ხოლო სხვა შემთხვევაში კი თურმანიძეები თავისუფალი იქნებოდნენ ყოველგვარი მოვალეობისაგან თავად ბაგრატიონის წინაშე და მათ არ დასჭირდებოდათ ემსახურათ ბაგრატიონისათვის" *), როგორც ბატონისათვის.

მაშასადამე, ექსპედიციამ საკითხი გადაწყვიტა ბაგრატიონის სასარგებლოდ. სადავო გლეხების თურმანიძის კუთვნილებად, ხოლო ამ უკანასკნელის ბაგრატიონების გვარეულობის საკუთრებად აღიარებით, მტკიცდებოდა ალექსანდრეს უფლებები აღნიშნულ ათ კომლ გლეხზე. სწორედ ასეთი დასკვნა წარუდგინა ექსპედიციამ მთავარსარდალს 1816 წლის 2 ივნისს.

მაგრამ, როგორც ნათქვამი იყო, ბაგრატიონების მიერ მოთხოვნილი მამულის (ლაჯაბადანი, ყულარი, თელეთგორი, გორის ჯვარი, წედისი, ხიდისთავი და ბაღი გარეუბანი) ჩამორთმევას უკანასკნელი მეპატრონეებისაგან უკანონოდ თვლიდნენ. ასეთი ღონისძიების გამოყენება დაუშვებლად მიაჩნდათ განსაკუთრებით იმ სოფლებისა და გლეხების მიმართ, რომლებსაც საქართველოს რუსეთთან შეერთების დროისათვის ფლობდნენ არა ბაგრატიონები, არამედ სხვა თავადები.

შემდგომი კვლევა-ძიება გვიჩვენებს, რომ ალექსანდრე ბაგრატიონმა დაკარგული სოფლების მაგივრად საზღაურის სახით მოითხოვა ერთი სოფელი შინდისი, რომელიც გორის მაზრაში მდებარეობდა. 1804 წლის კამერალური აღწერით მასში ითვლებოდა: სახელმწიფო გლეხი — 139 კომლი, აქედან — 120 მამაკაცი და 81 ქალი; გარდა ამისა, მემამულეთა გლეხები — 39 კომლი, აქედან 127 მამაკაცი და 94 ქალი.

საზღაური, რომელსაც ალექსანდრე ბაგრატიონი მოითხოვდა, არ ეჩვენებოდა გენერალ რტიშჩევს დიდად, პირიქით, იგი მას სავსებით ზომიერად თვლიდა. მაგრამ ამ საკითხის საბოლოოდ გადაწყვეტა მის რწმუნებათა ფარგლებს სცილდებოდა; ამიტომ მან შეჰკრიბა ყველა საჭირო ცნობა ამ საქმის შესახებ, გააკეთა თავისი დასკვნა და სათანადო პირთა საშუალებით იმპერატორ ალექსანდრე I სთხოვა მიეცა შესაფერი მითითებანი.

რტიშჩევმა 1816 წლის 2 ივნისს ამ საქმეზე სპეციალური წერილით მიმართა ფინანსთა მინისტრს დიმიტრი ალექსანდრეს-ძე გურიევს (1810-1823). მინისტრისათვის გაგზავნილ მიმართვაში მთავარსარდალი დაწვრილებით ლაპარაკობდა ამ საქმის ისტორიაზე. მას საჭიროდ და სამართლიანად მიაჩნდა, რომ ბაგრატიონებს, თუ მამულები არ დაუბრუნდებოდათ, ყოველ შემთხვევაში, შესაფერი საზღაური მაინც მისცემოდათ. მიმართვის

*) იქვე, ფურც. 44—55.

დასასრულს რტიშჩევი წერდა: *) „რადგანაც ამის (მამულის. ი. ა.) დიდი რაწილი სხვა მემამულეთა მფლობელობაში იყო, მეფის სიგელების მიხედვით, წინადადება მივეცი საქართველოს უმაღლესი მთავრობის აღმასრულებელ ექსპედიციას ჩამოერთმია ამჟამად დარჩენილი უფროსი ძმის ლეიბგვარდიის როტმისტრ თავადი ალექსანდრე ბაგრატიონისათვის ახსნა-განმარტება, თუ რა საზღაური სურს მას მიიღოს (მოთხოვნილი) მამულის ნაცვლად, რაზედაც მან განაცხადა, რომ ყველა მოსაძებნი სოფლისა და ბაღის ნახევრის ნაცვლად მიეცეს მას საშთამომავლო მფლობელობაში ერთი სახაზინო სოფელი შინდისი, რომელიც გორის მაზრაში იმყოფება, და სადაც აღწერით აღმოჩნდა 39 კომლი მცხოვრები, აქედან მამრობითი სქესისა 138 და დედრობითისა — 113“ **).

სცნო რა ეს სურვილი თავად ალექსანდრე ბაგრატიონისა „ზომიერად იმ მამულთან შედარებით, რომელიც ჩამოართვეს ამ გვარეულობას საქართველოს მეფეებმა და გადასცეს სხვა მემამულეებს“, რტიშჩევი შუამდგომლობდა მისი დაკმაყოფილების შესახებ.

ფინანსთა სამინისტროს სახელმწიფო ქონებათა დეპარტამენტმა რტიშჩევის მიმართვაზე უპასუხა 1816 წლის 24 აგვისტოს წერილით, რომელიც მიიღო (1816 წლის 14 ოქტომბერს) არა რტიშჩევმა, არამედ ამ დროისათვის საქართველოში მთავარსარდლად დანიშნულმა გენერალმა ალექსი პეტრეს-ძე ერმოლოვმა. მთავარსარდალს ევალებოდა ზუსტად გამოერკვია სოფელ შინდისის ღირებულება, რომელსაც მოითხოვდნენ ბაგრატიონები საზღაურის სახით. მასვე უნდა გამოერკვია მოსაძებნი სოფლების ღირებულება, შეეტოლებინა ის შინდისის ღირებულებასთან და შედეგები ეცნობებინა ფინანსთა სამინისტროს სახელმწიფო ქონებათა დეპარტამენტისათვის. ამ დავალების შესასრულებლად ერმოლოვმა სათანადო ზომები მიიღო, რის შედეგადაც აღმასრულებელმა ექსპედიციამ უკვე 1817 წლის თებერვალში

---

*) იქვე, ფურც. 56—59.

**) ცნობები შინდისის მცხოვრებთა რაოდენობის შესახებ ერთმანეთს ეწინააღმდეგება. რტიშჩევის წერილის თანახმად, მასში ითვლებოდა 39 კომლი, აქედან 138 მამაკაცი და 113 ქალი. აღმასრულებელი ექსპედიციის ცნობათა მიხედვით კი (ფურ. 44—45) შინდისში იყო: 139 კომლი სახელმწიფო გლეხი, აქედან 120 სული მამაკაცი და 81 ქალი. გარდა ამისა, იქ ითვლებოდა 39 კომლი მემამულეთა გლეხი, აქედან 127 მამაკაცი და 94 ქალი. იმის თქმა, თუ რომელი უფრო სწორია ამ ცნობათაგან, ძნელია. თუმცა აღმასრულებელი ექსპედიციის ცნობები ეჭვს ბადებენ. ძნელი დასაჯერებელია, რომ 139 კომლ სახელმწიფო გლეხთა შორის ყოფილიყო მხოლოდ 120 მამაკაცი. სხვანაირად რომ ვთქვათ, საშუალოდ 19 კომლი უმამაკაცოა (დანარჩენ ოჯახებზე მოდის თითო მამაკაცი). გარდა ამისა, ოჯახები გამოდიან მეტად მცირერიცხოვანი: თითეულ კომლზე საშუალოდ მოდის (ორივე სქესის) ერთნახევარ კაცზე ნაკლები. სხვა შემთხვევაში. მემამულეთა გლეხების მიმართ, იმავე ექსპედიციის ცნობათა მიხედვით, საქმე გვაქვს სრულიად საწინააღმდეგო სურათთან: 39 კომლში ითვლება — 127 მამაკაცი. ანუ საშუალოდ თითო ოჯახში — 3 მამაკაცზე მეტი. ორივე სქესის რაოდენობა კი — 5 კაცზე ოდნავ ნაკლებია. რტიშჩევისა და აღმასრულებელი ექსპედიციის ცნობებში ერთმანეთს ემთხვევა ერთადერთი ციფრი — 39. რტიშჩევის ცნობაში იგი გვიჩვენებს შინდისის კომლთა საერთო რაოდენობას, ექსპედიციის მასალებში კი აღნიშნავს მემამულეთა გლეხების კომლთა რიცხვს. შეიძლება რტიშჩევიც ამ უკანასკნელს იღებდა მხედველობაში?.

აცნობა მთავარსარდალს, რომ ის მამულები, რომლებსაც ბაგრატიონები ეძებენ, შეფასებულია 12 ათას მანეთად, მაშინ, როდესაც მარტო ერთი სოფელი შინდისი შეფასებულია 20.000 მანეთად. თანხა 12 ათასი მანეთი შედგენილი იყო მხოლოდ ოთხი სოფლის: ლაჯაბადანის, თელეთგორის, გორისჯვრისა და წედისის ღირებულებიდან. სხვა მამულები კი (ყულარი, ხიდისთავი, გარეუბნის ბაღი) შეფასების დროს მხედველობაში მიღებული არ ყოფილა. ამის ნამდვილი მიზეზები ჩვენთვის ცნობილი არ არის. ექსპედიციის ერთადერთი შენიშვნა ამასთან დაკავშირებით ეხება გარეუბანში არსებულ ბაღს, რომლის შესახებაც ნათქვამია, რომ იგი არ შეფასებულა, როგორც სახაზინო უწყებაში მყოფი *).

დოკუმენტებით ირკვევა, რომ მამულების ღირებულება, რომელიც უკვე 1817 წლის თებერვლისათვის გამოირკვა, არ იყო ცნობილი პეტერბურგში თვით 1820 წელსაც კი. ამიტომ ფინანსთა სამინისტრო თავის 1820 წლის 21 თებერვლის მიმართვაში ერმოლოვისადმი ლაპარაკობდა მამულების ღირებულების შესახებ მოთხოვნილ ცნობათა მიუღებლობაზე და სთხოვდა მას წარედგინა აღნიშნული მასალები საკუთარი დასკვნითურთ. **) ეს წინადადება გენერალმა ერმოლოვმა შეასრულა 1822 წლის დეკემბერში. ამ წელს მან ფინანსთა სამინისტროს სახელმწიფო ქონებათა დეპარტამენტში გაგზავნა წერილი, რომლის შინაარსი ასეთია: ჯერ ერთი, ერმოლოვს შეუძლებლად მიაჩნდა 12 ათას მანეთად შეფასებული სოფლების (ლაჯაბადანის, თელეთგორის, გორისჯვრის და წედისის) მაგივრად, ბაგრატიონებისათვის მიეცათ შინდისი, შეფასებული 20 ათას მანეთად. მეორე, დიმიტრი ბაგრატიონის მაგალითი, რომელიც ხშირად მოჰყავდათ მთხოვნელებს, ერმოლოვს მეტად უსაფუძვლოდ ეჩვენებოდა, რადგან დიმიტრის საზღაური, მისი აზრით, მიეცა არა იმიტომ, რომ ეკუთვნოდა იგი, არამედ „მხოლოდ და მხოლოდ მისი ძმისწულის გენერალ თავად პეტრე ივანეს-ძე ბაგრატიონის დამსახურებისადმი პატივისცემის გამო". ***) მესამე, საერთოდ ძმების ბაგრატიონების მოთხოვნა, დაებრუნებინათ მათთვის დაკარგული მამულები, მთავარსარდალს უმართებულოდ მიაჩნდა იმიტომ, რომ მათ მამას, რომელმაც დატოვა საქართველო და გადასახლდა რუსეთში, თავის დროზე საკმაო საზღაური მიეცა. მეოთხე, დიმიტრი ბაგრატიონის მსგავსად, რომელმაც კომპენსაცია მიიღო ნახული ზარალისათვის პეტრე ივანეს-ძის დამსახურებისადმი პატივისცემის გამო, მთხოვნელებს ალექსანდრე ბაგრატიონსა და მის შვილებსაც უნდა მიეცეთ საზღაური მათი ძმისა და ბიძის იმავე დამსახურებისათვის. მეხუთე, საზღაურის სახით ერმოლოვი წინადადებას იძლეოდა მიეცათ მთხოვნელებისათვის წედისის ათი კომლი გლეხი, რომლებსაც ის ეძებდა და დამატებით 10 ათასი მანეთი ასიგნაციებით.

წერილის დასასრულს ერმოლოვი აღნიშნავდა, რომ ასეთი ზომა იქნებოდა „სამართლიანი დაფასება გენერალ პეტრე ივანეს-ძე ბაგრატიონის... დამსახურებისა" ****).

ფინანსთა მინისტრი დაეთანხმა ერმოლოვის წარდგინებას და დასვა ეს საკითხი მინისტრთა კომიტეტში. 1823 წლის 10 აპრილს ეს საკითხი გან-

*) იქვე, ფურც. 63.
**) იქვე, ფურც. 64.
***) იქვე, ფურც. 70 და უკ. გვ.
****) იქვე.

ხილულ იქნა მინისტრთა კომიტეტის სხდომაზე და გადაჭრილ იქნა გენერალ ერმოლოვის აზრის სრული შესაბამისობით. 1823 წლის 12 ივნისს იმავე კომიტეტის სხდომაზე გამოცხადებულ იქნა, რომ იმპერატორმა ალექსანდრე I მოიწონა ამ საქმის შესახებ მიღებული გადაწყვეტილება.*) ამის საფუძველზე ერმოლოვს დაევალა განკარგულება გაეცა იმის შესახებ, რომ დაებრუნებინათ ამ დროისათვის უკვე გარდაცვლილი თავადი ალექსანდრე ბაგრატიონის შვილებისათვის ის 10 კომლი გლეხი, რომლებსაც ისინი ეძებდნენ, ხოლო სახელმწიფო ხაზინას დაევალა მიეცა მათთვის 10 ათასი მანეთი ასიგნაციებით **).

ზემოაღნიშნული წინადადების მიღებისთანავე ერმოლოვმა მიწერილობა გაუგზავნა აღმასრულებელ ექსპედიციას დაუყოვნებლივ მოეყვანა სისრულეში უმაღლესი ბრძანება და დაეკმაყოფილებინა ალექსანდრე ბაგრატიონის შვილები ***).

საზღაურთა ხასიათისა და ოდენობის განსაზღვრის დროს ერმოლოვმა მხედველობიდან გამოუშვა პეტრეს მეორე ძმა, გენერალ-მაიორი (შემდგომში გენერალ-ლეიტენანტი) რომან ივანეს-ძე ბაგრატიონი. „ჩემს მიერ წარმოდგენილ აზრში, — სწერდა ერმოლოვი იმპერატორს 1825 წლის ივნისის პატაკში, — მე მხედველობიდან გამოვუშვი დაღუპული ინფანტერიის გენერლის თავად ბაგრატიონის ძმა, გენერალ-მაიორი თავადი რომან ბაგრატიონი, რომელსაც თქვენი იმპერატორობითი უდიდებულესობის მოწყალებაზე თანაბარი უფლება ჰქონდა თავის ძმისწულებთან ერთად, და ამიტომ მას არ რგებია არაფერი არც იმ ათი კომლი გლეხიდან, რომლებიც მის ძმისწულებს ებოძათ, და არც იმ თანხიდან, რომელიც მათ ერთდროულად მიეცათ ****).

ერმოლოვი „ყოვლად უქვეშევრდომილესად“ ითხოვდა, რათა რომან ბაგრატიონისათვის გამოეყოთ ხუთი ათასი მანეთი (ასიგნაციებით) დამატებით იმ თანხისა, რაც უკვე მიეცა მის ძმისწულებს, ხოლო ნაცვლად ხუთი კომლი გლეხისა, რომელიც მას უნდა რგებოდა წილად, მიეცათ 1.000 მანეთი ასიგნაციებით, თითო გლეხის ოჯახისათვის, სულ ათი ათასი მანეთი *****).

მიღებული პასუხი დადებითი იყო: ნებადართულ იქნა მიეცათ რომან ბაგრატიონისათვის ერმოლოვის მიერ ნაშუამდგომლევი თანხა — 10 ათასი მანეთი ******).

კანკრინმა მითითება მისცა ასტრახანის სახაზინო პალატას რომან ბაგრატიონისათვის კუთვნილი თანხის გამოყოფის შესახებ.

მკითხველმა შეიძლება იფიქროს, რომ ცვლევა-ძიება ბაგრატიონების საქმეზე ამით დამთავრდა. მაგრამ სინამდვილეში ეს ასე არ არის. რომან ბაგრატიონმა, რომელიც უკმაყოფილო იყო მისთვის მიცემული საზღაურით, 1827 წელს, ისარგებლა რა „მისი იმპერატორობით უდიდებულესობის“ მთავარი შტაბის უფროსის გრაფ დიბიჩის თბილისში ყოფნით, მიართვა მას

*) იქვე, ფურც. 72 და უკ. გვ.

**) იქვე, ფურც. 71 და უკ. გვ.

***) იქვე, ფურც. 73.

****) იქვე, ფურც. 79-82.

*****) იქვე.

******) იქვე, ფურც. 83.

ნიკოლოზ I სახელზე თხოვნა იმის შესახებ, რომ დაებრუნებინათ მისთვის ყველა ის მამული, რომელიც წინათ მის წინაპრებს ეკუთვნოდა. ამით მან ხელახლა აღძრა ის საქმე, რომლის კვლევა-ძიებაც, როგორც ჩვენ დავინახეთ, 14-15 წლის განმავლობაში წარმოებდა. თავის საჩივარში რომან ივანეს-ძე განსაკუთრებით ესხმოდა თავს გენერალ ერმოლოვს, რომლის დასკვნაც მამულების საკითხში, მისი აზრით, მოკლებული იყო ყოველგვარ სამართლიანობას და ბაგრატიონთა გვარეულობის მიმართ ცილისწამებას წარმოადგენდა.

გრაფმა დიბიჩმა რომან ბაგრატიონის საჩივარი 1827 წლის 25 აპრილს გადაუგზავნა გენერალ-ადიუტანტ პასკევიჩს, რომელმაც ამ დროისათვის ალექსი პეტრეს-ძე ერმოლოვი შესცვალა. პასკევიჩმა რომან ბაგრატიონის მიერ წამოყენებული საკითხის შესწავლა მიანდო თბილისის სამხედრო გუბერნატორს, გენერალ-ადიუტანტ სიპიაგინს, რომელმაც ამ საქმის კვლევა-ძიების შედეგები ჩამოაყალიბა მოხსენებით ბარათში, რომელიც მან მიართვა პასკევიჩს 1828 წლის 28 მარტს. *) მოხსენების პირველ ნაწილში სიპიაგინს მოჰყავს კვლევა-ძიების ისტორია ტორმასოვიდან ერმოლოვამდე, ხოლო ამის შემდეგ აკეთებს თავის დასკვნებს, რომლებშიც თანმიმდევრულად არჩევს ბაგრატიონის მიერ წამოწყებულ არგუმენტებს (იხ. დოკუმენტი № 14).

სიპიაგინის აზრით, თავად ბაგრატიონებს საერთოდ არავითარი უფლება არ ჰქონდათ ეთხოვათ თუნდაც რაიმე საზღაური. მაგრამ მთავრობამ, მიიღო რა მხედველობაში გენერალ პეტრე ივანეს-ძე ბაგრატიონის უდაო დამსახურებანი, არ დატოვა მისი ძმა და ნათესავები უწყალობოდ და წერა დართო მიეცათ მათთვის 20 ათასი მანეთი და 10 კომლი გლეხი, რომლებიც არსებითად მათ არ ეკუთვნოდათ. ამიტომ სიპიაგინი გამოთქვამდა თავის გაკვირვებასა და აღშფოთებასაც კი რომან ბაგრატიონის ესოდენ უტაქტიკო და ხარბიერი ქცევის გამო, რაც იმაში გამოიხატა, რომ ის უკმაყოფილო დარჩა მთავრობის მოწყალებით და განაგრძობდა „საზღაურის მიღების შემდგომ ცდას".

თბილისის გენერალ-გუბერნატორის ასეთ დასკვნას საფუძვლად ედო პასკევიჩის 1828 წლის 8 აპრილს არმიის მთავარი შტაბის უფროსის სახელზე გაგზავნილ წერილში პასკევიჩი სიპიაგინის დასკვნას „სრულიად სამართლიანად" სთვლიდა. პასკევიჩის აზრით, საკითხის სხვანაირად გადაჭრა „წარმოშობდა მრავალ ამგვარ არასწორ ძიებას იმ ქვეყანაში, სადაც რუსეთის იმპერიასთან მის შეერთებამდე ძლიერ ხშირად ართმევდნენ მამულებს და სხვები იძენდნენ მას მეფის ნიშა-სურვილით" **). ამით წინასწარ გადაწყდა რომან ბაგრატიონის თხოვნის ბედი.

ჩვენი დოკუმენტებიდან არა სჩანს დაკმაყოფილეს ბაგრატიონის თხოვნა. თუ უარი უთხრეს მას, რადგანაც კვლევა-ძიება უეცრივ შეწყვეტილი აღმოჩნდა, მაგრამ უნდა ვიფიქროთ, რომ რომან ბაგრატიონს თხოვნაზე უარი ეთქვა. ასეთი ვარაუდის სასარგებლოდ ლაპარაკობენ შემდეგი მოსაზრებანი: პირველი, თბილისის სამხედრო გუბერნატორის სიპიაგინის მკაცრი დასკვნა ამ საკითხზე: მეორე, უარყოფითი აზრი პასკევიჩისა. მესამე, ის ფაქტი, რომ დიმიტრი ბაგრატიონის ანალოგიური თხოვნა, რომელიც მან 1824 წელს შეიტანა, წარმატებით არ დამთავრებულა და სენატის 1830

*) იქვე. ფურც. 109—116.

**) იქვე. ფურც. 118—120.

წლის 30 ივნისის გადაწყვეტილებით ურაყოფილ იქნა.*) კვლევა-ძიებისა და მიმოწერის უეცარი შეწყვეტის ფაქტიც უთუოდ ლაპარაკობს ჩვენი ვარაუდის სასარგებლოდ.

ამნაირად, რომან ბაგრატიონი იძულებული იყო დაკმაყოფილებულიყო წინათ მიღებული საზღაურით (10 ათასი მანეთის რაოდენობით) და შეეწყვიტა შემდგომი ძიება ამ საკითხზე.

ახლა კვლავ მივუბრუნდეთ ალექსანდრე ბაგრატიონის ოჯახს. როგორც დოკუმენტებიდან ირკვევა, ალექსანდრე ბაგრატიონის ცოლმა დარიამ, რომელმაც გაიგო მინისტრთა კომიტეტის გადაწყვეტილება მისი ბავშვებისათვის 10 კომლი გლეხის დაბრუნების შესახებ, 1827 წლის დასაწყისში თხოვნით მიმართა ერმოლოვს იმის შესახებ, რომ გაეგზავნათ მისთვის ასტრახანში (სადაც იგი ცხოვრობდა მაშინ თავის შვილებთან ერთად) ზემოალნიშნული გლეხებიდან მხოლოდ ორი გლეხი. **) ამ საკითხზე აღმასრულებელ ექსპედიციას, ერმოლოვის წინადადებით, ქონდა მსჯელობა და იმავე 1825 წელს მთხოვნელს უარი უთხრა.

ამით უკმაყოფილო დარია ბაგრატიონმა ახალი თხოვნით მიმართა მთავარსარდალ პასკევიჩს. თხოვნაში იგი აღწერდა თავის გაჭირვებულ მდგომარეობას და თხოულობდა გაეგზავნათ მისთვის მომსახურების გასაწევად გოგია შერვაშიძის მთელი ოჯახი, რომელიც ხუთი მამაკაცისა და ერთი ქალისაგან შედგებოდა. გარდა ამისა, იგი ითხოვდა გაეგზავნათ გრიგოლ სოლუაშვილის ოჯახიდან ერთი კაცი მისი პირადი ბრძანების მისაღებად დანარჩენი მამულის მართვის შესახებ ***). შედეგები არც ამ ხელმეორე მიმართვას მოჰყოლია.

ჩვენ ვილაპარაკეთ უკანასკნელ დოკუმენტზე, რომელიც შეეხება თავად ბაგრატიონების მიერ მამულების ძებნის საკითხს. არ არის ცნობილი, თუ როგორ სარგებლობდა ალექსანდრეს ოჯახი იმ გლეხებით, რომლებიც მას მიეცა, მაგრამ რომელთა ასტრახანში გაგზავნაზე მას უარი ეთქვა. რაც შეეხება ფულად საზღაურს, ალექსანდრეს ოჯახმა, როგორც ნათქვამი იყო, მიიღო 10 ათასი მანეთი (ასიგნაციებით). ამდენივე თანხა მიიღო პეტრეს მეორე ძმამაც, გენერალმა რომან ივანეს-ძე ბაგრატიონმა. ჩვენს ხელთ არსებული მასალების მოწმობით, რომანისა და მისი ძმისწულების ცდა — დაებრუნებინათ ყველა დაკარგული მამული, რომელიც მათ წინაპრებს ეკუთვნოდა საქართველოში, უშედეგოდ დამთავრდა.

ასე დასრულდა თავად ბაგრატიონების მიერ მამულების ძიების საქმე, რომლის გარშემოც კვლევა-ძიება დაახლოებით თვრამეტი-ოცი წელიწადი გრძელდებოდა.

„საქმე თავად ბაგრატიონების მიერ საქართველოში მამულის ძებნის შესახებ" შეიცავს ზოგიერთ ცნობებს პეტრე ბაგრატიონისა და მისი მშობლების ოჯახის წევრთა ბიოგრაფიების დასაზუსტებლად. ჩვენი დოკუმენტები პეტრე ბაგრატიონს იცნობენ, როგორც ისაყ-ბეგის შვილიშვილს, პეტრეს ძმა — ალექსანდრე ერთ-ერთ თავის ახსნა-განმარტებაში აღნიშნავდა****), რომ სოფელი წედისი ნამდვილად ეკუთვნოდა „მის მამას, თავად

*) იქვე. ფურც. 157—159.

**) იქვე. ფურც. 125—132.

***) იქვე.

****) იქვე. ფურც. 44-55.

ივანე ალექსანდრეს-ძე ბაგრატიონს, მისი პაპის თავად ისაყ-ბეგისაგან, რომელსაც შემდეგ ალექსანდრე ეწოდა". სწორედ ამ ისაყ-ბეგის (ალექსანდრეს) სახელზე იქნა გაცემული მეფე თეიმურაზ II 1748 წლის 27 დეკემბერს სიგელი მისთვის სოფლების — ლაჯაბადანის, ყულარის, თელეთგორის, გორისჯვარისა და წედისის ბოძების შესახებ. ამავე სიგელით, რომლის ასლიც ალექსანდრე ივანეს-ძემ აღმასრულებელ ექსპედიციას წარუდგინა, აღნიშნული სოფლების მცხოვრებთ წინადადება ეძლეოდათ, „რომ ისინი, როგორც ბოძებულნი მისთვის (ისაყ-ბეგისათვის). დამორჩილებოდნენ მას". დოკუმენტში ნათქვამია, რომ ისაყ-ბეგს ამის შესახებ სიგელი აქვს სპარსეთის შაჰისაგანაც.

იმავე ისაყ-ბეგს თეიმურაზ II 1756 წლის 4 ივლისის სიგელით ებოძა ბაღი გარეუბანში *).

ერთადერთი ხსენება ჩვენს დოკუმენტებში ისაყ-ბეგის მამისა, მეფე იესესი, შეიცავს მითითებას, რომ „ამავე ბაღში (ბაღი გარეუბანში. ი. ა.), სადაც სასაფლაოა იყო... დასაფლავებულია მეფე იესე ბაგრატიონი" **).

ისაყ-ბეგის მამა — იესე — პეტრე ბაგრატიონის პაპის მამა — კარგად ცნობილი პიროვნებაა საქართველოს ისტორიაში. იგი ქართლის მეფე ვახტანგ VI ძმაა. თვით იესეც ქართლის მეფე იყო 1714 წლიდან 1716 წლამდე. ***) 1724 წელს, როდესაც ვახტანგ VI იძულებული იყო რუსეთში გადასახლებულიყო, იესე, რომელმაც მუსლიმანობა მიიღო, თურქეთის მხარდაჭერით კვლავ ქართლის მეფე გახდა 1725 წელს ****). მეორე ქორწინებით იესემ ცოლად შეირთო მეფე თეიმურაზ I ქალიშვილი — ელენა *****), რომლისაგანაც მას, ისაყ-ბეგს გარდა, ჰყავდა კიდევ სამი შვილი: თეიმურაზი (შემდგომში გამოჩენილი მეცნიერი და საეკლესიო მოღვაწე ანტონი I), აბდულ-ბეგი და უსეინ-ბეგი.

პ. ბაგრატიონის პაპა ჩვენს დოკუმენტებში ცნობილია ისაყ-ბეგისა და ალექსანდრეს სახელწოდებით. მართლაც, ისტორიკოსი პაპუნა ორბელიანი მოგვითხრობს, რომ ბატონიშვილმა ისაყ-ბეგმა, რომელიც მუსლიმანი იყო, ქრისტიანობა მიიღო მხოლოდ 1750 წელს და ეწოდა მას ალექსანდრეო. „ისაყ ბატონის შვილი, რომელი ესევდა სჯულსა მაჰმადისასა, აღიარა წმინდა სჯული ქრისტიანობისა და განიზარა მეფემან მორწმუნემან, ცხებულმან თეიმურაზ. განიყვანეს ქალაქისა გარედ, ჩასვეს ისაყ მტკვარსა შინა, განბანეს შვილითურთ წმინდისა ნათლისღებითა და აღბეჭდეს წმინდისა ბეჭდისა მირონისათა. აღქმულ ექმნეს თითონ მეფე ცხებული და უწოდეს სახელი ქრისტიანობისა ალექსანდრე და ძესა მისთა უწოდეს იოანე და სოლომონ" ******). იოანე პეტრე ბაგრატიონის მამაა.

როგორც ჩვენ ზემოთ დავინახეთ, ბაგრატიონების მიერ მამულების დაკარგვას ჩვენი დოკუმენტები უკავშირებენ მათს გადასახლებას რუსეთში. ამ მიზეზს ასახელებდნენ ყოველ შემთხვევაში თვითონ ბაგრატიონები (პეტრე,

*) იქვე, ფურც. 2 და უკ. გვ.

**) იქვე, ფურც. 7—16.

***) საქართველოს ისტორია, თბილისი, 1946 წ. ნაწ. I. გვ. 368. აკად. ს. ჯანაშიას რედ.

****) „ქართლის ცხოვრება". პეტერბურგი, 1854 წ. ტ. 2, გვ. 476; ალ. ორბელიანი, „დაღისტნის ლეკების გადმოსელა ახალციხეში და სხვა ამბები", 1914 წ., გვ. 13.

*****) თ. ლომოური, პეტრე ბაგრატიონი. თბილისი, 1942 წ. გვ. 9.

******) „ქართლის ცხოვრება", ტ. გვ. 428.

ალექსანდრე და რომანი) ყველა თავის თხოვნასა და ახსნა-განმარტებაში. მასალებში არ არის ნაჩვენები ამ გადასახლების ზუსტი თარიღი. სრულიად გარკვევით შეიძლება ითქვას, რომ პეტრე ბაგრატიონის პირდაპირ წინაპართაგან რუსეთში პირველად გადასახლებულა მისი პაპა ისაყ-ბეგი, რომელსაც აგრეთვე ალექსანდრე ეწოდებოდა. ამასთან, ის წასულა მარტო, შვილები თან არ წაუყვანია. კერძოდ, პეტრეს მამა ივანე, როგორცა ჩანს, ჯერ კიდევ საქართველოში დარჩენილა. დოკუმენტში, რომელიც მოგვითხრობს ალექსანდრეს (პეტრეს ძმის) ერთ-ერთი ახსნა-განმარტების შინაარსს, არაერაზროვნად არის ნათქვამი, რომ ისაყ-ბეგმა „რუსეთს გამგზავრებისას გლეხები დატოვა თავისი შვილის (ივანეს) მფლობელობაშიო“ *). მაშასადამე, პაპა და მამა რუსეთს სხვადასხვა დროს გამგზავრებულან.

ჩვენი მასალები შეიცავს სამ მომენტს, რომლებიც საშუალებას გვაძლევენ ვიმსჯელოთ ისაყ-ბეგის რუსეთში გადასახლების თარიღზე. პირველი, მეფე თეიმურაზ II სიგელი, გაცემული 1757 წლის ივლისში, რომლის მიხედვითაც წინათ ისაყ-ბეგის კუთვნილი სოფელი ყულარი ებოძა თავად ორბელიანებს. თუ მართალი იყვნენ ბაგრატიონები, რომლებიც აღნიშნავდნენ, რომ მათმა წინაპრებმა დაკარგეს მამულები საქართველოს ფარგლებიდან მათ წასვლასთან დაკავშირებით, მაშინ ეს გადასახლება, ცხადია, უნდა მომხდარიყო დაახლოებით 1757 წელს; მეორე, ჩვენი დოკუმენტები ლაპარაკობენ იმავე მეფე თეიმურაზ II კიდევ ერთი სიგელის შესახებ, რომელიც გაცემულ იქნა 1756 წელს და შეიცავდა ბაღის მიცემას ისაყ-ბეგისათვის გარეუბანში. მაშასადამე, 1756 წელს ისაყ-ბეგი უნდა ჩავთვალოთ საქართველოს ფარგლებში მცხოვრებად, რადგან ძნელი წარმოსადგენია, რომ თეიმურაზს ჯილდოდ ებოძებინოს მამული იმ ადამიანისათვის, რომელმაც უკვე დატოვა თავისი სამშობლო. მესამე, აღმასრულებელი ექსპედიციის 1813 წლის 18 ივნისის წარდგინების თანახმად, გორის მაზრის ძველმა მცხოვრებლებმა ჩვენება მისცეს, რომ ალექსანდრე (ისაყ-ბეგი) გაემგზავრა **„в российские пределы в гор. Кизляр назад тому лет до 60.“** **) გამოთქმა „до“ გვაფრთხილებს ჩვენ, რომ ალექსანდრე ბაგრატიონის რუსეთში გადასვლიდან 1813 წლამდე გავიდა არა სრული 60 წელიწადი, სრამედ ოდნავ ნაკლები, რაც კარგად ეთანხმება საქმის საერთო ვითარებას. რომ 60 წელზე ნაკლებია, ეს ჩანს მეფე თეიმურაზ II 1756 წლის სიგელიდან, რომლის მიხედვითაც ალექსანდრე იმ დროს (1756 წ.) საქართველოში მცხოვრებად ჩანს. ციფრებად, რომლებიც უპასუხებენ გამოთქმას **„назад тому лет до 60“** არ შეიძლება იყოს 59, 58 და 57, რადგან მათი მიღებით, ჩვენ ისაყ-ბეგ(ალექსანდრე) ბაგრატიონის რუსეთში გადასახლების ქრონოლოგიური ჩარჩოები უნდა განვსაზღვროთ 1754-დან 1756 წლამდე გასული დროით. მაგრამ ისაყ-ბეგის საქართველოში ყოფნა ამ წლებში დადასტურებულია დოკუმენტალურად.

ამრიგად, პეტრე ბაგრატიონის პაპის რუსეთში გადასახლების პირველ სავარაუდო წელს წარმოადგენს 1757 წელი, რამდენადაც პირველი სიგელი, რომლითაც ჩამოერთვა ალექსანდრე ბაგრატიონს მამულები, 1757 წელს

*) ცსსა, ფონდი 8 (9), ფურც. 44—55.

**) ცსსა, ფონდი 8 (9), საქმე 236, ფ. 7—16.

გაიცა. სწორედ ეს წელი უნდა ჩაითვალოს მის მიერ საქართველოს ფარგლების დატოვების თარიღად. *)

უნდა აღინიშნოს ისიც, რომ, როგორც ჩანს, პეტრე ბაგრატიონის წინაპართა მიერ მამულების დაკარგვის დასაწყისი დაკავშირებულია არა მარტო მათ გადასახლებასთან რუსეთის ფარგლებში, არამედ მათ მოქმედებასთან თეიმურაზ II და ერეკლე II წინააღმდეგ. ამის შესახებ არსებობს ამ მოვლენათა თანამედროვე ისტორიკოსების დასტურიც. **) იმ ბრძოლაში, რომელიც ბატონა-ბეგმა წამოიწყო, მონაწილეობას იღებდა პეტრეს პაპა ისაყ-ბეგიც. ***) ალბათ, ეს გარემოება ჰქონდათ მხედველობაში თავად ორბელიანებს, როცა თავიანთ ახსნა-განმარტებებში აღნიშნავდნენ: „ბაგრატიონების გვარეულობამ დაკარგა აქ მამული არა იმ მიზეზებით, რომლებზედაც თავადი ბაგრატიონი მიუთითებს, არამედ მხოლოდ და მხოლოდ ბოროტი განზრახვისათვის მეფე ერეკლეს წინააღმდეგ, რაც სინამდვილეში დაუმტკიცდა მათ და ისინი მაშინვე, დაისაჯნენ“ ****). თეიმურაზ II და ერეკლე II მოავრობა არ ენდობოდა ისაყ-ბეგს და, როდესაც მის (ისაყ-ბეგის) რუსეთში გადასახლებასთან დაკავშირებით თეიმურაზ II დამატებითი საბაბი იპოვა, შეუდგა ისაყ-ბეგის მატერიალურ შეზღუდვასა და მის მოლობელურ უფლებათა შელახვას.

ისაყ-ბეგი (ალექსანდრე) რუსეთში სამხედრო სამსახურში შესულა და პოდპოლკოვნიკის ხარისხამდე მიუღწევია.

არც პეტრეს მამის, ივანე ბაგრატიონის გადასახლების თარიღია ცნობილი. ჩვენი მასალების მოწმობა, რომელიც ამ საკითხს ეხება, მდგომარეობს არა ერთგზის მითითებაში, რომ ივანე ბაგრატიონი გადავიდა რუსეთში იმპერატორ ეკატერინე II მეფობის დროს (1762-1796). მაშასადამე, ამ გადასახლებას ადგილი ჰქონია არა უადრეს 1762 წლისა. მეორე, დადასტურებულ ფაქტს წარმოადგენს პეტრე ბაგრატიონის დაბადება ქალაქ ყიზლარში 1765 წელს. *****) ამნაირად, ივანე ალექსანდრესძე ბაგრატიონს შეეძლო საქართველოდან წასულიყო არა უადრეს 1762 წლისა და არა უგვიანეს 1765 წლისა.

ივანეს ახალ ადგილზე ცხოვრების შესახებ არავითარი ცნობა არ მოიპოვება. ამის შესახებ რაიმეს არც ჩვენი დოკუმენტები ლაპარაკობენ. ერთადერთი მითითება ამ მხრივ მდგომარეობს იმის აღნიშვნაში, რომ ძმები ბაგრატიონები (პეტრე, ალექსანდრე და რომანი) „ბავშვობიდანვე იყვნენ გატაცებული მისი იმპერატორობითი უდიდებულესობის სამსახურით, რომელსაც მათმა განსვენებულმა მშობელმაც მიუძღვნა თავისი თავი, დიდი იმპერატორის ეკატერინე ალექსის-ასულის მეფობის ჟამს და რუსეთში დაამთავრა თავისი სიცოცხლე“ ******). ივანე ბაგრატიონი, პოლკოვნიკის ხარისხის მქონე, გარდაცვლილა 1796 წელს *******).

---

*) დოც. თ. ლომოური, პეტრე ბაგრატიონი . თბილისი, 1942 წ., გვ. 8.

**) „ქართლის ცხოვრება“. ტ. 2. გვ. 400—403. 481.

***) დოც. თ. ლომოური, აღნიშნ. თხზ. გვ. 4.

****) ცსსა. ფონდი 8 (9), საქმე. 236, ფურ. 7—16.

*****) ბ. ესაძე: „Летопись Грузии“, выпуск I, გვ. 262.

******) ცსსა. ფონდი 8 (9). საქმე 236. ფ. 44—55.

*******) თ. ლომოური, პეტრე ბაგრატიონი, გვ. 8.

ზემოთ ჩვენ არა ერთხელ მოვიხსენიეთ ივანე ბაგრატიონის სამი შვილი: პეტრე, ალექსანდრე და რომანი.*) სამწუხაროდ ჩვენი დოკუმენტები ძალიან მცირე რაოდენობით შეიცავენ ცნობებს პეტრე ბაგრატიონის ნაკლებად შესწავლილი ბიოგრაფიის დასაზუსტებლად. სამაგიეროდ შედარებით ბევრ ცნობას შეიცავს „საქმე“ პეტრეს ძმის, ალექსანდრეს შესახებ. აქამდე ლაპარაკობდნენ პეტრეს ერთი ძმის, რომანის შესახებ, რადგან ფიქრობდნენ, რომ მას სხვა ძმა არ ყავდა;**) ასეთი აზრი, როგორც ეს „საქმის“ მასალებიდან ჩანს, სინამდვილეს არ შეესაბამება. პეტრეს მესამე ძმას ერქვა ალექსანდრე (ალბათ, თავისი პაპის ალექსანდრე-ისაყ-ბეგი იესეს-ძე ბაგრატიონის პატივსაცემად). ირკვევა, რომ იგი რომანზე უფროსი და პეტრეზე უმცროსი იყო. ალექსანდრეს მიერ ალმასრულებელ ექსპედიციაში 1813 წლის დეკემბერში შეტანილ თხოვნაში არის ერთი ადგილი, რომელიც ადასტურებს ზემოთ ნათქვამს: „მაგრამ რამდენადაც ეს (საქმე მამულების დაბრუნების შესახებ — ი. ა.) დღევანდლამდე გამოურკვეველი რჩება, **ჩემი ძმა კი** თავადი პეტრე ბაგრატიონი რუსეთში მტრის შემოჭრის დროს დაიჭრა ბრძოლაში და გარდაიცვალა, ხოლო **მეორე ჩვენზე უმცროსი ძმა** რომან ბაგრატიონი საზღვარგარეთ ფრანგების წინააღმდეგ მოქმედ არმიაში იმყოფება, მე მოვალე ვარ მივიღო ჩემს თავზე ზრუნვა, რათა მოვიძებნო სხვის მფლობელობაში მყოფი ჩვენი გვარეულობის კუთვნილი მამული და დავიბრუნოთ იგი“ ***). თვით პეტრე ივანეს-ძეც თავის მიმართვაში ტორმასოვისადმი (1811 წელს), ლაპარაკობდა „ძმების“ (და არა ძმის) შესახებ, რომელთა სახელითაც ის, როგორც უფროსი, გამოდიოდა ****).

ალექსანდრე რომ პეტრეს და რომანის ნამდვილად **ღვიძლი** ძმა იყო, ამის შესახებ არაერთხელ არის ნათქვამი ჩვენს განკარგულებაში მყოფ მასალებში *****).

---

*) ივანეს ყავდა ქალიშვილი ანაც, რომელიც ცოლად შეურთავს თავად გოლიცინს. თ. ლომოური, აღნიშნული თხზ. გვ. 7—8.

**) მაგალითად, წიგნის „პეტრე ბაგრატიონის“ ავტორი დოც. თ. ლომოური ლაპარაკობს (გვ. 8) ივანეს მარტო ორი შვილის — პეტრესა და რომანის შესახებ, მის მიერ წარმოდგენილ საგვარეულო ტაბულაში გამორჩენილია მესამე ძმა—ალექსანდრე.

***) ცსსა, ფონდი 8 (9), საქმე 236. ფ. 17—18. კაზაკთა პოლკის ლეიბ-გვარდიის როტმისტრის თავად ალექსანდრე ბაგრატიონის უმორჩილესი თხოვნა 1813 წ. 8 დეკემბრის თარიღით.

****) იქვე. ფ. 1—2 და უკ. გვ.

*****) ამ ცნობათა მიხედვით ბაგრატიონების საგვარეულო ტაბულა, წარმოდგენილი თ. ლომოურის მიერ, შევსებულ უნდა იქნას ალექსანდრე ბაგრატიონით, რომლის შემდეგ იგი ასეთ სახეს მიიღებს:

მეფე იესე

გიორგი	თეიმურაზი (ანტონ)	აბდულა-ბეგი (არჩილი)	ისაყ-ბეგი (ალექსანდრე)	უსეინ-ბეგი (კირილე?)
		იოანე	სოლომონი	ანა
	პეტრე	ალექსანდრე	რომანოზი (რომანი)	

ალექსანდრე ისევე, როგორც დანარჩენი მისი ძმები, რუსეთის სამხედრო სამსახურში იმყოფებოდა. 1813 და 1814 წლებში შეტანილ თხოვნებში ალექსანდრე თავის თავს უწოდებს ლეიბ-გვარდიის კაზაკთა პოლკის როტმისტრს. როტმისტრის ხარისხით არის იგი წოდებული 1816 წლით დათარიღებულ დოკუმენტებშიაც *). უფრო გვიანდელ მასალებში კი იგი მოხსენებულია პოლკოვნიკის ხარისხით. მაგალითად, ალექსანდრე ბაგრატიონის ქალიშვილი საქართველოს სამოქალაქო საქმეთა მმართველის ველიამინოვისადმი გაგზავნილ წერილში 1821 წლის 15 მარტს თავის მამას პოლკოვნიკს უწოდებდა **). როდის მიიღო მან ეს სამხედრო წოდება, ზუსტად ცნობილი არ არის. ასევე არ არის ცნობილი მისი სიკვდილის თარიღიც. ყოველ შემთხვევაში, 1821 წლის 15 მარტისათვის იგი უკვე გარდაცვლილი ჩანს ***).

სიკვდილის შემდეგ ალექსანდრეს დარჩა დიდი ოჯახი, რომელიც შედგებოდა მისი ცოლის, დარია ბორისის ასული ბაგრატიონის, **** ქალიშვილის ალექსანდრა ალექსადრეს ასულისა და ოთხი ვაჟისაგან. ***** ქალიშვილი უფროსი იყო თავის ძმებზე, რომელთაც იგი ერმოლოვისადმი 1822 წლის 10 აპრილს გაგზავნილ წერილში „მცირე წლოვანებს“ უწოდებდა. ******) ალექსანდრე ბაგრატიონის ოჯახის მუდმივ საცხოვრებელ ადგილად ყველა შემთხვევაში ნაჩვენებია ქალაქი ასტრახანი. *******) ისინი თხოულობდნენ ამ ქალაქში გაეგზავნათ ორი გლეხი მათთვის მიცემული 10 კომლიდან, აგრეთვე გადაერიცხათ საზღაურის სახით დამტკიცებული 10 ათასი მანეთი. ********) ოჯახის მატერიალური მდგომარეობა სახარბიელო არ ყოფილა. ალექსანდრეს ქალიშვილი და მისი ცოლი მუდამ ჩიოდნენ განსაკუთრებით გაჭირვებულ მდგომარეობაზე.

ჩვენი მასალები ბევრ ცნობას შეიცავს პეტრეს გარეშე ბიძის — დიმიტრი ბაგრატიონის შესახებ. რაც შეეხება ცნობებს რომან ივანეს-ძე ბაგრატიონზე, მათში ახალი არაფერია.

---

*) ცსსა, ფონდი 8 (9), საქმე 236, ფ. 56—59.

**) იქვე, ფურც. 65—66.

***) იქვე.

****) მისი ქალიშვილობის გვარი ცნობილი არ არის

*****) იქვე, ფურც. 67—68.

******) იქვე.

*******) იქვე, ფურც. 125—132.

********) იქვე.

РЕЗЮМЕ

В 1811 году генерал от инфантерии Петр Иванович Багратиони обратился с письмом к главнокомандующему войсками в Грузии Тормасову. В этом письме говорилось: „Известно вашему превосходительству, что по древним грузинским законам имения подданных Грузии, которые вступали в службу держав иностранных, отдаваемо было во владение других людей, до возвращения их в свое отечество. На сем основании, имение, мне и братьям моим принадлежащее, по вступлении нашем на службу Российской империи перешло в руки других грузинских подданных. А как по присоединении Грузии к державе России означенное узаконение места уже не имеет..., то я, будучи старшим в фамилии князей Багратионовых, почитаю себе в обязанность для братьев моих употребить старание к отыскиванию принадлежащего роду нашему имения". Этим письмом открывается серия документов, собранных в „Деле об отыскивании князьями Багратионами имения в Грузии".[1]

В ходе следствия было поднято большое количество грамот, собрано множество свидетельских показаний, проливающих свет на некоторые вопросы истории Грузии. В частности, материалы, добытые следствием, помогают уточнить генеалогию Петра Багратиони, причины переселения родителей его в пределы России. Они же дают возможность иметь суждение об имущественном положении Петра Багратиони и его предков, об их владениях и т. д.

Следствие по этому делу, начатое в 1811 году Тормасовым, закончилось лишь в 1828 году при графе Паскевиче. За это время умер Петр Багратиони, умер и брат его Александр. Остались в живых только третий брат Роман и дети Александра.

Выясняется, что Багратиони отыскиваемых имений так и не получили. По постановлению Комитета министров, одобренному императором, дети Александра в качестве компенсанции получили 10 дымов крестьян и 10 тысяч рублей ассигнациями, а Роман Багратиони только деньги в том же размере (т. е. 10 тыс. руб.)

---

1. ЦГИА Груз. ССР, ф. 8 (б), д. 296, л. л. 1-160.

ДОКУМЕНТЫ*

(Приложение)

№ 1. Письмо П. И. Багратиона главнокомандующему войсками в Грузии А. П. Тормасову от 28 мая 1811 года.

Известно вашему высокопревосходительству, что по древним грузинским законам имение подданных Грузии, которые вступали в службу держав иностранных, отдаваемо было во владение других людей, до возвращения их в свое отечество.

На сем основании, имение, мне и братьям моим принадлежавшее, по вступлении нашем в службу Российской империи перешло в руки других грузинских подданных.

А как по присоединении Грузии к державе России означенное узаконение места уже не имеет, — чему и несколько примеров уже последовало, — то я, будучи старшим в фамилии князей Багратионовых, почитаю себе в обязанность для братьев моих употребить старание к отысканию принадлежащего роду нашему имения, коего описание вы, милостивый государь мой, усмотреть изволите из препровождаемого при сем свидетельства шести грузинских царевичей.

Посему и обращаюсь с покорнейшей просьбой к вашему высокопревосходительству, по главному управлению вашему Грузиею, об оказании законного содействия к отобранию имения нашего у тех, кои им ныне владеют, и к обращению его в род наш.

Будучи в полном уверении, что ваше высокопревосходительство в сем справедливом требовании моем явит возможное на основании законов пособничество, считаю приятным долгом предварительно изъяснить вашему высокопревосходительству выражение живейшей моей признательности и совершенного почтения, с коими честь имею быть...

ЦГИА Груз. ССР, фонд 8(9), дело 236, л.л. 1—2.

№ 2. Копия с журнала верховного грузинского правительства исполнительной экспедиции, 18 июня 1813 года учиненного.

1811 года августа 7 дня исправляющий должность правителя Грузии, г. генерал-майор Сталь, пред'явил исполнительной экспедиции в списке повеление господина генерала от кавалерии, главнокомандующего в Грузии и кавалера Тормасова, следующего содержания: Господин генерал от инфантерии, князь Петр Иванович Багратион, в отношении своем к нему, господину главнокомандующему, пишет, что как

* Документы публикуются без изменений. Исправлены лишь явные ошибки. Слова и знаки, проставленные в скобки, принадлежат нам. Места, по тем или иным причинам из'ятые нами, обозначены многоточием. Каждый случай пропуска в самом документе нами особо оговорен.

по древним грузинским законам имение подданных Грузии, которые вступали в службу держав иностранных, отдаваемо было во владение других людей, до возвращения их в свое отечество, то на сем основании имение, ему, князю Багратиону, и братьям его принадлежавшее, по вступлении их в российскую службу, перешло в руки других грузинских подданных; поелику же по присоединении Грузии к Российской державе узаконение сие не может уже иметь места, то он, как старший в фамилии князей Багратионовых, принимает на себя обязанность отыскивать имение, роду их принадлежащее, и просит об оказании законного содействия к отобранию имения их у тех, кои им ныне владеют, и к обращению в род их, препровождая на то свидетельство грузинских царевичей, которое он, господин главнокомандующий, прилагая при этом, предписал забрать точные сведения о прописанном имении, принадлежало ли оное прежде князьям Багратионовым, когда отошло от них и к кому именно, и те, кои теперь им владеют, имеют ли равное законное право; что все, представя к нему, господину главнокомандующему, с мнением возвратить подлинное свидетельство, в котором значит: «Мы, нижеподписавшиеся, царевичи грузинские сим свидетельствуем, что по данным грамотам от грузинских царей деду господина генерала от инфантерии и разных орденов кавалера князя Петра Ивановича Багратиона, состоявшимся 1748 декабря 27 и 1757 * июля 4, находящиеся в Грузии селения, как то: Ладжабадани, Куллары, Телетгори, Горисджвари и Цедисы, со всеми их принадлежностями, также сад, лежащий в Гаретубани, который с Верою граничит к северу, с обоими своими источниками и разоренным ледником по смежности кирпичного завода, дороги вместе с сим заводом, при котором находился дом, равно и земля, лежащая между большою дорогою и лугом, где находится кладбище, как достояние предка его, князя Багратиона, и по праву наследства принадлежащим ему с родными его братьями в собственность; но что оные ныне состоят в руках частных владельцев, мы также ведомы, как равно и о сем, что царем Ираклием сданы нынешним владельцам вроде аренды с тем, как скоро из фамилии Багратионов прибудут в Грузию, то имеют поступить в принадлежащее им владение, яко наследникам. Дано в Санктпетербурге февраля 28 1811 г. за подписанием генерал-лейтенанта и кавалера царевича грузинского Давида, царевича грузинского Иоанна, царевича грузинского Баграта, царевича грузинского Михаила, царевича Джибранла и царевича Теймураза». Исполнительной экспедицией по сему предписано было всем комендантам и земским полициям, дабы они, естли в ведомстве их найдется какое-либо имение, из прописанного в свидетельстве грузинских царевичей, тотчас забрали достоверные справки, было ли оное во владении князей Багратионовых, когда от них отошло, к кому именно, по каким случаям, имеют ли настоящие владельцы документы или другие какие законные права, и что окажется, рапортовать сей экспедиции, вследствие чего получены следующие уведомления: во-первых, рапорт Тифлисской управы земской полиции с представлением: 1-е, отношения в оную Тифлисского уезда

* აქ, როგორც ავღნიშნეთ შესავალ წერილში, უნდა იყოს არა 1757, არამედ 1756 წელი.

дворянского маршала капитана князя Меликова, что деревня Ладжабадани, как по дознаниям его оказалось, действительно была некогда во владении князей Багратионовых по царским документам, а когда от них отошла и к кому именно, того никто за давностию времени не помнит. Впоследствии же по грамотам царей владели оною разные помещики, именно: по приказам царя Ираклия — князь Малхаз Андроников, царя Георгия — Елизбар Эристов, с которого ж времени и сколько, по той же причине неизвестно, а с открытия в Грузии российского правительства числится она в казенном ведомстве. В каковой принадлежности оной деревни ныне казне и упомянутая управа в своем донесении показывает, именуя ее Ладжабадан. 2-е об'явление князей Луарсаба и Дмитрия Орбелиановых о деревне Куллари, что она с давнего времени принадлежит им, и владеет (владела) фамилия их во время царствования трех грузинских царей: Теймураза, Ираклия и Георгия, каковую грамоту, прилагая при том, об'ясняет (об'ясняют), что она по таковому ж предмету рассмотрена главнокомандующим в Грузии князем Цициановым и претенденту князю Багратиону отказано, и что данное от грузинских царевичей свидетельство, якобы оная деревня пожалована им, Орбелиановым, вроде аренды, вовсе несправедливо, потому что отдача на аренду не только не существовала, но и понятия о слове аренда не имели. Впрочем, немудрено, что господа грузинские царевичи дали такое свидетельство, поелику, не находясь ныне в'подданстве их, не благоволят к ним, Орбелиановым, и не будут желать, чтобы здешнее благородство в настоящее правительство имело спокойствие и безопасность; а фамилия Багратионовых вовсе не по тем причинам, как князь Багратион пишет, лишена здесь имения, а единственно за злое намерение на царя Ираклия, которое на самом деле доказано было на них, и тогда же были наказаны. В копии ж с грамоты, представленной Орбелиановыми, / свидетельствованной с подлинною в Тифлисском уездном суде, значится: «Повеление наше состоит в том, что Куларское имение давно остается незаселенным по той причине, что не было такой великой особы, который бы мог собрать жителей того имения и заселить оными, почему выше сказанное имение со всеми кочующими крестьянами и земляли отдали мы сиятельному грузинскому сардалу Реваз-беку, чтобы он кочующих жителей того имения, где бы они были, переселя, поселил на оное и поставил на хлебопашество. Подать с них получать вышесказанному Реваз-беку по положению его владения и таким образом обращаться с жителями, чтобы все добрым его обращением были довольны. Повелеваем Одигазалу и находящимся в том имении крестьянам, что именне сие и земли отдали мы вышесказанному сардалу, дабы он, собрав жителей, сохранил сие имение и вы не должны выходить из слов и советов его. На чем печать приложена царя Теймураза. Месяца рабюнь сехерь по магометанскому исчислению 1172 т. е. 1754 г». * 3-е, об'явления, поданные князем Соломоном

* ჩვენის აზრით, სიგელის გაცემის თარიღი ნაჩვენებია არაზუსტად. სიგელს ბოლოს მიწერილი აქვს, რომ იგი გაცემულია მაჰმადიანური წელთაღრიცხვით 1172 წელს ანუ 1754 წელს. სინამდვილეში კი მუსულმანთა 1172 წელი შეესაბამება ქრისტიანული წელთაღრიცხვის 1758 წელს. ამასთანავე იმავე „საქმის“ სხვა საბუთში ნაცლად 1754 წლისა, ნაჩვენებია 1775 წელი, რომელიც, ჩვენის აზრით, უფრო სწორია.

Тархановым, о деревнях Горисджвари и Телетгори, состоящих в его, Тарханова, ведении, с приложением копий с трех грамот, свидетельствованных с подлинными в Тифлисском уездном суде, что хотя грузинские царевичи свидетельствуют будто оные деревни пожалованы вроде аренды, но аренда в Грузии не существовала и понятия о сем слове никто не имел. Впрочем, немудрено, что они дали таковое свидетельство вопреки живущим ныне в Грузии благородным людям, когда не считают их своими подданными, имея некоторые на них по обстоятельствам неудовольствия, желают и их вовлечь в таковое же неприятное затруднение. В означенных же грамотах значит: 1-е — «Божиею милостию мы, Евсеев, Давидов, Соломонов, Багратион, сын помазанного царя Теймураза, Ираклий второй, владетельный царь Карталинии, Кахетии и прочих и прочих, и супруга наша, урожденная Дадианова, владетельная царица Дарья и сыновья наши Георгий, Иулон, Вахтанг, Мириан, Александр и Парнаоз и внуки наши Давид, Иван, Баграт и прочие сию милостивую грамоту пожаловали тебе нашему усердному и рвением служившему, нашему мейтару Соломону Тарханову, брату твоему Давиду, Гогие, Дмитрию, Луарсабу, Бесариону, сыну твоему Евстафию, сыновьям и будущим дома твоего в том, что мы пожаловали вам нашу казенную деревню Горисджвари без чьего притязания, с горами, холмами, водой, мельницею, полем, фруктовыми и виноградными садами, пахотною и непахотною землею и всеми правильными ее пределами, и где только в нашем владении горисджварский житель окажется, таковых тебе и сыновьям вашим пожаловали во крестьянство, да имеете и воспользуетеся в нашей усердной службе; да ни нарушится ни нами, ниже последствующими по нас царями и владетелями, повелеваем двора нашего векилям, визирям и прочим делам управляющим утвердить сию грамоту, по сему да никто не приступит к нарушению; написано рукой двора нашего мдиваном Соломоном Мдиван беком августа 10 по грузинскому кроникону 482 г. Сию нашу названную деревню Горисджвари со своею церковью и кладбищем пожаловали мы 1794 г. от воплощения бога спаса нашего». На чем приложены печати: царя Ираклия, царицы Дарьи, царевичей Георгия, Иулона, Вахтанга, Александра, Парнаоза, Давида и Баграта. 2-е, — «Повеление наше состоит в том, что сколько в Телетгори состоит казенного недвижимого имения и крестьян, кроме Нахуцриевым принадлежавших (...), все пожаловали мы мейтару Соломону Тарханову и его братьям, а о Фоме Чикойдзеве мы сделаем другое распоряжение. Сие наше казенное недвижимое имение, состоящее в Телетгори, кроме Нахуцриевых, пожаловали мы ему, сему Соломону, и братьям его, но и сына нашего Парнаоза должны мы запросить. Ноября 6 дня 484 г., то есть 1796 г.» На чем печать царя Ираклия. 3-е, — «Волею и помощию божьею мы, грузинский царевич Парнаоз, сию милостивую грамоту пожаловали вам, Тархановым, его высочества царя отца нашего мейтару Соломону, брату твоему Давиду, Дмитрию, Луарсабу, Бесариону и сыну твоему Евстафию в том, что его высочеством пожалована вам Телетгори в милость, и оная состояла в части нашей; пожалованную вам от его высочества грамоту мы видели и нас запрашивал об отдаче оной, а как от его высочества нам пожалована, то мы пожаловали вам Телетгори, и как от его высоче-

ства пожалована вам и в грамоте об'яснено, да воспользуетесь оной в усердие к нашему дому и к нам, кроме крестьян и недвижимого имения, принадлежащего Нахуцриевым. Генваря 14 1798 г.». К чему приложена печать царевича Парнаоза. Во-вторых: Донесение Горийской земской полиции о состоящих в тамошнем уезде селениях Телетгори, Горисджвари и Цедиси. По разведываниям ее дознано от жителей, которые под присягою показали следующее: упомянутые селения действительно были во владении князей Александра и Ивана Багратионовых; но когда сии князья перешли в российские пределы в город Кизляр, назад тому лет до 60, то оные селения остались в казенном ведении. Потом владели оными царевичи Иулон, Александр, Парнаоз, а на последок царь Ираклий пожаловал Телетгори и Горисджвари князю Соломону мейтару Тарханову, от которого об оном, как выше показано, и представлены документы, а Цедиси дворянину Томе Мегвинетхуцесу, по смерти коего владеют оным племянники его Симон и Константин Мегвинетхуцесы, которые также представили в экспедицию о праве владения помянутым селением два списка с имеющихся у них грамот, засвидетельствованные в точности с подлинниками в Тифлисском уездном суде. В них написано: 1-е,—«Божиею милостию мы... сын его величества грузинского царя Ираклия, царевич Иулон и брат наш царевич Александр, пожаловали сию милостивую грамоту вам, нашему дворянину Фоме, племянникам вашим Паате и Симону и потомкам вашим Мегвинетхуцесовым, в том, что вы издревле принадлежали князьям Цициановым, а по некоторой причине его величество отец наш царь отобрал от них, Цициановых, вас без всякого имения и пожаловал нам, а вы просили нас об имении и мы, уважая просьбу вашу, пожаловали вам в деревне Цедиси девять дымов крестьян, потом еще его величество, отец наш, царь, три дыма. Поелику сии крестьяне не имели земли, то для них пожаловали мы вам в Цедисе состоящие из вымороченных имений с принадлежащими горами, полями, водою, мельницами, садами и пахотными землями, а сверх сих еще должны пожаловать вам один дым с своим недвижимым именем, что будет всего 14 (?) дымов крестьян и 14 сакомле земли. Еще пожаловали вам же в Цедиси из вымороченных же землю для заведения виноградного сада, называемую сазере, а на хлебопашество, называемого Ходубани. Иметь вам сии и владеть во услужение усердно его величеству, отцу нашему, грузинскому царю Ираклию и нам; да не нарушится сие ни от нас, и приемников наших царей и царевичей. Повелеваем вам всем, чиновникам двора нашего, дабы по сему исполнили и не смели нарушать. Написано сие рукою Омана Херхеулидзе. — Ноября 19 дня 1783 г.». Каковую грамоту утвердили: царь Грузии Ираклий, царица Дарья, царевичи: Георгий, Вахтанг и Мириан. 2-е — «Мы повелеваем Гогию Саакадзе, чтобы пожалованных нами Фоме Мегвинетхуцесову в Цедиси землю и крестьян, некоторых цедиских и других наших казенных, в пожалованной грамоте значущихся, тотчас, где бы они не жили, переселил в Цедиси, пока вода мелка, и ввел во владение его, Мегвинетхуцесы». Печать царя Ираклия. В третьих: Рапорт Тифлисской градской полиции относительно сада, что действительно на предместии Гаретубани состоит сад, но от реки Веры не в близком расстоянии, и показывается граничащим с оною издревле, источники кое-

го два, в средине сада находится ледник и за садом кирпичный завод, простирающийся до дороги, коего место впусте и никем не владеемое; дом также в саду находился, и земля... лежащая между большою дорогою и лугом, состоит в сем же саде, где было и кладбище, на котором похоронен царь Ессе Багратион. Каковое имение, после отбытия предков просителя в Россию, осталось и находилось во владении грузинских царей, из коих последний царь Георгий подарил оный сад действительному статскому советнику Ковалинскому, бывшему правителю Грузии, который построил близ сего сада строение для суконной фабрики, но впоследствии оное занято под военный госпиталь, в ведение коего отдан, по предписанию господина главнокомандующего в Грузии генерал-фельдмаршала графа Гудовича, и означенный сад для посева разных лекарственных произрастаний, гошпиталю нужных. Более ж подобного имения князя Багратиона не отыскано. Грузинская ж казенная экспедиция справкою уведомила, что по камеральным описаниям показаны селения, состоящие в Тифлисском уезде, Ладжабадани — казенным, Куллар — генерал-майора князя Ивана Орбелианова, в Горийском, Телетори — князя Соломона Тарханова; Горисджвари и Цедиси в камеральное описание не внесены потому, что из оных, как грузинские советники об'явили, жители с давних лет рассеялись по разным местам, и сии два селения пустопорожние. А по делам сей экспедиции значится: что состоящий в Гаретубани сад именным высочайшим (приказом) нашего генерала фельдмаршала, главноуправлявшего в Грузии, графа Гудовича, 1808 г. в 28 день августа состоявшимся, повелено отдать в числе прочего имения во владение коллежскому асессору князю Багратиону, а сей князь уступил половину того сада в пользу гошпиталя. — Приказали: поелику из вышеописанных сведений, о доискиваемом покойным генералом от инфантерии князем Багратионом имении, открывается, что некоторая из оного часть, по воле бывших грузинских царей, перешла во владение других лиц, а некоторая поступила в казну, в высочайшем же манифесте, 1801 г. сентября в 12 день состоявшемся, изображено: «Каждый пребудет при преимуществах своего состояния и при собственности своей неприкосновенно», а в резолюции господина главнокомандовавшего в Грузии, генерал-лейтенанта Кнорринга, на запрос генерал-майора Лазарева, в 6 пункте сказано: «Кто что имел при жизни царя Георгия Ираклиевича, тот тем и пользоваться должен без всякого из'ятия», то экспедиция посему полагает, что все означенное имение должно остаться в тех же ведомствах, в каких оно поныне находится. О каковом заключении экспедиции, не делая особого представления господину главнокомандующему в Грузии, так как он присутствует ныне в экспедиции, передать в канцелярию его с сей статьи копию.

ЦГИА Груз. ССР, фонд 8 (9), дело 236, л.л. 7—16.

ტექსტის ბოლოს მიწერილია: „Верно: секретарь Горленко".

№ 3. Прошение князя Александра Багратиона главнокомандующему войсками в Грузии генерал-лейтенанту Ртищеву от 8 декабря 1813 года.

Покойный родной брат мой, генерал от инфантерии князь Петр Багратион, в 1811 г. 28 числа маня писал к бывшему главнокомандующему здешним краем, г. генералу от кавалерии Тормасову, что как по древним грузинским законам имения подданных Грузии, которые вступали в службу держав иностранных, отдаваемо было во владение других людей, до возвращения их в свое отечество, то на сем основании имение, ему, покойному брату моему князю Петру, мне и Роману Багратионовым принадлежавшее, по вступлении всех нас в службу Российской империи, перешло в руки других грузинских подданных; однако же, по присоединении Грузии к Российской державе, означенное узаконение уже места своего иметь не может, чему было несколько и примеров, то он, князь Петр Багратион, как старший из нас, почел себе обязанностию употребить для нас же старание к отысканию принадлежащего нашему роду имения, описание коего препроводил к г. генералу от кавалерии Тормасову в свидетельствах шести грузинских царевичей, и просил об оказании законного содействия к отобранию нашего имения у тех, кои им ныне владеют, и к обращению оного в наш род.

На каковое отношение покойного брата моего г. генерал Тормасов в этом же 1811 г. 6 августа уведомил, что он об имении, принадлежащем нашей фамилии, предписал верховного грузинского правительства исполнительной экспедиции забрать справки, кто тем имением владеет и по какому праву, с тем, что когда справки сии будут получены, то уведомить брата моего, представя между тем обстоятельства сии куда следует.

Но как дело сие и доныне остается безгласным, брат же мой, князь Багратион Петр, во время вторжения врага в Россию в сражении быв ранен и умер, другой меньшой из нас брат генерал-майор князь Роман Багратион находится за границею в действующей армии противу французов, то я в обязанности уже нахожусь принять на себя старание об отыскании владеемого другими, роду нашему принадлежащего имения и о возвращении его.

В сем положении дел наших я осмеливаюсь утруждать вашего высокопревосходительства всепокорнейшею моею просьбою об оказании милостивого содействия вашего, чтобы верховного грузинского правительства исполнительная экспедиция поспешила собранием предписанных ей от главнокомандовавшего генерала Тормасова справок, и когда оные доставлены будут к вашему высокопревосходительству, то не оставьте ходатайством вашим, где следует, о возвращении мне и брату моему, князю Роману Багратиону, следуемого по законам родового имения, так как и в свидетельстве, данном грузинскими царевичами, сказано, что имение в Грузии, принадлежащее роду князей Багратионовых, дано покойным царем Ираклием другим владельцам вроде аренды с тем, коль скоро из фамилии Багратионовых прибудут в Грузию, то имеют поступить в принадлежащее им владение, яко наследникам, каковое право ныне более утверждается по присоединении Грузии ко всероссийской империи.

Я остаюсь в полной уверенности на милостивое покровительство вашего высокопревосходительства, что в правом моем деле подадите руку помощи.

ЦГИА Груз. ССР, фонд 8(9), дело 236, л.л. 17—18.

ტექსტის ბოლოს: „Лейб-гвардии ротмистр князь Багратион".

№ 4. Прошение князя Александра Багратиона главнокомандующему войсками в Грузии генерал-лейтенанту Ртищеву от 3 января 1814 года.

Между протчим отыскиваемом мною имении, во владении частных лиц находящемся, есть одна деревня, Хидистави называемая, которая состоит в казенном ведомстве, как выморочная, но принадлежит мне, а потому имею честь об'яснить вашему высокопревосходительству, что в 1803 и 1804 г.г., когда я находился в Карталинии с батальоном Кавказского гренадерского полка, что ныне Грузинской, владел означенною деревней, при отбытии же моем из Грузии управление оною поручено мною было дворянину Гогию Турманидзеву с братом его, и как они оба в прошлом 1812 г. от заразительной болезни померли, то деревня взята в казну и я от владения ею отстранен без всякой причины, всепокорнейше прошу ваше высокопревосходительство войти милостиво в рассмотрение моего дела и приказать исследовать о справедливости моей просьбы с тем, что есть ли по исследовании окажется, что неправильно деревня Хидистави поступила в казенное ведомство и действительно мне принадлежит, в таком случае прикажите оказать мне удовлетворение возвращением оной попрежнему в мое владение.

ЦГИА Груз. ССР, фонд 8 (9), дело 236, л. 26.

ტექსტის ბოლოს: „Лейб-гвардии ротмистр князь Багратион".

№ 5. Представление исполнительной экспедиции верховного грузинского правительства генерал-лейтенанту Ртищеву от 21 марта 1814 года.

Ваше высокопревосходительство предложением от 12 генваря за № 8 по прошению лейб-гвардии казачьего полка ротмистра князя Багратиона, что между прочим отыскиваемым им, Багратионом, имением, во владении частных лиц находящимся, есть одна деревня, Хидистави называемая, которая состоит в казенном ведомстве, как выморочная, но вместо того принадлежит князю Багратиону, и что в 1803 и 1804 годах, когда он находился в Карталинии с батальоном Кавказского гренадерского полка, владел означенною деревнею, при отбытии же его из Грузии поручил управление ею дворянину Гогию Турманидзеву с братом его, и как оба они в прошлом 1812 г. от заразительной болезни померли, то деревня и взята в казну, тем самым и отстранен он от владения ею без всякой причины, предложить изволили сей экспедиции войти рассмотрением сего обстоятельства и собрать сведения, на каком основании и с чьего разрешения деревня Хидистави взята в казенное

ведомство, когда настоящий владелец ее, по открытии уже российского правительства, имел оную во владении, и буде окажется, что деревня точно ему, князю Багратиону, принадлежит и взята в казну после смерти тех, коим он поручил управлять ею, под видом выморочной ошибкою, то как о исключении оной попрежнему из казенного ведомства и об отдаче ее законному владетелю, так и о причинах, каким образом сие случилось, представить вашему высокопревосходительству, во исполнение чего и было от сей экспедиции минувшего генваря 30 числа сообщено в казенную экспедицию об учинении надлежащей справки противу сего предложения, а Горийскому земскому исправнику предписано дознать самым вернейшим образом, действительно ли упомянутая деревня Хидистави была во владении просителя, князя Александра Багратиона, и почему, то есть, по праву ли наследства или по купчей, или же по чьему временному препоручению, и справедливо ли, что сия деревня, по случаю отлучки его, Багратиона, в Россию, была от него поручена дворянину Гогию Турманидзеву с братом, на каком основании, по какому назначению поступила она по смерти обоих сих дворян в казну, не было ли начально со стороны земской полиции какого о сем распоряжения. На что казенная экспедиция уведомляет, что по ведомости, препровожденной в оную экспедицию при предложении 12 июля 1803 года за № 1450 от главноуправлявшего в Грузии покойного князя Цицианова, о принятии удельного имения, принадлежащего грузинскому царскому дому, в казенное ведомство, деревня Хидистави в Горийском уезде показана принадлежавшею грузинскому царевичу Парнаозу, в ней дымов 14, а душ мужска пола 63 и женска 54, земли однодневного паханья 130 участков, лесу на 20 верст в окружности. В означенной деревне Хидистави, как из камерального описания, учиненного 4 июля 1804 года, видно, не одни казенные крестьяне жительство имеют, но разных помещиков, а что та деревня была принадлежавшею князю Багратиону, по делам той экспедиции не значится; Горийский же земский исправник рапортом доносит следующее: 1-е, что селение Хидистави было во время грузинских царей казенное и ныне, с открытия российского правительства, считается таковым. 2-е, что жители оного показали и сторонние соседственные города Гори обитатели под присягою утвердили, что первые князю Багратиону не служили и не принадлежали во крестьянство, не зная впрочем, кому принадлежали сами Турманидзевы, то есть казне или Багратиону. 3-е, дворянин Гогия Турманидзе помре от заразительной болезни в 1812 году. Почему в том же году июня 21 дня, по уведомлению исправляющего должность Горийского уездного стряпчего, последовавшему в земскую полицию, отписано в казну оставшееся по нем имение и о том донесено начальству и казенной экспедиции. 4-е, по очищении бумаг, оставшихся после оного Турманидзева, оказалось приличных к сему делу документов двенадцать, коим описи не представлено, хотя исправник доносит, что оные посылаются. 5-е, что священник Джемаржидзев, взяв крестьянина Турманидзева, проживающего в Дзеверах, сироту, тринадцатилетнего мальчика Георгия, по препорученности ротмистра князя Багратионова, отправил к нему, Багратионову, в Тифлис, который и ныне у него находится. 6-е, он же, Джемаржидзев, пользуясь смертью Турманидзева, взял за похорон буйвола, быка и корову, тогда

как смерть сия последовала от заразы и он погребен чернохотом. Почему в исполнительной экспедиции определено: о всем свышеписанном донести вашему высокопревосходительству и при том доложить, не благоугодно ли будет приказать князю Багратиону возвратить на прежнее жительство взятого им не принадлежащего мальчика, ибо, по мнению экспедиции, он не имеет власти, не доказав надлежащим образом права на имение, забирать из оного людей для услуг себе; о запрещении же, чтоб священник Джемаржидзев не входил в дела, противные должности его, и о возвращении из'ятого им после Турманидзева скота, отнестись к высокопреосвященнейшему Варлааму, митрополиту Мцхетскому и Карталинскому, о чем дать знать и исправнику Крупянскому с тем, чтоб он немедленно представил означенную им опись документам, оставшимся после Турманидзева.

ЦГИА Груз. ССР, фонд 8 (9), дело 236, л.л. 37—39.

№ 6. Представление исполнительной экспедиции верховного грузинского правительства генерал-лейтенанту Ртищеву от 2 июня 1816 года.

Лейб-гвардии ротмистр князь Александр Багратион в прошении в сию экспедицию 20 марта сего года по данным из'яснил, что покойный отец его, князь Иван Багратион, пожаловал по здешним обычаям принадлежащему к уделу фамилии их дворянину Турманидзеву, за заслуги его, десять дворов крестьян цедисских, живших тогда Горийского уезда селении Хидистави, с тем, чтобы он пользовался доходами, но не во всегдашнее владение. В бытность же его, просителя, здесь, в Грузии, на службе в 1804 г. был отправлен он покойным главнокомандовавшим в Грузии князем Цициановым курьером по взятии Елисаветполя в Санкт-Петербург, почему помянутых крестьян и поручил он в управление... дворянину Георгию Турманидзеву, но он с братом его от свирепствовавшей в 1812 г. чумы помер,—а оные крестьяне, по причине сей и по неимению управителя, рассеялись по разным селениям и причислены к казне. Оставшееся же имущество оных Турманидзевых хранится у Хидиставского нацвала, почему, приложа оным крестьянам список, с означением, в каких селениях они теперь находятся, просил предписать кому следует, буде нужно учинив справку в удостоверение, что они настоящие цедиские жители, отдать ему, правителю их, во владение вместе с оставшимся имуществом оных Турманидзевых, или буде экспедиция сама не приступит к удовлетворению его по сему, то по учинении следствия представит кому следует на благоусмотрение, для исходатайствования ему у его императорского величества за все то имение вознаграждения, наравне с двоюродным его дядею, коллежским асессором князем Дмитрием Багратионом, которому всемилостивейше повелено возвратить отнятое бывшими грузинскими царями неправильно имение...

По прошению сему экспедиция резолюциею заключила: поелику о прежней претензии лейб-гвардии ротмистра князя Багратиона на деревню Хидистави, которая была от него поручена в управление дворянину Турманидзеву, вследствие предложения вашего превосходитель-

ства оного в журнале экспедиции изложенные, предоставлены рассмотрению вашего высокопревосходительства передачею в канцелярию вашу 12 октября 1814 года № 4368 копии сего журнала, то о настоящей просьбе ротмистра князя Баратиона донесть вашему высокопревосходительству и испрашивать разрешения, повелено ли будет по оной сделать исследование и рассмотрение. На каковое представление ваше высокопревосходительство предложением от 28 марта № 285 изволили дать знать, что необходимо нужно о прописанных крестьянах десяти дворов и управителе их Турманидзеве сделать прежде исследование и потом, что окажется, с мнением представить, дабы уже вместе одним разом сделать, куда следует, представление, как в рассуждении возвращения сих десяти дворов крестьян, так и о вознаграждении за те деревни, коих они, князья Багратионовы, в бытность в России, здесь лишились и о коих была переписка в 1814 г., по которой оказалось, что некоторые состоят в казенном ведомстве, а другие отданы грузинскими царями во владение другим с выдачею на права грамот, а между тем отобрать от ротмистра князя Багратиона об'яснение, каким вознаграждением полагает он воспользоваться за прочие деревни, о которых сделана уже справка и которые из них состоят в казне, а некоторые во владении у других помещиков, так как от них не можно уже отбирать те имения, за силою имеющихся у них грамот. Почему экспедиция сия относилась к исправлявшему должность Горийского окружного начальника и коменданта подполковнику Ладинскому и предписывала Тифлисской градской полиции, дабы последняя о находящихся в Тифлисе крестьянах Согуашвили Тевдоре, Согуашвили Сократе (справилась), а первый сообщил о всех прочих крестьянах, отыскиваемых князем Багратионом, (и чтобы) учинили дознание: 1-е, действительно ли те крестьяне принадлежали некогда отцу просителя князю Ивану Багратиону, точно ли они были отданы фамилии дворян Турманидзевых не во всегдашнее владение. 2-е, владел ли сам проситель сими крестьянами по открытии в Грузии российского правительства, равно как и при последнем царствовании царя Георгия. 3-е, справедливо ли, что ротмистр князь Багратион, при отъезде его по службе в Санктпетербург, поручил старшему из Турманидзевых — Георгию и на каком основании. 4-е, действительно ли причислены они в казну, почему, кем и когда и 5-е, оставшееся после умерших Турманидзевых имение точно ли хранится у хидиставского нацвала, по какому поводу и в чем оно состоит. Вследствие чего донесли: г. Ладинский, что он входил в подробное исследование о принадлежности умерших дворян Турманидзевых с их крестьянами в крестьянство лейб-гвардии казачьего полка ротмистру князю Александру Багратиону, и снятое показание от хидиставских жителей подлинником представляя, присовокупляет, что, по забранным справкам, дворяне Турманидзевы управляли претендуемыми крестьянами ротмистром князем Багратионом как собственными, но кем они отданы им в управление, о том неизвестно, и токмо удостоверяют жители хидиставские, что Турманидзевы служили князю Багратиону, когда от полка Кавказского, что ныне Грузинский гренадерский, баталион был расположен в Карталинии, и князь Багратион находился с ротою в Цхинвале; при царе же Георгие он не управлял ими, потому что не был совсем и в Грузии, а о поручении крестьян в

управление Турманидзевым, при от'езде князя Багратиона курьером в Санктпетербург, никому неизвестно; что же они принадлежали предкам просителя, в том удостоверяет его упомянутое показание, крестьяне же те, хотя и были взяты под казенный надзор после смерти Турманидзевых, как управа доносит, но оставались в тех же селениях на жительстве, платили сурсат как и при жизни упомянутых Турманидзевых, причем приложил ведомость об оставшемся после тех Турманидзевых имении, порученном в смотрение хидиставскому нацвалу. А дабы обстоятельство сие более сделать ясным, запрашивал он, Ладинский, Горийскую управу, не имеет ли она каких сведений по оному делу, которая, представя к нему 11 документов, бывших в управе, доносит, что по забранной ею справке с делами бывшего исправника Крупянского находит, что им представлено в сию экспедицию при рапорте № 434 49 документов на грузинском языке, из коих он, Ладинский, полагает, можно видеть, чьи дворяне были Турманидзевы, и претендуемые князем Багратионом крестьяне временно, или навсегда им были пожалованы... В представленных же бумагах значится: 1, в показании Горийского уезда селения Хидистави живущих старожилых людей, как-то: крестьянина Турманидзева, Ниния Гацабадзе, Глахи Читуашвили, Ниния Каричашвили, Гогия Саджашвили и Тандила Петуашвили, кои утверждают, что живущие в селениях, а именно Хидистави, Ниния и родственник его Андрей Гацабадзевы, Георгий Согуашвили (перечень фамилий других крестьян) принадлежат во крестьянство дворянину Георгию Турманидзеву, а сами Турманидзевы принадлежали, как слышали они от отцов своих, издревле предкам лейб-гвардии ротмистра князя Александра Багратиона, и во время жизни их он, Турманидзе, с крестьянами своими служили ему, Александру. 2, в регистре, по которому отдано под сохранение бывшим капитан исправником Крупянским умерших дворян Турманидзевых хидиставскому нацвалу имущество, а именно: буйволов два, ружей два, котлов малых два, кожевные веревки одна, коров три, быков два, одногодовалых быков два. И Тифлисская городская полиция (сообщила), что крестьяне, отыскиваемые князем Багратионом, живущие в городе Тифлисе, показали, что Турманидзев был действительно князей Багратионовых дворянин, а они есть Турманидзевых крестьяне и в число казенных доныне нигде не причислены, от кого же и как и на каком основании они Турманидзевым достались, о том и о прочем отозвались незнанием, почему полиция, дабы исполнить предписанное указом экспедиции, требовала от просителя, князя Багратиона, пояснение и, получа таковое, и при оном грамоту в копии, представила в экспедицию. Из коих значится: первого об'яснения, что означенные крестьяне действительно принадлежали отцу его, князю Ивану Александровичу Багратиону, по деду его князю Исакбеку, названному потом Александром, на имя которого и грамота, в копии им представленной, дана от царя Теймураза, в коей, в числе пожалованных деревень, именно значится и деревня Цедиси, а что те, отыскиваемые им, князем Багратионом, крестьяне есть цедисские, то сие доказывается тем, что они имеют там свои земли, да и известно о сем почти во всей Карталинии. Дед его, от'езжая в Россию, оставил тех крестьян во владение сыну своему, его отцу, а сей отдал потом оных дворянину их фамилии Турманидзеву в управление за разные

его дому их услуги по здешним обычаям, без письменного о том акта, которые, за непослушание их, или по другим каким причинам, а паче по пресечении рода таковых дворян, опять поступить должны во владение настоящего их владельца. (Так) как при нахождении их отца в России все они братья родились там же и с малолетства их состояли на службе его императорского величества в отдаленности от здешних наследственных их владений, то и не имели времени управлять сами оными, кроме того, что он, проситель, с 1800 по 1804 год, находясь на службе в Грузии, отыскал значущихся по сему делу крестьян своих в управлении сыновей дворянина Турманидзева, из коих старшего Георгия имел во все то время при себе, и когда отправлялся в Санктпетербург курьером, поручил оному в управление (тех) крестьян. 2-й грамоты 27 декабря 1748 года, коею грузинский Бегларбек Теймуразхан об'являя, что Ладжабадани и Куллар, также Телетгори, Горисджвари и Цедиси пожалованы царевичу Исакбекову, на что имеет он и грамоту государеву, почему и повелевает быть в его повиновении, и какими повинностями обязаны, отдавать оные ему, и что кроме его никто до них не может касаться. Наконец, князь Александр Багратион, во исполнение послания вашего высокопревосходительства о том, каким вознаграждением полагает он, Багратион, воспользоваться за прочие деревни, подал отзыв, что взамену принадлежавших фамилии их 5-ти деревень, именно: Куллар, Ладжабадани, Цедиси, Телетгори и Горисджвари, может он довольным быть, получа деревню Шиндиси, в Горийском уезде состоящую...

В исполнительной экспедиции определено: с прописанием всех вышеиз'ясненных обстоятельств представить вашему высокопревосходительству, присовокупя со стороны экспедиции на счет дворян Турманидзевых и крестьян, в распоряжении их бывших, также оставшегося после смерти первых имущества, следующее мнение. По свидетельству, представленному подполковником Ладинским со стороны хидистависких старожилых людей, и по собственному показанию некоторых из упомянутых крестьян, равно по общим сведениям, дворяне Турманидзевы принадлежали предкам лейб-гвардии ротмистра князя Александра Багратиона, а по них сему последнему, что тем более доказательством может служить, что Турманидзевы по смерть свою не выходили из владения сей фамилии, ибо они во время нахождения просителя на службе с Кавказским полком в Карталинии повиновались ему яко помещику. Следовательно, судя по сим обстоятельствам, заключить без сумнения можно, что и крестьяне, на коих князь Багратион пред'являет право, принадлежат тому же роду Багратионов, иначе же Турманидзевы были бы свободны от всяких обязанностей к князю Багратиону и не имели бы нужды служить ему яко господину. Что же князь Александр Багратион и старший брат его, умерший уже, генерал от инфантерии и кавалер князь Петр Багратион, только оказавший услуги российскому престолу, не владели тем и другим, то сие произошло от того, что они с самого малолетства были отвлечены службою его императорского величества, коей и покойный родитель их посвятил себя во дни царствования великой императрицы Екатерины Алексеевны, и в России скончал свою жизнь. По сим уважениям и что означенные крестьяне, как по справкам оказалось, в собственность казны не поступа-

ли кроме того, что находились после смерти Турманидзевых под казенным или, лучше сказать, земским надзором, и то по одному распоряжению местного начальства, не давшего правительству в свое время о том знать, ибо по делам казенной экспедиции ничего о них неизвестно, казалось бы справедливым, ввесть его, просителя, во владение оными крестьянами, как такими людьми, кои не вошли еще надлежащим образом в состав казенных крестьян и коих Багратион, по мнению экспедиции, не отыскивать, но просить должен привесть токмо в повиновение, поелику они вышли из оного по случаю смерти Турманидзевых в отсутствие по службе князя Александра Багратиона, и тогда как он не имел тут ни родственников, которые бы имели на них равное право... Впрочем, представить все сие на особое благоусмотрение вашего высокопревосходительства, доложа при том, что фамилия Турманидзева хотя показана по трактату в числе царских дворян, но сие, как всем почтеннейшим князьям известно, последовало потому, что род Багратионов был гоним от бывших здесь царей, и последний из того рода, отец просителя, вынужден был уклониться в Россию, и что во время составления Ираклием списка о грузинских князьях и дворянах, оной Багратион находился в России.

ЦГИА Груз. ССР, фонд 8 (9), дело 236, л.л. 44—45.

№ 7. Из отношения главнокомандующего войсками в Грузии Ртищева министру финансов Д. А. Гуревичу от 2 июня 1816 года.

После смерти генерала от инфантерии князя Багратиона родной его брат, лейб-гвардии казачьего полка ротмистр князь Александр Багратион, вошел ко мне с прошением об окончании начатого покойным братом его о имении дела, и о исходатайствовании ему, князю Александру Багратиону, вместе с родным братом, генерал-майором Романом Багратионовым, возвращения того имения.

Из всей вышеписанной переписки я усматриваю, что подобному же случаю государь император высочайше повелеть соизволил возвратить отнятое грузинскими царями имение у дяди настоящих просителей, коллежского асессора князя Дмитрия Багратиона, сделал выправку по делам бывших главнокомандующих, по которой оказалось, что действительно князь Дмитрий Багратион в 1805 г. подавал всеподданнейшее прошение о возвращении ему оставшегося в Грузии имения, которое грузинскими царями, за удаление его в Россию еще в 1766 г. и за вступление в службу оной, отобрано в казну, и прошение сие по высочайшему его величества повелению бывший министр внутренних дел граф Кочубей препроводил на рассмотрение и заключение к главнокомандовавшему князю Цицианову, после смерти коего главнокомандовавший в Грузии генерал-фельдмаршал граф Гудович от 8 числа июля 1808 г. сообщил бывшему министру внутренних дел князю Куракину, что хотя представленные от коллежского асессора князя Дмитрия Багратиона документы оказались истинными, но как имение то по оставлении Грузии им, князем Дмитрием Багратионом, царями пожаловано особыми грамотами другим князьям, коего уже отбирать не следует... (пропуск в документе), остальное имение состоит в казенном ведомстве, коего также без высочайшего соизволения возвращать не

можно, то он, граф Гудович, предоставил обстоятельство сие довесть до высочайшего сведения. На сие по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел князя Куракина последовало в 28 день августа того же 1808 г. на имя генерал-фельдмаршала графа Гудовича следующее: «Усмотрев из представления вашего, что просьба, коллежским асессором князем Багратионом мне принесенная, о возвращении ему имения, неправильно последними царями Грузии за приверженность его к России у него отнятого, нашлась основательною, и что часть имения сего, за раздачею царями прочих в частные владения, оставшаяся, находится в казенном ведомстве, я нахожу справедливым и повеле-ваю возвратить оную коллежскому асессору Багратиону», каковое высочайшее его императорского величества повеление приведено уже в исполнение, и что вашему высокопревосходительству из переписки о двух его, князя Багратиона, бывших деревнях Джоджохети и Назаркети известно, взамен коих, так как оные после разорения и населения казенными татарами получили другие названия — Сарваны и Кизаладжи, коих переселять неудобно, согласно желаний его, князя Дмитрия Багратиона, и определением комитета, в 18 день марта сего года состоявшегося, назначено выдать единовременно три тысячи руб. серебром. А как просьба покойного генерала от инфантерии Петра Багратиона, коя подана и родным его братом, князем Александром Багратионом, содержит в сем одно существо дела и обстоятельства, каковые заключались в просьбе для них коллежского асессора князя Дмитрия Багратиона, который удостоен воспользоваться монаршею милостью и удовлетворен за отнятое у него грузинскими царями имение, то сама справедливость требует того, чтобы вошел он с представлением моим и о возвращении имения означенным князьям Александру и Роману Багратионовым; и как большая часть оного состояла во владении по царским грамотам у других помещиков, то предложил верховного грузинского правительства исполнительной экспедиции об отобрании от оставшегося ныне старшего брата лейб-гвардии ротмистра князя Александра Багратиона об'яснения, какое он желает взамен того имения получить вознаграждение, на что он об'явил, чтобы вместо всех отыскиваемых им деревень и половины сада отдать ему в потомственное владение одну казенную деревню Шиндиси, состоящую в Горийском уезде, в коем по выправке оказалось жителей 39 дымов, из них мужска полу 138 и женска 113 душ...

Я обращаюсь к вашему высокопревосходительству со всепокорнейшей моей просьбой о испрошении у его императорского величества высочайшего соизволения на отдачу помянутой деревни Шиндиси во владение князю Александру Багратиону с братьями, взамен отнятого у деда и отца их наследственного имущества.

ЦГИА Груз. ССР, фонд 8 (9), дело 236, л.л. 56—59.

Документ не датирован, но, как видно из письма (от 24 августа 1816 г.) министра финансов Гуревича А. П. Ермолову, сменившему генерала Ртищева на посту главнокомандующего войсками в Грузии, он составлен 2 июня 1816 года. В нем мы читаем: «Предместник вашего превосходительства генерал Ртищев сообщил мне от 2 июня сего (1816) года, что...» (ЦГИА Груз. ССР, ф. 8 (9), дело 236, л. 60).

№ 8. Представление исполнительной экспедиции верховного грузинского правительства главнокомандующему войсками в Грузии А. П. Ермолову от 6 февраля 1817 года.

Предместник вашего превосходительства от 26 сентября 1816 года № 935 экспедиции предлагал: привести в известность, чего стоит имение, принадлежавшее роду князей Александра и Романа Багратионовых, коего лишены они по отбытии в Россию, и сравнить достаточность имения с испрашиваемым взамен оного... В дополнение сего ваше высокопревосходительство от 20 октября 1816 года № 64 дали знать, что имение, принадлежавшее роду князей Багратионовых, состоит в уездах: Тифлисском, деревня Ладжабадани, Горийском, деревня Телетгори, Горисджвари и Цедиси, и половины сада в Гаретубане, около оного места, взамен сего имения испрашивается князьями Багратионовыми деревня Шиндиси, состоящая в Горийском уезде. Экспедиция об оном имении истребовала сведения, в коих видно, что оные деревни оценены: Ладжабадани в четыре тысячи рублей, Телетгори, Горисджвари и Цедиси в восемь тысяч рублей, а Шиндиси в двадцать тысяч рублей серебром. Касательно же сада Тифлисская градская полиция доносит, что оной главнокомандовавшим в Грузии, графом Гудовичем, отдан в распоряжение военного госпиталя, и потому, яко уже казенной, неоценен. В исполнительной экспедиции определено: О вышеписанном представить вашему превосходительству на благоусмотрение.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 8 (9), дело 236, л. 63 и об.

№ 9. Письмо дочери Александра Багратиона главнокомандующему войсками в Грузии А. П. Ермолову от 29-го апреля 1822 года.

Правосудие ваше и благотворительность подают мне смелость просить вашего заступления о нижеследующем предмете.

Прошлого 1821 г. марта 10 дня подала я прошение его превосходительству генерал-лейтенанту Вельяминову на щет наследственных, по праву нам принадлежащих, в Грузии находящихся крестьян, в котором подробно описанные обстоятельства рассмотреть изволите. И по всему делу, производившемуся со времени управления князя Цицианова, предместник ваш Николай Федорович Ртищев, по отобрании справок посредством верховного грузинского правительства исполнительной экспедиции, послал от себя куда следовало представление. Я, на возвратном пути моем из Петербурга, в Москве от Николая Федоровича Ртищева лично о сем известилась.

Теперь осмеливаюсь беспокоить ваше высокопревосходительство и покорнейше прошу не оставить покровительством вашим; войдите в наше сиротское, с четырьмя малолетними родными братьями моими, положение повторить представление господина Ртищева таковым же. Сие благодеяние ваше не изгладится в сердцах по гроб наш; и непрестанно молитвы наши воссылаемые да услышит Бог и вознаградит вас. С истинным почтением и преданностью, ожидая благоволительного вашего распоряжения, честь имею пребыть вашего высокопревосходительства милостивого государя покорнейшая к услугам девица княжна Александра Багратионова.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 8 (9), дело 236, л.л. 67—68.

№ 10. Отношение А. П. Ермолова министру финансов от 5 декабря 1822 года.

Предместник мой, генерал от инфантерии Ртищев, от 2-го июня 1816 г. № 36-й ходатайствовал у вашего в-ва, чтобы взамен отнятых грузинскими царями у князей Багратионовых принадлежащих им деревень в уездах: Тифлисском, Ладжабадани, Горийском, Телетгори, Горисджвари и Цедиси, кои поступили или отданы царями другим помещикам, отдать казенное селение Шиндиси, по примеру, как был вознагражден дядя просителей, князь Дмитрий Багратион, но ваше сиятельство признали нужным иметь наперед сведение, чего именно стоит имение, принадлежащее роду упомянутых князей Багратионовых, и сравнить достоинство оного с испрашиваемым вознаграждением. Вследствие чего сделаны были справки, и я по содержанию оных имею честь уведомить вас, милостивый государь, что деревня Ладжабадани оценена в 4000 руб., Телетгори, Горисджвари и Цедиси в 8000 руб., а все четыре в 12 т. руб. серебром; казенная же деревня Шиндиси, состоящая в Горийском уезде, одна оценена в 20000 р. с., следовательно, вознаграждение превышает 8 т. р. серебром, каковое вознаграждение почитаю я слишком великим, а более еще неприличным отдавать из казенного ведомства вольных крестьян помещикам в подданство. Вознаграждение дяди просителей не может и не должно служить примером: ибо оное сделано (не) потому, чтоб князь Дмитрий Багратион имел на оное право, а единственно из уважения к заслугам племянника его, генерала князя Петра Ивановича Багратиона, так как нет сомнения, что отец его и дядя, перейдя из Грузии в подданство России, были достаточно за оное вознаграждены, иначе же они из Грузии не вышли бы. Но поелику за те же заслуги генерала князя Багратиона нельзя оставить без некоторого вознаграждения племянников его, оставшихся после него наследниками, детей умершего полковника князя Александра Багратиона, то мнением моим полагаю отдать им отыскиваемые ими десять дворов крестьян... и сверх того выдать тем наследникам единовременно десять тысяч рублей ассигнациями. Каковое вознаграждение прекратит дальнейшее искательство оных наследников и будет служить справедливою признательностию к заслугам дяди их, генерала князя Петра Ивановича Багратиона.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 8 (9), дело 236, л. 71 и об.

№ 11. Письмо министра финансов А. П. Ермолову от 28 июня 1823 года.

По делу об отыскиваемом князьями Багратионами имении в Грузии, от министерства финансов внесено было в комитет г.г. министров представление, согласное с мнением вашего высокопревосходительства, которое комитет утвердил положением своим и на оное последовало высочайшее его императорского величества соизволение. Почему имею честь уведомить о том ваше высокопревосходительство, сообщая при сем список с положения комитета для надлежащего с вашей стороны кому следует предписания распорядиться в отдаче князьям Багратио-

нам отыскиваемых ими десяти дворов крестьян, вами поименованных; о выдаче же им единовременно десяти тысяч рублей сделано будет распоряжение по государственному казначейству.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 8 (9), дело 236, л. 71 и об.

№ 12. Из рапорта А. П. Ермолова императору от 23 июня 1825 года.

... В помянутом мнении моем я упустил из виду брата погибшего генерала от инфантерии князя Багратиона, генерал-майора князя Романа Багратиона, имевшего равное с племянниками своими право на милость вашего императорского величества, и потому он не принял участия ни в десяти семействах крестьян, племянникам его пожалованных, ни в сумме, единовременно им выданной.

Не прибегаю к изворотам для сокрытия сделанной мною ошибки, ибо мне легче признаться в оной пред вашим императорским величеством, нежели усумниться, что во благости всещедрого государя моего обрету я исправление оной.

Исполненный надежды сей, я всеподданнейше испрашиваю вашего и-го в-ва соизволения на выдачу генерал-майору князю Роману Багратиону пяти тысяч рублей ассигнациями из государственного казначейства, сверх выданных уже племянникам его, и вместо пяти дымов крестьян, которые на часть его причитались, но исключительно отданы во владение детям князя Александра Багратиона, деньгами—по 1000 руб. ассигнациями за каждое семейство,—всего десять тысяч рублей ассигнациями. Недостаточное состояние князя Романа Багратиона мне совершенно известно и всеподданнейше испрашиваемая мною милость есть помощию для него важною и необходимою.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 8 (9), дело 236, л.л. 79—82 и об.

№ 13. Отношение графа Несельроде А. П. Ермолову от 29 августа 1825 года.

Вследствие всеподданнейшего рапорта вашего высокопревосходительства от 23 числа минувшего июня, последовало высочайшее повеление государя императора выдать генерал-майору князю Роману Багратиону десять тысяч рублей ассигнациями, в вознаграждение за причитающуюся ему часть из имения, коим владели в Грузии предки князей Багратионов.

Сообщив о сем г. министру финансов для учинения нужных распоряжений, долгом поставляю и вас, милостивый государь, уведомить, пребывая с совершенным почтением и преданностию вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 8 (9), дело 236, л. 83.

№ 14. Из докладной записки Тифлисского военного губернатора Сипягина главнокомандующему войсками в Грузии Паскевичу от 28 марта 1828 г.

... Из всего, ваше превосходительство, усмотреть изволите, что, казалось бы, князья Багратионы должны были прекратить дальнейшие домогательства на вознаграждение за оставленное ими здесь при переходе в Россию имение, которым грузинские цари вольны были располагать по произволу,—получив от благодетельного российского правительства 20 т. руб. и 10 дымов крестьян; но генерал-майор князь Роман Багратион в поданной графу Дибичу просьбе пишет:

а) что отец князя Багратиона и двоюродный дядя его, избегая гонения, вышли из Грузии в царствование императрицы Екатерины II в Россию. Имение отнято уже грузинскими царями;

б) что главноуправляющий в Грузии генерал Ртищев признавал справедливым вознаградить потомков князя Ивана Багратиона за бывшее во владении его имение в Грузии;

в) что генерал Ермолов, об'ясняя в представлениях своих, якобы проситель и родственники его не имеют права требовать возврата предкам их принадлежавшего имения, которого лишили их цари грузинские и которое впоследствии перешло в частное владение, и исходатайствовав им от государя императора 20.000 руб. и 10 дымов крестьян за заслуги князя Петра Багратиона, поступил несправедливо: ибо не заслуги брата просителя, но порядок наследства давал ему и племянникам его право на все имение, в Грузии от предков его царями отнятое;

г) что заключение генерала Ермолова, якобы князья Багратионы, оставив Грузию, переселились в Россию, получили в новом своем отечестве выгоды, достаточно вознаградившие их за взятое в казну грузинскими царями имение, — прискорбно для фамилии Багратионов: ибо не из видов корысти, но единственно избегая теснения царей грузинских, перешли в Россию, уповая на человеколюбие монархов ее.

И потому генерал-майор князь Роман Багратион просит о возвращении ему всего того, чего предки его лишились в Грузии.

Противу сего имею честь об'яснить:

1. Заключение генерала Ртищева, который признавал справедливым вознаградить князей Багратионов за оставленное ими при переходе в Россию имение, не есть закон: ибо я не вижу, на чем он основывал подобное свое заключение. При том ходатайствовал отдать Багратионам, вместо оцененных в 12 т. руб. деревень, селение в 20 т. руб. серебром. Здесь видна несообразность и явная наклонность к фамилии Багратионов.

2. Сомневаюсь, чтоб правительство обязано было вознаграждать Багратионов за имение, оставленное ими при побеге из своего отечества на произвол царей, которые при том роздали оные в частные руки. В таком случае нарушен был бы и самый высочайший манифест 1801 года, оставляющий при своей собственности неприкосновенно. Здесь нет уже никаких прав на наследство, на которое ссылается проситель и которого ни в коем случае допустить нельзя; но несмотря на

то, сия фамилия, из признательности к заслугам покойного генерала от инфантерии князя Багратиона, получила от казны 10 дымов крестьян и 20 т. руб. ассигнациями.

3. Есть ли удовлетворить настоящему требованию, признаваемому с моей стороны совершенно излишним, то немудрено, что впоследствии фамилия Багратионов не усумнится просить даже и доходов с доискиваемого имения за все время нахождения оного в частном владении и казне. При том же вознаграждение за розданное грузинскими царями частным людям имение князей Багратионов подало бы повод другим лицам, равным же образом лишившимся своего имущества, требовать в настоящее время от казны возмездия и поставило бы правительство в затруднительное положение отказывать в их просьбах тогда, как уже подобная неосновательная претензия князя Романа Багратиона будет принята и уважена.

Таким образом, изложив по сему обстоятельству мое мнение, я имею честь препроводить при сем вашему высокопревосходительству в подлинниках отношение графа Дибича и просьбу генерал-майора князя Багратиона на собственное вашего высокопревосходительства благоусмотрение.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 8 (9), дело 236, л.л. 109—116 об.

№ 15. Письмо генерала Паскевича начальнику главного штаба от 8 апреля 1828 года.

Ваше сиятельство, в бытность свою в Грузии, изволили препроводить ко мне на рассмотрение представленную к вам просьбу генерал-майором князем Багратионом о возвращении ему недвижимого имения, бывшего некогда во владении его предков.

Занятия мои по войне с Персией из Тифлиса не позволили поспешнейше удовлетворить требование вашего сиятельства. Впрочем, я поручал тифлисскому военному губернатору, г. генерал-ад'ютанту Сипягину, собрать нужные сведения о претензии князя Багратиона.

В докладной записке, в копии у сего препровождаемой, об'яснено подробно начало и ход сего дела. Заключение г. генерал-ад'ютанта Сипягина, на верных сведениях основанное, о невозможности передать во владение князя Багратиона имущества, около столетия в чужих руках находящегося, я признаю совершенно правильным, тем более, что противное тому распоряжение нарушило (бы) силу высочайшего манифеста 12 сентября 1801 г., которым неприкосновенность чужой собственности ограждена от всякого притязания, и возродило бы множество подобных неправильных искательств в стране, где до присоединения ее к Российской империи весьма часто отнимались, а другие приобретали имения по воле царской.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 8 (9), дело 236, л.л. 118—120.

Ш. Д. ИНАЛ-ИПА
Кандидат исторических наук

ОБ АБХАЗСКИХ НАРТСКИХ СКАЗАНИЯХ

1.

Древние эпические сказания, об'единенные под общим наименованием «нартских», имеют широкое распространение у различных по языку и этнической культуре народов Кавказа: северных и южных осетин, кабардино-черкесов и др. Дагестанские народы знают, правда, лишь термин «нарт», связывая с ним смутное представление о каких-то великанах.

Нартский эпос имеет распространение также в Западной Грузии: он занимает самое видное место во всем абхазском фольклоре, следы его обнаружены у сванов и рачинцев. *

Научное изучение нартских легенд, начавшееся с выходом в свет «Осетинских этюдов» Вс. Миллера (1881), имеет большой историко-этнографический и филологический интерес и занимает значительное место в советской фольклористике. И все-таки до настоящего времени далеко не все вопросы нартской проблемы могут считаться окончательно решенными. Такая недостаточная изученность в значительной степени об'ясняется тем фактом, что до сих пор не имеется ни одного вполне научного издания сводных записей нартских преданий, сохранившихся в памяти народов Северного и Южного Кавказа. **

Лишь за последние два года проделана большая работа по части публикации осетинских нартских сказаний. ***)

В 1947 году в Сталинире Юго-Осетинским государственным издательством выпущен грузинский перевод осетинского нартского эпоса, осуществленный поэтом академиком Г. Н. Леонидзе, В. Горгадзе и С. Пашалишвили. ****)

Наиболее значительные исследования нартского, главным образом осетинского эпоса принадлежат перу советского лингвиста-ориен-

---

* В. Абаев, Нартовский эпос, стр. 7

** Попытку сводной публикации нартских легенд предпринял Ж. Дюмезиль: „Legendes sur les Nartes", Paris, 1930.

*** «Осетинские нартские сказания», перевод на русский язык Юрия Либединского под редакцией К. Кулова, Госиздат Северо-Осетинской АССР, Дзауджикау, 1948 г., стр. 503. «Нартские сказания», осетинский народный эпос, стихотворный перевод Валентины Дынник под редакцией Н. Тихонова, В. Казина, С. Британева, предисловие С. Битиева (I—XIX), Госизд. худ. литературы, Москва, 1949 г., стр. 433.

****) „ნართები". ოსური ხალხური ეპოსი, თარგმნილი ოსურიდან გ. ლეონიძის, ვ. გორგაძის და ს. ფაშალიშვილის მიერ, სამხრეთ ოსეთის სახელმწიფო გამომცემლობა, სტალინირი 1947 წ., გვ. I — XXII: 1 — 526.

талиста проф. Вас. Ив. Абаева, в кругу научных интересов которого вопросы об этом замечательном памятнике народного творчества давно уже занимают видное место.*) В дополнение к ранее издававшимся работам, в 1945 году В. И. Абаев выпустил еще один, обобщающий свой труд «Нартовский эпос»,**) представляющий большой шаг вперед в разрешении ряда вопросов, связанных с нартами.

Обладая поражающей нас юной жизнью, народное творчество никогда не ограничивается одной только традицией, механическим воспроизведением созданного ранее. Происходит непрерывный процесс творчества, совершенствование формы и обогащение содержания, при котором, не только непосредственно из условий жизни данного народа возникшие, но и заимствованные темы, образы и сюжеты неразрывно связываются с историческим существованием их носителя и выражают интересы этого народа, его стремления и чувства, дают возможность глубже вникнуть в его психологию и культуру.

В области духовной культуры для всех народов главным источником творчества является свой жизненный опыт и уклад, свои исторически обусловленные конкретные условия существования.

Абхазские сказания о нартах, при всем их сходстве с таковыми же у других народов Кавказа, являются творчеством самих абхазов, предки которых, по всей вероятности, принимали непосредственное участие в создании этого замечательного кавказского эпоса.

Между тем, как ни странно, нартские сказания абхазов до сих пор остаются почти неизвестными в литературе, хотя они, став об'ектом специального исследования, могли бы, очевидно, пролить свет на некоторые невыясненные стороны прошлой жизни племен Западного Кавказа как сами по себе, так и, особенно, путем их сопоставления с соответствующими сказаниями других народов для выяснения культурно-исторических влияний и взаимодействий, имеющих место между абхазами и их соседями.

В своем последнем капитальном труде об осетинском языке и фольклоре,***) говоря о поездке в Абхазию, проф. В. И. Абаев пишет: «Абхазские варианты нартовских сказаний представляют несомненный интерес и заслуживают серьезного внимания. То, что до сих пор опубликовано в этом жанре, составляет, как мы могли убедиться, лишь незначительную часть того, что пока еще хранит память народа».****)

Расширяя и углубляя наши сведения о материальной и духовной культурной истории наших далеких предков, выявление, собирание и изучение абхазских сказаний о нартах, в очень незначительной степени подвергшихся вторжению позднейших феодальных трансформаций, ол-

---

* См. в частности: В. И. Абаев, О собственных именах нартского эпоса, Сб. «Язык и мышление», V. Изд. АН СССР, М. — Л., 1938 г., его же: Опыт сравнительного анализа легенд о происхождении нартов и римлян. Сб. Памяти акад. Н. Я. Марра (1864 — 1934), изд. АН СССР, М. — Л., 1938 г.; его-же: Из осетинского эпоса, 10 нартских сказаний, текст, перевод, комментарии. Прилож: Ритмика осетинской речи, изд. АН СССР, М. — Л., 1939 г.

** В. И. Абаев, Нартовский эпос, Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, т. X, вып. I, Дзауджикау, 1945 г., 118.

*** В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, М — Л, 1949 г., стр. 321.

**** См. сборник: Абхазские сказки (на абхазском языке), Сухуми, 1940.

новременно углубляет и расширяет наши знания об этом интересном эпосе вообще. Кроме того, не исключается, что именно здесь, у абхазов, мы можем увидеть немало не только специфически абхазских моментов, придающих ему особый колорит и отсутствующих или нехарактерных для других народов, но местами и некоторые другие глубоко архаические черты, находящиеся в наибольшей сохранности и помогающие в совокупности легче расшифровать нартский эпос, по сей день остающийся загадочным во многих отношениях.

Выше указывалось на недостаточную фактическую и теоретическую изученность нартского эпоса вообще. Этот недостаток в свою очередь в резко различной степени выражается у отдельных народов нартского круга. Так, например, если у осетин нартские тексты не только записывались и печатались, но были также об'ектом специального исследования видных ученых чуть ли не с середины прошлого столетия; если кабардино-черкесские сказания о нартах, в гораздо меньшей, правда, степени, но тоже уже давно привлекали внимание, издавались и изучались, то на долю абхазских нартов выпала незаслуженная участь почти полного игнорирования и забвения. Достаточно сказать, что не было издано ни на каком языке ни одного абхазского нартского предания вплоть до 1940 года, когда, наконец, были чуть ли не впервые напечатаны четыре нартских рассказа в первом томе «Абхазских сказок» *) на абхазском языке. Понятно, что при таком положении вещей абхазские нартские сказания не только не могли быть доступными для специалистов из научного мира, но и в памяти народа они постепенно забывались и сглаживались по мере естественной убыли хранителей устного народного творчества.

Неудивительно, если в результате этого безвозвратно потеряны многие, быть может, наиболее ценные части нартского эпоса абхазов.

Но, несмотря на это, и в наши дни нет ни одного взрослого абхаза, который ничего не знал или не слышал бы о нартах, а отдельные талантливые сказители (Кастэй Арстаа из сел. Отхара, Ядрат Габрава, Хуху Гамисония и Маадан Сакания из сел. Дурипш, Темыр Аджба и Луман Авидзба из сел. Ачандара, Мачкуку Адлейба из сел. Чилоу, Абас Квачахия, Хаджарат Ашуба и Хаджарат Амчба из сел. Джгерда и многие другие) охотно рассказывают или исполняют на своих «ачхярца» (двухструнный абхазский музыкальный инструмент) длинные сказы о богатырских деяниях славного и древнего рода нартов. До сих пор о человеке, ведущем нескончаемые повествования о чем-либо, в народе говорят, что он начал разговор как бы о нартах (ნართაა რაეააბე იჭოუპ) и нет конца его речам — характерный штрих, говорящий о широкой распространенности множества развернутых сюжетов нартских сказаний у абхазов.

Вот что говорит об этом проф. В. И. Абаев, который в 1945 году впервые посетил Абхазию в порядке научной экспедиции и побывал здесь лишь около одного месяца и то только в одном районе: «Особо следует остановиться на распространении в Абхазии нартовских сказа-

*) Абхазские сказки, т. I, изд. АбНИИ, 1940 г., г. Сухуми (На абхазском языке).

ний. Задолго до поездки 1945 г. мы уже знали, по литературным данным, что абхазские певцы, подобно осетинским и адыгейским, поют песни о легендарных героях нартах. Но мы не предполагали, что северокавказский эпос пользуется у абхазов такой популярностью.

Когда в сел. Ачандара мы спросили у старого кузнеца Авидзба Луман, знает ли он что-нибудь о нартах, он ответил: «Нартов знают все».

И это было недалеко от истины. Среди старшего поколения мало найдется таких, которые не слышали бы о нартах. И в каждом селении есть несколько человек, которые могут вам гладко и без запинки рассказать два-три и больше сказаний о подвигах нартовских героев». * В другой работе он также утверждает, что «за Кавказским хребтом нартовские сказания широко распространены у абхазов». **)

Иногда нартские сказания облечены в сказочную форму, с первого взгляда как будто ничего общего с нартами не имеющую. Но при близком знакомстве с ними, особенно же при сопоставлении их с нартскими текстами других народов, они оказываются потерявшими свой вид типично нартскими сюжетами.

Наряду с развернутыми повествованиями, сплошь и рядом встречаются сведения о нартах и в виде отдельных, порою незначительных по размерам преданий, связанных часто с каким-нибудь названием местности; например, речушка Нартоу (ნართოუ) в сел. Адзюбжа и речка Кятуан (ქჲათუან) в сел. Джгерда Очамчирского района, гора Марыху***) и др., связанных с происхождением животного или растения; также в виде собственного имени людей («Нарт» особенно «Сасрыква»)****) и приветствия, обращенного к работнику, собирающему виноград на дереве (ნარ ჟლბააიტ! — «чтобы ты спустился с Нара!»), пословиц, поговорок *****) и тому подобных фактов, представляющих собою, повидимому, фрагменты и осколки чего-то более общего и целого, до нас не дошедшего.

Интересно отметить, что абхазы Сев. Кавказа, в частности абазины Кумско-Лоовского и других аулов, считают название кисловодского «нарзана» происходящим от абхазского „ნართ-ძგ", что действительно обозначает «нартскую воду».

Как увидим ниже, многие и другие обычаи и элементы культуры связываются с именами нартов. В народе считают, например, что даже самая идея героизма берет свое начало от них же.

Еще один примечательный факт. Знаменитая мать нартов, вещая Сатанэй-Гуаша, выступает в одном предании (сказитель М. Сакания) как вдохновительница и организаторша борьбы против предвиденного ею еще за четыре года обращения абхазов «лицом к морю», т. е. выселе-

---

* В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, М — Л., 1949, стр. 320.

** Его же, Нартовский эпос, стр. 7.

*** Марыху (მარჴ-ხუ (*II ნარჴ-ხუ), т. е. «Нартовская вершина».

**** Заметим, что собственное имя «Сасрыква» было широко распространено среди абхазских князей и дворян.

***** Напр.: ნართ სასრჴყუა ანჲჳ დანადდრჴგლოთ ეიუშა, т. е. «Подобно тому, как Нарт Сасрыкву приставили к лошади» (так говорят о выдающемся человеке, которому поручили неподобающую ему мелкую работу) и др.

ния, имевшего место, как известно, во второй половине XIX в. (т. н. «махаджирство»). Разве этот факт не иллюстрация того, насколько жизненны были нартские мотивы у абхазов, сравнительно еще совсем недавно.

Хотя до последнего времени выявлению и изучению абхазских нартских рассказов не уделялось должного внимания и планомерной научной работы не проводилось в этой области, но все-таки, благодаря эпизодическим и случайным записям, уже накоплено довольно большое количество сырого материала, хранящегося в архивах Абхазского научно-исследовательского института им. акад. Н. Я. Марра АН Грузинской ССР. Этот материал ждет обработки и дальнейшего изучения, что должно привести, в первую очередь, к составлению единого сводного текста. Кроме того, количество записанных рассказов о нартах все больше растет, так как тематическим планом института предусматривается, как одно из значительных мероприятий, форсирование собирания нартских легенд во всех районах Абхазии, далеко еще не изученных полностью в этом отношении.

В настоящих предварительных заметках мы ставили целью познакомить читателя с некоторыми из основных сюжетов и героев абхазских нартских сказаний.

По представлениям многих абхазов, подобно тому, как род нартов, наделенный особенными призваниями и дарованиями, предшествовал роду современных людей, точно так же и самим нартам, не являющимся самыми первыми обитателями земли, предшествовал другой, не менее исключительный и древнейший род людей под именем ацан (слово ацан имеет в абхазском языке и значение «под», но трудно сказать, можно ли связать такую семантику этого слова с наименованием упомянутого легендарного племени), смутные воспоминания о котором сводятся в основном к следующему.

В древности когда-то жил на земле род мелких людей под названием ацан. Жили они в горах, и были они такого малого роста, что, свободно взобравшись на папоротник, могли производить на верхушке обрезку его ветвей. Они могли незаметно подойти и доить оленей. Тогда в горах не бывало ни ветра, ни дождя, ни снега и ни града. Ничто их не беспокоило, и ничего они не признавали, даже бога не знали они.

Однажды, когда они сидели в своей крепости (ацанцуара), с неба спустился к ним ребенок в золотой люльке. Обрадовались ацаны, воспитали они мальчика, который рос, что называется, не по дням, а по часам. Когда же подрос, он спросил их:

— Вы, я вижу, ничего не боитесь, но неужели же ничто победить вас не может?

— Разве только если ватный снег пойдет на землю и загорится он, — больше ничего в мире нас победить не может! — отвечали ацаны.

И вдруг, неизвестно куда, исчез молодой человек. Тогда же «большой отец» ацанов заметил, что у одного козла из их стада, находившегося в каменной ограде, длинная до земли борода отчего-то шевелится.

— На свою беду, дети мои, оказывается, воспитали мы этого человека. Гибель послал он нам, посмотрите! — сказал старик, указывая на козла, у которого все более тряслась борода.

Ветер все более крепчал. Выпал двухсаженный ватный снег, зажегся он, и все сгорело вмиг. Сошел с лица земли и род ацан. Остались только некоторые развалины из их каменных сооружений (აწანგუარა в переводе означает — «ограда или крепость ацанов») и название горы Ачагылара (აჩაგვლარა), где один из них догнал и поймал за хвост быстроногого лесного быка.

Таков был конец ацанов, нартских предшественников.

А теперь перейдем к самому сжатому изложению содержания основных абхазских сказаний о нартах, по возможности сведенных и, для удобства, сгруппированных нами вокруг центральных героев, причем изложение это будет сделано на основе упомянутых выше печатных *) и архивных материалов, а также некоторых новых рукописных текстов, собранных сотрудниками АбНИИ Х. С. Бгажба, Б. В. Шинкуба, Б. П. Джанашиа, автором этих строк и др.

II

САТАНЭЙ-ГУАША (სათანეი-გუაშა)

У безмужней матери (изредка она называется сестрой) нартов, Сатанэй-Гуаши, ** было сто (по некоторым вариантам 99 или даже 7) сыновей и одна дочь. Несмотря на это, она чувствовала себя еще настолько молодой, что испытывала сильное влечение к мужчине. Гадатели предсказали ей опять рождение ребенка. Но не было мужчины ей под стать, кроме разве могучего, но придурковатого нартского пастуха, в роли которого выступает чаще всего пасущий коров (или табунщик рода Гягуовых) Нарчхьоу, иногда Селыку (სელგჳ). Нуз (ნუზ), Атлагуша (ათლაგუშა). Наш-Батаква (ნაშ(ფ)-ბათაყუა), а также некоторые и другие персонажи, как, например, какой-то на одну половину парализованный («высохший») человек (ბეჟაჟა-ბეჟაძა), или некий Сартагяла (სართაგჳალა).

Наблюдая за телятами, занятая стиркой или прядением, причем прялка у нее по своим размерам равнялась гигантскому дубу, с насаженным на нее огромным пряслом величиной со скалу (характерно, что нередко и в своих многодневных походах она не расстается с этой прялкой), обрабатывая шерсть или льняную пряжу сразу на сто человек в воде, Сатанэй-Гуаша часто выходила на берег реки Кубань (ყუბინა); иногда упоминается крупнейшая река Абхазии Кодор, а еще в другом месте река Ариан-Арион (არიან, არიონ очевидно, р. Рионн). Здесь однажды она заметила на той стороне реки названного пастуха (Нарчхьоу), которого пожелала и позвала к себе, говоря: «Если ты — мужчина, то я — женщина!».

Он был прельщен ее сверкающей, подобно солнцу, красотой и, не сумев переплыть разбушевавшуюся реку, послал ей оттуда свое мужское начало. При этом поднялся страшный ураган, и облака покрыли

---

* «Абхазские сказки», т. I, стр. 23 — 45.

** Кое-где она называется Сатанна-ипха (სათანიფა), а изредка и просто «Гуаша».

землю, а выпущенная им «стрела» (ახჭრა) с огромной силой врезалась в скалу, позади которой для безопасности стала Сатанэй-Гуаша. Чтобы взять «стрелу» с собой, вырвала она из земли всю скалу, на которой, как только рассеялся туман, обозначились ясные очертания будущего сына.

Или, по другому варианту, с помощью вещего нартского кузнеца Айнар-ижи (აინარ-იჟი) с его золотыми щипцами и молотом, она выдолбила семя из камня, именно из кремня, завернула в вату и продержала его на животе (на груди, у пазухи) необходимое время (9 суток, или год), по истечении которого «родился» мальчик.

В этот день она созвала к себе всех женщин, на глазах у которых выбросила из-под полы ребенка, симулируя этим рождение человека. Еще до рождения он был наречен ею именем «Сасрыква».

В одном сказании Сатанэй-Гуаша выступает как кормилица мальчика из рода Радыз (რადზ). Этого мальчика она взрастила, так сказать, в спешном порядке, чтобы он, в качестве сотого члена нартского военного братства, мог принять участие в их походах.

В другом рассказе имеется упоминание о том, что сама Сатанэй-Гуаша происходила из рода каких-то Мыхмызтовых (მჳმჳზთ), племянниками по сестре которых являлись, следовательно, нарты.

У нартов была большая железная скамья (არჳმძ), ее никто не в состоянии был поднять, кроме их матери. Кроме того, она обладала множеством других необычайных качеств, проявлявшихся в ее отношениях с сыновьями, главным образом с младшим из них, Сасрыква.

НАРТ САСРЫКВА (ნართ ხახრჳშა)

Нарт Сасрыква был самым младшим, сотым (иногда 101) сыном Сатанэй-Гуаши (Кое-где он выступает, наоборот, как самый старший из братьев).

Родившись из камня указанным выше образом, он не стал сосать материнское молоко, но, когда всыпали ему в рот полную лопату горящих угольев (или, по другому варианту, расплавленный металл), с удовольствием разжевал и проглотил весь этот пламенный жар.

Как только Сасрыква родился, его взяли щипцами и накалили в горниле кузницы, а потом погрузили в холодную воду. Через две недели после рождения он стал взрослым человеком и достиг, по словам некоторых, необычайно большого роста («14 метров»).

Сатанэй-Гуаша сама воспитала Сасрыкву в отличие от других сыновей, отдававшихся, по некоторым данным, в чужие руки. Сасрыква обязан своей матери всеми своими победами. Из-за того, что он был «незаконным» сыном (ანშჳფი), нарты не признавали его. Но мать, обладая сверхестественной силой (დოლჳალდშჳან), способствовала тому, чтобы сделать из него непобедимого героя, обладающего мощью всех нартов, вместе взятых.

«Из женщин — моя мать, а из мужчин — я один», — говорил Сасрыква. При всех затруднительных случаях он обращался только к ней за мудрыми советами, обеспечивающими ему выход из любого положения. Она дала ему имя, определила физический рост (до уровня надочажной железной балки в огромном нартском доме) и силу, сшила первый костюм, наделила умом и хитростью, а также способностью предвидеть и воздействовать на природу и людей в желательном направлении.

По ее желанию одновременно с ним появился на свет его неразлучный друг — легендарный крылатый конь «араш» (არაშ; в одном случае აალგუ).

«Пока я жив — нечего бояться и тебе!» — говорил этот конь своему любимому хозяину.

Никакая другая обыкновенная лошадь не могла выдержать Сасрыкву. Едва появившись на землю, он тотчас же назвался Нартом Сасрыква и немедленно потребовал своего коня.

Укрощение этого неукротимого коня составляет первый из многочисленных героических подвигов Сасрыквы.

Мать же научила его, как первый раз подойти к этому страшному коню под именем Бзоу (ბზოუ, а также თაკუზია, თხუაზია), который успел истребить массу людей. Она же первая оседлала Бзоу железным седлом.

За все это завистливые братья старались мстить Сасрыкве на каждом шагу. Его не брали с собой никуда, хотя нередко, охраняя их, он невидимо следовал за ними издали. Они даже избегали садиться с ним рядом на одной скамье, и ему поэтому приходилось всегда сидеть одному против них.

Однажды, когда Сасрыква попросил своих братьев взять и его с собой в поход, нарты дали ему знать, что считают ниже своего достоинства иметь дело с каким-то жалким «незаконным» сыном их матери.

По другому рассказу, нарты, желая снискать себе славу без участия младшего брата, незаметно отправились в поход (или добывать жену для старшего из них), воспользовавшись сном Сасрыквы, по привычке своей заснувшего непробудно на семь суток подряд.

Оскорбленный Сасрыква явился к матери и грозно потребовал сказать ему, чей он сын, и спросил, на самом ли деле он не нарт? *) Сатанэй-Гуаша ответила, что он не только настоящий, но и лучший из нартов (именно, по одному варианту, сын Нартуза), и посоветовала погнаться за ними, обещая создать им там такие условия (наслать на них дождь и снег), из которых они не смогут выйти без его помощи. Это заставит их признать Сасрыкву братом.

Сасрыква, принеся с собой мертвящий холод, догнал замерзавших нартов, старавшихся скрыться, спасаясь от непогоды, в горной пещере (по другому варианту, он настиг их, когда они находились в смертельной опасности от поражения в битве с великанами). Сасрыква спросил братьев, продолжают ли они считать его неравным с со-

* Вариант этого рассказа гласит, что Сасрыква, придя домой, попросил есть, и мать приготовила ему горячую мамалыгу, переваренную вместе с сыром. Сасрыква схватил руку Сатанэй и насильно держал ее в котле с этой горячей кашицей, пока мать не призналась ему, что он сын нартского пастуха Нарчхьоу.

бой? Находясь на краю смерти, нарты признали, что он наилучший среди них.

Тогда Сасрыква выстрелом из лука сбил большую пылающую «Утреннюю звезду» (აშუიაწეა), чтобы коченевшие нарты, отогреваясь около нее, смогли потерпеть до того, пока он не доставит им огня.

Сасрыква поехал за огнем, замеченным им где-то вдали. Там вокруг огромного костра (არ ჩგმცა), свернувшись кольцом, лежал великан (ადაუგ, აინგეი). Перескочив через него, Сасрыква достиг огня и, взяв горящую головню, хотел обратно перепрыгнуть великана, но великан, разбуженный попавшей ему в косматое ухо огромной искрой, схватил незнакомого всадника и проглотил вместе с конем. Подумав немного, великан выбросил обратно свою жертву и спросил незнакомца, что тот знает о подвигах Сасрыквы?

Неузнанный Сасрыква, с целью освободиться из плена, решил хитростью победить мощного врага и стал рассказывать доверчивому великану о мнимых доблестных делах прославленного нарта.

Попробовав на себе все предложенные Сасрыквой опыты: испытание кипящим отваром, выпиваемым для «услаждения души» вместе с мясом ста баранов (быков), прочесывание головы обломками высокой горы, обрушиваемой на него, проглатывание «для отогревания сердца» добела раскаленного железного плуга (лома), который не могут приподнять семь великанов, и т. п. упражнения, — великан нашел эти «шалости» Сасрыквы весьма забавными и приятными.

Наконец, продолжая предлагаемые молодым нартом испытания, великан, войдя в озеро (море), 9(3) суток простоял на камне по горло в воде, воображая, что пробует способ «прохлаждения» Сасрыквы (по некоторым рассказам, Сасрыква, погружаясь в море, ставил целью забрать к себе на стоянку на целый год всю воду, предварительно обратив ее в лед). Когда великан попробовал немного сдвинуться с места, затрещал лед, толстым слоем покрывавший воду. Видя, что и из этого испытания великан может выйти невредимым, Сасрыква сказал ему, что время для выхода еще не наступило, а сам взмолился к богу (или обратился к матери), прося еще больше усилить мороз. При вторичной попытке проломить лед, великан, из-под ног которого выскочил камень (Сасрыква дернул за шелковую веревку, привязанную к ноге великана), повис в воде. Сасрыква напрасно пытался своей шашкой (ашә) отрубить великану голову. Желая избавиться от лишних мучений, обреченный великан, только теперь догадавшийся, с кем имеет дело, сам указал на свою рядом лежавшую шашку, чтобы победитель ею отрубил ему голову. Сасрыква щипцами осторожно вынул шашку из кожаных ножен, ловко сдвинул ее с места на скользком льду, и она перерезала шею великана, причем, по некоторым вариантам, рану, чтобы снова не выросла голова, Сасрыква посыпал горячей золой.

Перед смертью великан, в последней надежде погубить нарта, предложил Сасрыкве вытянуть у него из шеи жилы (ацаӡ, ахурӡӡ) и опоясаться ими, чтобы стать таким же сильным, как и он. Проверив и истощив силу жил на гигантских деревьях, перерезываемых жилами моментально, Сасрывка стал потом носить их в качестве пояса. По другим сказаниям, кишки убитого богатыря стали взывать с просьбой привязать их к дереву, но догадливый Сасрыква не тронул их голы-

ми руками, а опять-таки при помощи железных щипцов обмотал кишками деревья.

На обратном пути Сасрыква нагнал траурную процессию, хоронившую другого великана. Сестра последнего рассказала нарту, что ее брат много слышал о герое Сасрыкве, и он хотел померяться с ним силами. Однако, не встретившись с Сасрыква, с огорчения и досады великан зачах и умер. Добавив, что теперь брата везут хоронить, но не могут поднять его ног, чтобы положить их на повозку, она попросила у нарта помощи. Сасрыква не смог сперва даже приподнять ног великана. Тогда он отъехал в сторону и с разбега на коне ударился о повозку с такой силой, что и мертвец и арба, на которой его везли, взлетели на воздух.

Преодолев, таким образом, все препятствия, Нарт Сасрыква вернулся с отвоеванным у великана огнем к своим братьям и спас их от холодной смерти.

По некоторым рассказам, нарты после этого признали Сасрыкву своим братом (ადოუმაართეტ), в честь чего и была будто-бы исполнена бытующая и в настоящее время песня «Уарайда».

Желая погубить своего опасного соперника, нарты однажды столкнули Сасрыкву в бездонную яму. Он очутился в подземном мире, где росли чудесные сады вокруг покинутых домов. В одном из таких домов жила еще одна старуха. Сасрыква убивает там страшного дракона, засевшего в единственном источнике воды и умертвившего много людей. В благодарность за это орел, нагруженный на дорогу мясом ста быков, на своих крыльях повез Сасрыкву обратно из ямы. Когда же, к концу пути, закончились последние остатки пищи, нарт вынужден был кормить могучую птицу мясом из своего собственного тела.

Всю жизнь проводил Сасрыква в походах (ზაანათეს იმაზ ნგუუარან). Свои походы он предпочитал совершать от восхода и до захода солнца, часто один или, если не с нартами, то вместе с кем-либо из других наиболее знаменитых мужей, нередко как будто и превосходящих в силе и геройстве его самого (например, с могучим сыном сестры каких-то Елдызовых (ელდეზაა რაჰიშათა).

Сасрыква часто спрашивал свою мать, есть ли на земле человек, сильнее его,* на что она утвердительно отвечала. По другому сказанию, Сасрыква сидел сиднем и не вставал до тех пор, пока не пришел к нему человек, совершивший больше подвигов, чем он сам.

В своих поисках наисильнейшего он столкнулся однажды с каким-то пахарем без рук и ноги (наполовину «высохшим»). На приветствия Сасрыквы тот не обращал внимания, и, наконец, выведенный из терпения, взял назойливого юношу вместе с конем и накрыл их глыбой земли (или, поместив в свою курительную трубку, повесил за пояс). Вскоре к работнику явилась его жена (в одном месте она именуется как Сатанэй-Гуаша) с обедом.

---

* По словам сказителя, этот вопрос привел в ярость Сатанэй-Гуашу, и она бросилась на свою большую скамью (ართეძი), которая при этом сломалась. Вставая, она ударилась головой и разбила массивную перекладину между противоположными стенами нартского жилища (ახუმლე). Это единственный случай, когда Сатанэй выражает недовольство своим любимейшим сыном Сасрыква.

— Там я запрятал в землю какого-то несчастного абхаза; будешь итти — возьми его домой детям на потеху! — сказал он жене.

Жена пахаря поместила «абхаза» с его лошадью в корыто, поставила последнее себе на голову и пошла домой. По пути, схватившись за ветку дерева, Сасрыкве удалось выбраться из корыта. Придя домой и заметив исчезновение своей находки, хозяйка вышла и помочилась, в результате чего образовалась река, течение вод захватило нашего беглеца, который, попав в расставленные сети, был пойман. Хозяин, вернувшись вечером с работы, рассказал о том, как он и сто его спутников, находясь в набеге, в один из ненастных дней вошли в пещеру. Пещера оказалась бараньим (лошадиным) черепом. Череп, вместе с его населением, был затем принесен какой-то собакой на стоянку пастухов. Один из пастухов кончиком палки забросил череп на вершину горы, где от сотрясения погибли все, кроме одного, этого пахаря, оставшегося тоже искалеченным.

Возвратившись домой с значительно ослабленным самомнением, Сасрыква сказал своей матери, что она была права, утверждая, что на свете много людей сильнее, чем он.

Охотясь на горе Ерцаху, Сасрыква убил оленя. Встретил его один из рода ацан* — Хасан и попросил долю дичи. Сасрыква предложил столько, сколько тот сможет поднять. Ацан взвалил на себя всего оленя и, уходя, сказал, что у него есть сестра, которая могла бы быть женой для Сасрыквы. Сасрыква женился на ней, но нарты не приняли ее. Она была беременна, вскрыла себе живот и, выбросив живого ребенка, ушла обратно. Мальчика назвали Нарт Хабжир.

Сасрыква направился к родителям жены, происходившей из рода Адомыжха (ადომუძგუხა). На пути туда вороны, повинуясь воле обиженной жены нарта, предсказали Сасрыкве и всем нартам гибель. Вернувшись домой, он не нашел никого из братьев, погнался за ними и догнал у Куаначхпра, на берегу Кубани, где произошло сражение с врагами, и пали до единого все нарты; в память же них, согласно легенде, и до сих пор будто бы стоит там железный столб.

Другой вариант: на охоте Сасрыква встретился с ацаном, убившим оленя. Карлик взвалил дичь на себя и отправился домой. Следуя за ним, Сасрыква пришел в крепость, дрожавшую до основания от работы на ткацком станке сестры хозяина. Она понравилась Сасрыкве, и он женился на ней. Родившиеся у них вскоре сын и дочь были отданы на воспитание волку и барсуку. Недовольный этим Сосрыква затеял ссору с женой, братья которой, считая Сасрыкву неправым, потребовали от него за обиду сестры права сожительства с его матерью.

По одному из сказаний, сын от этого брака, не получив при разделе имущества требуемого им общего медного котла братьев, стал систематически угонять лошадей из их табуна.

---

* Выше говорилось, что ацаны предшествовали нартам, а согласно данному рассказу, эти легендарные племена сосуществовали вместе. Подобная несогласованность нередко встречается не только в сообщениях разных, но даже и у одного и того же сказителя, которого не смущают обыкновенно такого рода противоречия.

В другом случае сказано, что по заказу матери нартов кузнец сделал из этого котла большое количество колоколов, гремя которыми, Сасрыква, выскочив из засады, так вспугнул лошадь одного своего противника, что тот не удержался и упал на землю, после чего нетрудно было справиться с ним.

Относительно женитьбы Сасрыквы, кроме того, сообщается, что в добывании невесты ему помогали следующие герои, причем каждый из них был сильнее своего предшественника: Нарчхьоу, черный человек Кара (უაუეიქუა ყარა), представитель рода Атхуаз (ათხუაზ), Хвырхвыз Шаруан (ჰვირჰვიზ შარუან) и какой-то всадник Амацхаидза (ამაცხაძე).

Существует легенда, что современные люди получили фрукты от нартов — благодаря Сасрыкве и Цвицву (последний нередко выступает как самый старший из братьев). Эти нарты, с помощью грома и молнии, сумели проникнуть с войском в неприступную крепость великанов. Там росли всевозможные растения, которые были полюбовно поделены между братьями, за исключением единственной виноградной лозы, доставшейся, в конце концов, Сасрыкве. Плоды от нее, по проклятию остальных братьев, получили свойство опьянять и ссорить между собой людей.

Винный кувшин (корыто, давильня) нартов (აჯაძამაკაატ), вмещавший 600 ведер, при разделе, когда стал давать себя чувствовать и у нартов инстинкт частной собственности (უტიც-სტიც ჰაა იანეიხა), явился предметом спора. В этом кувшине, вино которого обладало особой способностью повышать жизненную силу, лежали мелко нарезанные куски змеи. Сасрыква требовал его себе, говоря, что ему нарты обязаны культурой винограда, но те не согласились. Тогда он, рассерженный, выбросил ногой этот кувшин через Нахарский перевал в Абхазию, где повсюду рассыпались виноградные косточки. Только вследствие этого, согласно легенде, здесь, в Абхазии, стал расти виноград.

Во дворе у нартов был вбит в землю огромный столб (აჩეხარფართ а на сучки которого приезжавшие к ним всадники накидывали уздечки своих коней. Лошади терлись о столб, и он, по этой причине, был вырван, в конце концов, из земли. После неоднократных, но безуспешных попыток всех ста нартов, один только Сасрыква смог поднять и вбить столб обратно с такой силой, что он глубоко вошел в землю.

У одной старухи великаны похитили единственную дочь. Получив сообщение об этом, Сасрыква, помчавшись за великанами, под'ехал к мощной крепости с высокими и массивными железными воротами. У ворот две огромные сабли непрестанно качались друг против друга таким образом, что никакое существо не могло проникнуть в крепость. Но Сасрыква во мгновение ока пролетел между ними на своем коне, убил похитителей, освободил пленницу и привез еще много другого добра для матери девушки.

В одном необычайно гиперболическом рассказе Сасрыква выступает в роли пастуха (эпизод о том, как 50 человек не могут вытащить косточки, попавшей к нему в глаз и т. д.).

Сасрыква часто ходил на охоту, обычно с ведома матери. Но однажды он пошел туда без ее согласия. Там он встретился со своими

врагами. Их было сто человек. Он убил всех, за исключением лишь одного, которого оставил в качестве гоневестника, но последний, воспользовавшись доверием, ранил в ногу Сасрыкву, что заставило нарта покончить и с ним.

Сасрыква во время одного из своих походов встретился с осетином (ауафы) и вступил с ним в борьбу. Победив осетина, Сасрыква привязал его отрезанную голову к хвосту своей лошади и приволок ее домой. Сестра нарта нашла такой поступок недостойным героя и, осудив брата, сообщила роду убитого о случившемся с тем, чтобы они могли забрать и надлежащим образом похоронить мертвеца.

Сасрыква пригнал из-за семи гор большое количество лошадей (аҩашҭуа) и роздал их нартам. Последние пожаловались матери: почему Сасрыква один добывает себе славу (ҳәҙбжәҩаҵәаҩа) — без их участия? — Потому, что он и старше,* и сильнее вас! — ответила мать. Затем мать сказала Сасрыкве о недовольстве братьев. Сасрыква спросил братьев — достойны ли они предъявлять такие требования, и предложил каждому перебросить свою лошадь через большой дом и поймать ее на лету, подбежав с другой стороны. Никто не справился с этой задачей, кроме самого Сасрыквы, который поймал все сто коней, перебрасываемых им же через нартский дом. Сасрыква и сам легко перепрыгивал верхом через тот же дом, держа под мышкой еще корову.

Жена Сасрыквы не засыпала, если муж находился на охоте. Однажды она нарушила эту привычку. Сасрыква с большим количеством необыкновенных коней подошел к тому месту на р. Кубань, которое называлось «Мост Сасрыквы». Было темно, и кони не пошли через мост. Жена, узнав во сне о затруднениях мужа, выставила из окна свой палец. Он ярко осветил мост Сасрыквы, и кони пошли по нему свободно. Не успели они дойти до середины, как жена Сасрыквы обратно убрала свой палец, отчего снова стало темно. Напуганные кони, а вслед за ними и Сасрыква, свалились в пропасть и погибли. Туда явилась потом и жена Сасрыквы, дважды бросалась в пучину вод и покончила с собой.

Сасрыква насильно отнял у нартов их единственную сестру. Опечаленные и оскорбленные нарты решили после такого позора покинуть навсегда свой край и пойти туда, где их никто не знает. На пути повстречалась им одна старуха—ведьма (аҳҧҳәҭ) верхом на петухе бога кузни «Шашвы» (Ҵаҵәҳ), стременами ей служили дикие колючки (аҽҷ), а плетью—змея. Она сказала нартам, что Сасрыква погибнет только в том случае, если его правая стальная нога будет переломана.

Узнав это, нарты предложили Сасрыкве разбить коленом правой ноги огромный камень, который будет ими сброшен с высокой горы, после чего он по праву будет владеть их сестрой.

Сасрыква вынужден был принять вызов.

Иные утверждают, что у Сасрыквы левая нога (и рука) была железная, а правая—стальная, а также, что он имел особую (из сосновой

* Это один из очень немногих случаев, когда Сасрыква выступает как старший из нартов. Во всех остальных местах он неизменно фигурирует как самый младший нарт.

ветки) реберную кость в составе своей грудной клетки (ანაშვაფწს; ავაფწს ჭკდა). Умирая, он оставил будто миру свою силу, выдержать которую смогла только сосна.

Когда нарты обрушили на него целую гору (აჭმათ ოშხა), он левой ногой легко разбил ее вдребезги, причем куски камня звездами раскинул по небу. Нарты запротестовали, что Сасрыква не удостоил их своей правой ноги. Тогда ему пришлось подставить ее, и она моментально переломилась, что было для Сасрыквы первым и последним смертельным поражением. *)

В следующем варианте Сасрыква погибает в борьбе с иноземными захватчиками, совершившими нашествие с целью грабежа на его народ.

Сасрыква ехал однажды к своей невесте. Поздно вечером, когда птицы обыкновенно уже не летают, он встретил на пути стаю ворон. Призадумавшись, он продолжал итти дальше.

В доме невесты на него напали щенята, находившиеся еще в утробе матери. Их отгонял от него также утробный еще сын дворовой женщины. Сасрыква вызвал свою невесту, но у нее не оказалось головы на плечах.

Пораженный всем этим, Сасрыква стоял перед невестой, глубоко задумавшись. Тогда невеста сказала ему, что встреченные им вороны— это люди, шедшие грабить его селение, и что сама она без головы потому, что он, Сасрыква, был ее головой, а его не станет этой ночью.

Сасрыква немедленно пустился в обратный путь. В том же овраге, где пролетали зловещие птицы, он встретил многочисленные войска, разорившие его страну и пленившие весь его народ.

Вступив с ними в бой, Сасрыква освободил из плена своих людей, но смертоносная пуля оторвала у него плечо.

На следующее утро прилетел стервятник сип насытиться его кровью.

—Иди, пей, но в августе да будешь лишен всегда воды! — проклял его Сасрыква. Потому этой птице не дано никогда напиться в этот жаркий летний месяц.

Говорят, что из червей, появившихся в ране Сасрыквы, выросли наши пчелы, дающие мед.

— Пусть дважды в году будут брать с меня мед, но пусть будет смертелен мой укус!—сказала будто бы первая пчела. На это Сасрыква возразил так:

— Пусть один раз в году ты будешь давать людям мед; твой укус да будет горячим, как стрела, и да будешь погибать ты сама от укуса своего!

Одни с великой горестью, другие с злорадством, но все птицы, животные и люди стекались к тому месту, где лежал сраженный Сасрыква, и дежурили около него (ლეჩეფშონ). Рекой под ним лилась кровь.

Испить крови прилетел и ворон, и Сасрыква произнес проклятье, чтобы каждое новое поколение в роду ворона старалось выколоть глаза своим родителям, что по народному поверью мы наблюдаем и сейчас.

* Один сказитель утверждал, что переломанная нога Сасрыквы была перевязана и вылечена кузнецами нартов (ინალიფა ეიფურშიტ).

Насытиться нартской кровью пришел и волк, и его, за выраженное им сочувствие (по словам некоторых, волк своим языком даже вылечил рану), Сасрыква толкнул в шею мизинцем, говоря: Пусть в твоей шее будет столько сил, сколько в этом пальце! Поэтому и теперь волк, у которого парализована спина от удара плети Сасрыквы, способен тащить целого барана, взвалив его себе на шею, где сосредоточена вся его сила.

По словам других, это проклятье Сасрыквы волкам гласило: при нападении имейте мою храбрость, а при отступлении—господской рабьи.

Об этом эпизоде рассказывают и несколько иначе. У нартов много было всегда всяких животных, и они знали усвоенный затем и людьми обычай, согласно которому из каждой тысячи голов мелкого скота одну сотню отпускали в лес в дар лесному духу. Волки, заменявшие собак (рассказывают, что каждый нарт, идя в поход, брал с собой не менее 2—3 собак), и вороны, служившие у них в качестве кур, явились к умиравшему нарту (т. е. Сасрыкве) и стали пить кровь и есть его мясо, за что он проклял их: первого—чтобы он был обречен вечно рыскать между людьми со спиною слабее, чем шея (не будь бы этого, говорят абхазы, не осталось бы от волка ни одной скотины), а ворона—чтобы он был всегда в трауре и преследовал бы его всякий скверный запах.

Опечаленные, прилетели к сраженному Сасрыкве голубь и горлица и, жалея его, сели перед ним в луже крови, отчего у них и до сих пор ноги красные.

Навестил его в последний час один незнакомец, с упреком сказавший: Не стыдно ли вам, нарты, так ссориться из-за родной своей сестры?—Потом, желая подбодрить раненого, он открыл свою грудь и показал стрелу, которой он был насквозь пронзен.

— Вот с этой вражеской стрелой в груди,—сказал он,—я встретил и проводил своих гостей, не издав ни звука жалобы, а у тебя что — пустяки, поднимайся!

Но уже не до этого было Сасрыкве. Близкая смерть поджидала его.

Пришедшая на прощание любящая сестра нартов, Гунда Прекрасная, получила от Сасрыквы в подарок его пояс, «чтобы была она такая же сильная, каким был он!».

Встречается и такое образное описание гибели Сасрыквы.

Спасаясь от врагов, смертельно раненный Сасрыква приполз с трудом к реке Кубань и бросился в нее. Поднялся страшный ветер. Могучие волны, ревущие подобно львам, кидали обессиленное тело умирающего страдальца со скалы на скалу, с одного берега на другой. С волнами спорила и кровь Сасрыквы. До сих пор, гласит легенда, на одном из пустынных берегов Кубани стоят угрюмые скалы, истекающие, будто от вчерашнего сражения, алой кровью Нарта Сасрыквы.

Погубив, таким образом, Сасрыкву, нарты, наконец, успокоились и зажили на земле, как они хотели.

По некоторым же другим данным, Сасрыква умер позже остальных нартов своей естественной смертью.

При жизни Сасрыква впервые вообще, необычайно щедро, устраивал по умершим братьям (окаменевшим, как некоторые рассказывают, по проклятью Сатанэй-Гуаши и похороненным все в одном месте) *) многолюдные поминальные пиры, сопровождавшиеся большими состязаниями в скачках и стрельбе, причем победителям он дал в подарок своего коня и шашку. Когда же умер сам Сасрыква, некому стало устраивать поминки по нем, и он вынужден был просить подаяния с протянутой рукой у более счастливых обитателей рая, в том числе и у своих неблагодарных братьев (или, согласно редким сообщениям, у своих сыновей и внуков, также числом по сто), у которых, благодаря ему же, стол был всегда полон всяких яств. И, наконец, один случайно встреченный крестьянин, видя страдания безродного Сасрыквы, обещал устроить по нем поминки, но, характерно, лишь при одном непременном условии, что Сасрыква должен убить в день поминок среди гостей одну прекрасную девушку, которую Сасрыква любил когда-то «как свою душу». Договорившись так, они явились на этот свет. Спутник нарта уговорил своих богатых родственников устроить поминки по Сасрыкве. Последний, обратившись в невидимку, застрелил грустно вздыхавшую, должно быть по нем, красавицу и вместе с товарищем скрылся тут же.

Придя же обратно на тот свет, он встретил свою, убитую им же перед тем, возлюбленную, бросившуюся тотчас же к нему в об'ятия.

Рассказывают еще, что Сасрыква сам ушел от своих братьев. Это произошло так. Однажды нарты возвращались с удачного набега, где снова отличился младший из них. Сасрыква заснул у реки. Братья, решив покончить с ним, подрезали снизу мост. Потом разбудили Сасрыкву и заспорили с ним, сможет ли он проехать верхом по этому мосту. Когда Сасрыква дошел до середины, мост переломился, и Сасрыква с конем полетел вниз и низринулся в пропасть.

В это время кольцо Сасрыквы, оставленное им у матери, сразу стало багрово-красным. Чувствуя недоброе, Сатанэй-Гуаша тотчас же спросила вернувшихся братьев о нем, но они сказали, что не видели Сасрыкву. Между тем Сасрыква, при помощи голубя, выбрался из подземного царства, куда он был сброшен, прогарцовал перед нартами в их дворе, но видя, что не ужиться ему и в дальнейшем с братьями, навсегда покинул их, оставив матери в подарок свой платок. Придя к реке Аалдзга (აალძგა), Сасрыква заметил на той стороне на скале пасущегося оленя. Перепрыгнул он верхом реку. Испуганный олень умчался, а сам Сасрыква поехал дальше своей дорогой. По легенде, на том месте, где был железный мост, на камне до сих пор отчетливо видны следы копыт как оленя, так и коня Сасрыквы.

---

* По одному варианту гибель нартов имела место в абхазском селении Джгерда. Там они вошли однажды в пещеру. Она оказалась черепом какого-то животного, и один пастух, зацепив за ковчик своей палки с железным наконечником, выкинул его вместе с обитателями в зияющую пропасть, где они и погибли все.

ХАЙХУЗ ШАРУАН (ჰაიხუზ შარუან)

По словам некоторых сказителей, нарты также имели над собой правителей из рода не то Тхвазба (თხუაზაა), не то Хайхуз или Хярхуз (ჰაიხუზაა), а эти последние, в свою очередь, были будто бы подчиненными некоего племени Уасахь (უასახ).

Один из рода Хайхуз в продолжение 12 лет тщетно пытался жениться на дочери бога дичи и охоты Ажвейпшаа (აჟვეიფშაა ღთეჳჰა), что удалось только его сыну, Шаруану, и то только с помощью Сасрыквы и черного великана.

Мать нартов была из рода Хайхуз (Мыхмызт, Хылмыз или Атхуаз) (ჰაიხუზ, მეჰამეზთ, ჰაელმეზ, ათხუაზ), который в свое время превосходил силой самих нартов (их называют иногда братьями нартов). Они сошли с лица земли, оставив только одну беременную женщину. У нее родился сын. Из него вышел большой герой. Как-то раз явился он с востока к нартам, причем несся с такой быстротой, что последние решили спрятаться, спасаясь от поднявшегося урагана. Сильный и звонкий звук от удара плетью убедил нартов, когда всадник был очень далек еще от них, что едет к ним непременно кто-нибудь из Хайхузовых. Все нарты несказанно обрадовались появлению Шаруана, единственного их родственника по матери.

— Слава богу, значит еще не совсем вывелся род Хайхузовых! — сказал тронутый до слез отец нартов.

По совету слепого и очень старого отца нартов, Шаруан выбрал из братьев спутником Сасрыкву и отправился с ним в поход добывать жену. Ее образ он видел в доме своего отца, напрасно добивавшегося в свое время руки той же девушки. Она была родом Мыхмызт. Долго ехали по трудному пути, и Сасрыква начинал было уже отставать. Встречают какого-то всадника (тоже сына женщины из рода Мыхмызт) на жалком одноглазом муле. Взяли и его с собой.

У высокой до звезд яблони живет в крепости прекрасная рыжеволосая девушка, питающаяся только мозгами. Один из ее братьев носился вместе с солнцем, другой—с ветром, а третий—в облаках. Сасрыква, проскочив на коне между двигавшимися навстречу сторожевыми саблями, взломал у ворот замок и проложил дорогу к крепости. Спутники явились туда в такой момент, когда луна была на исходе, и тучи покрывали солнце, а братья девушки также отсутствовали вместе с солнцем, луной и ветром. По совету Сасрыквы и по данному им знаку, жених коснулся рукой груди своей избранницы, что было достаточным для того, чтобы она, не знавшая совершенно чужого мужчины, последовала за ним.

По другому варианту, ее выманил сам Шаруан звуками чонгури из жилища, куда она запряталась вместе со своими защитниками, потом схватил ее и увез. В том же сообщении указывается, что Шаруан предложил похищенную невесту Сасрыкве, т. е. сыну женщины из его рода, но тот отказался.

Гроза улеглась, и путники пустились в дорогу. Вернулся брат девушки, который был с ветром, и не застал сестру дома, а стоявшая во дворе яблоня была свалена. Он погнался за похитителями. Услышав шум, Сасрыква обернулся и выстрелом убил догонявшего с ветром

брата невесты. Вскоре стали догонять один за другим и два других брата, их также застрелил Сасрыква. Невеста отказалась ехать дальше, пока, с помощью ее особого платка, не оживят убитых братьев. Сасрыква поехал и оживил их, соблазнив одновременно одну из красивейших девушек, бывших при этом.

На следующий же день она родила сына. В поисках своего отца он приехал к нартам, но Сасрыква не признал его. По другим сказаниям, Сасрыква случайно убивает неожиданно встреченного и неузнанного сына, а о жене Сасрыквы говорится, что у нее дети никогда не выживали.

ГУНДА ПРЕКРАСНАЯ (ᲒᲣᲜᲓᲐ ᲤᲔᲨᲐ)

Свою единственную и любимую сестру, Гунду Прекрасную, приходившуюся по некоторым данным сестрой и богу, нарты не пускали ступать ногой даже по мягкой зеленой траве и видеть своими глазами голубые небеса. Гунда жила, сияя и сверкая ночью и днем, в чудесном зеркальном дворце — крепости (ᲝᲧᲝᲫᲔ ᲑᲐᲨᲗᲐ). Питалась она только нежнейшим костным мозгом чистой высокогорной дичи.

Завистливые и лукавые жены нартов, желая избавиться от нее и пользуясь отсутствием мужей, незаметно положили ей в пищу золотое кольцо. Проглотив его, Гунда лишилась чувств и была брошена в мрачную и глубокую пещеру. Пещера осветилась неземным сиянием; это привлекло внимание охотившегося там юного князя. Он был поражен небесными очертаниями будто спавшей красавицы, избавил ее от смертельной опасности и женился на ней.

Прошло время. У Гунды родился и вырос мальчик. Однажды он с золотым кувшинчиком пошел за водой к роднику. Там встретил оборванного мохнатого мужчину, распознавшего в лице прекрасного юноши родственные черты.

Так, после долгих и мучительных исканий, нарты, наконец, нашли свою пропавшую сестру. С трудом заставили ее сказать причину своего исчезновения. Узнав виновниц преступления, братья жестоко расправились со своими женами, которые, будучи привязаны к хвостам диких лошадей, были разорваны на части.

Некогда жил народ Айрғь (ᲐᲘᲠᲒᲘ), близкий нартам. Рад и Раш были из этого рода. Имя отца этих братьев было Римца (ᲠᲘᲛᲪᲐ), имя сестры—Ханца (ᲮᲐᲜᲪᲐ), а матери—Рарира (ᲠᲐᲠᲘᲠᲐ). Рарира дала людям впервые овец. Рад вместе с пороховым дымом уносился к небесам и воевал с облаками. Сестру Нарта Кнатуны (ᲥᲜᲐᲗᲣᲜᲐ) звали Гундой, его мать Ерцуарой *) (ᲔᲠᲪᲣᲐᲠᲐ), а сам он был пастухом овец.

Айрғь и нарты имели врагов и брали сестер в походы, когда нехватало сил; если же силы было достаточно, женщин оставляли в определенном месте (ᲐᲧᲣᲐᲨᲮᲜᲧᲚᲐᲠᲐ), а сами преследовали дальше противника.

---

* За исключением этого случая (сказитель Т. Пашша, с. Отхара), мать нартов в остальном всюду носит свое общеизвестное имя «Сатанэй-Гуаша» (один раз еще «Гуашахан»).

Их враг Хуаша (ხუაშაა), имевший коня под именем Зар, хотел похитить кого-нибудь из двух женщин — Ханну или Гунду. Однажды во главе войска он явился к ним, когда они были одни. Но еще до его прихода Ханна приготовила палку, унаследованную впоследствии людьми от нее. Армия окружила женщин. Они заявили, что не созданы для плена. Решено было воевать в кольчуге. Ханна своей палкой ударила в голову Хуаша с такой силой, что он был вынужден сдаться, а остальных Гунда разгромила своей пятой.

Так две женщины, сестра айргь — Ханна и сестра нартов—Гунда, победили целое войско.

По другому варианту, Нарт Кятауана был пастухом скота божественных покровителей дичи (აჟეიფშაა). Всякая существующая дичь принадлежала нартам, и Кятауана был ее охранителем. Мать Ажвейпшаа называлась — Рарира (რარირა), ее дочь—Рахайра (რაჰაირა), старший сын—Рейрама (რეირამა), младший—Рейраша (რეირაშა). Однажды, укушенный змеей, Кятауана поплыл на бревне по реке и, взывая о помощи, кричал: «Уа, Рарира, Рахайра, Рейрама, Рейраша!»,—почему и до настоящего времени эти слова входят в состав наших песен.

Кятауану же приписывается изобретение свирели, делаемой абхазами из особого тростникового растения (აჭარაგნ).

Находясь однажды со стадом в горах, он увидел во сне, будто кто-то окликнул его: Чего ты спишь, когда то, что могло бы прославить, уничтожается скотом! Вскочив на ноги, Кятауана заметил, как овцы зубами рвут и гложут тростники, и они, падая на землю и продуваемые ветром, оглашали горы чудесными звуками. Очарованный ими, он отрезал и себе один такой тростник и приготовил из него свирель, играть на которой, по словам сказчика, не пастуху не легко научиться. Не перерезали бы тростник-овцы, каждый мог бы играть на нем необыкновенные песни и даже предсказывать будущее.

У брата (сестры) нартов родился мальчик, который воспитывался вместе с человеческим сыном собаки. Выросши, они стали преданными и неразлучными друзьями. Однажды в походе им пришлось войти в какой-то безлюдный дом. Там стояли накрытые столы. Товарищ бодрствовал, а племянник нартов прилег и заснул. Прилетели ангелы (აშხეცაა - ჩათიჯაა) и предопределили судьбу спавшего молодого человека: чтобы он сгорел, направляясь к возлюбленной, потонул в воде или чтобы дракон его пожрал в первую же брачную ночь. Злые ангелы в конце добавили: пусть в камень превратится тот, кто, слыша это, передаст другому! Сын собаки дважды спас своего друга от гибели. На третий раз также, притаившись в углу домика новобрачных, он убил выползавшего дракона. Вскочив с постели, племянник нартов, не понимая в чем дело, схватил его. Самоотверженному другу пришлось рассказать обо всем и тут же он застыл на месте. Племянник нартов, не находя другого выхода, убил собственного мальчика, сварил его в молоке и вылил все это на голову каменной статуи. Тогда оба мертвеца сразу ожили.

По многим рассказам, Гунда обладала огромной физической силой. Однажды она сшила Сасрыкве чувяки и спрятала их под нартским

домом, приподняв для этого громадное здание целиком.—Я сшила тебе обувь и положила ее под основанием (აუასხერ) нашего дома,—пойди возьми ее и одень!—сказала она ему. Но Сасрыква не смог поднять дом. Тогда пришла Гунда к нему, одной рукой приподняла дом, другой взяла запрятанную под ним обувь и отдала ее своему брату.

По одному сказанию, у нартов была и вторая сестра — Гынды (გჳნდჳ). * В противоположность первой, она не отличалась ничем особенным и была поглощена лишь хозяйственными заботами. Чтобы не обидеть ее, нарты решили увековечить и ее имя, сочинив в честь придурковатой, но неутомимой труженицы шуточную песенку.

С именем Гунды связано название одной горной местности (გუნდა ლჰაყჲა) в верховьях Бзыбского ущелья, недалеко от моста Ахацха (ახაცჰა). Божество пчел носит у абхазов имя Анана-Гунда (ანანა-გუნდა).

НАРЧХЬОУ (ნარჩხჲოუ) И ХВАЖАРПЫС (ხუაჟეარფჲს)

Жил некогда в Абхазии герой Нарчхьоу, ** могучий соперник великанов, именем которого до сих пор называется один из поселков абхазского селения Ткварчал. По предложению матери он решил жениться на Гунде Прекрасной (или ее дочери), сестре нартов, живших на этом берегу р. Кубани, в местности под названием «Белые Бамбуки» (ქალამ შჲკუაკუა), и поехал к ним. Не впуская к себе Нарчхьоу, нарты подпирали изнутри свои ворота. Тогда Нарчхьоу верхом с разбега ударил и сорвал ворота, которые, падая, придавили собою и всех защитников входа. Самому же Нарчхьоу пришлось потом высвобождать их оттуда. А уже дома железная вешалка вошла в землю от тяжести его оружия. Зацепив за свою плеть, Нарчхьоу выкинул далеко со двора котел нартов, в котором варили пищу на всех братьев, и наконец, сев на огромную железную скамью (არგმძ), которую сто нартов с трудом могли приподнять, вогнал ее глубоко в землю и т. п.

Братьям не понравилось предложение Нарчхьоу. Гунда была уже просватана за другого знаменитого мужа по имени Хважарпыс, в этот момент находившегося на охоте в далеких горах.

Видя, что прямой отказ может разгневать нового могучего жениха, нарты решили отравить своего гостя на пиру. Почувствовав это, Нарчхьоу преподнес предложенный ему бокал с ядовитым вином (или змеиным отваром) сперва матери, потом старшему из нартских братьев, говоря: Среди богов — и то есть старшие! Не смея обидеть

---

* В одном селении называли еще двух нартских сестер по имени Марыка и Мария, которые, вооружившись кизиловыми (აბგჳძჳრ) дубинами, держали будто бы какую-то оборону в течение семи лет.

** В одном месте он носит двойное имя: «Клыху Нарчхьоу» (ქლჲხუ ნარჯხჲოუ).

учтивого гостя, мать нартов и их старший брат приняли яд и тут же скончались.

Тогда, выпив вино, пропущенное через свои густые железные (стальные) усы, задержавшие на себе отраву, Нарчхьоу увез девушку.

По другому рассказу, сперва именно Хважарпыс решил жениться на Гунде, но ему отказали, поскольку он не принадлежал к нартскому роду. Сорок девятый по счету брат, Цвицв, пошел к Ерчхьоу (разновидность имени Нарчхьоу) и предложил ему свою сестру. Ерчхьоу приехал на смотрины, но остальные братья заявили ему, что у Гунды уже есть жених. Ерчхьоу стал настаивать. Видя, что дело принимает опасный оборот, Гунда решила не понравиться Ерчхьоу, и с этой целью подсыпала под одну ногу себе в обувь зерна проса и, хромая, предстала перед неотвязчивым женихом, который в это время играл на апхярце.

— Хороша Гунда, если бы не хромала на одну ногу на размер одного проса! — заметил наблюдательный Ерчхьоу. Тогда Гунда вышла, высыпала зерна из обуви и, уже не хромая, обратно вышла к Ерчхьоу, который, рассердившись за то, что его хотели одурачить, схватил ее и увез.

Узнав о случившемся, Хважарпыс (в одном случае Сасрыква) догнал похитителя своей невесты и, крикнув: — Остановись, если ты не носишь на голове платка той, которую везешь! — вступил с ним в борьбу. Бой носил ожесточенный характер. Могучий Ерчхьоу рукой ловил или отстранял от себя стрелы, направленные в него. Тяжело раненый Хважарпыс попросил разрешения сбегать к нартскому кузнецу (აიბარ იგი). Этот кузнец, изготовлявший нартам стрелы, с помощью железного обруча, деревянных клиньев и наложением на рану медной заплаты, сколотил разбитую голову Хважарпыса. Но во время возобновленного поединка, продолжавшегося семь суток, медная заплата на голове Хважарпыса настолько накалилась, что ему стало невозможно продолжать бой, и он оказался, в конце концов, убитым. Говорят, что когда у них кончались стрелы, по очереди один из них отправлялся за ними, мирно делили стрелы поровну между собой и потом, разойдясь по местам, начинали вновь сражение.

Мать Хважарпыса (иногда Сатанэй-Гуаша), услышав до небес доносившиеся вопли умиравшего героя, прокляла Нарчхьоу и сказала, чтобы он, когда дойдет до того места, где сходятся семь дорог, окаменел вместе с конем и похищенной девушкой. Невинные конь и девушка остались живыми, а он, действительно, застыл на месте и стоит, согласно сказанию, как вкопанная в землю каменная статуя, недалеко от Белых Бамбуков (иногда говорится о перевале Хвимуа (ჰოგმჟა), где будто бы застыл он (и она), причем все более погружается вглубь. Когда земля совсем его накроет, должен наступить всемирный потоп (ოქაამეთ). Нарчхьоу уже настолько вошел в землю, что пеший человек с трудом мог бы еще проползти ничком между его ногами.

По некоторым сведениям, застывший каменный образ этого героя, как говорилось выше, стоит в с. Ткварчал. По другим рассказам, Сатанэй-Гуаша (или, как иные утверждают, Гунда) прокляла всех троих вместе, вследствие чего Гунда испарилась в виде пены, Хважарпыс превратился в рододендрон, который некоторые абхазы до сих пор предпочитают употреблять в качестве строительного материала и который по-абхазски и теперь носит это имя (ახუად), а Нарчхьоу — в камень (скалу). Говорят еще, что, уходя из жизни, Гунда избрала себе вечным обиталищем вершину одной горы по ущелью Гумисты (ანანგეოსტა).

Утверждают, что образ нартского пастуха коров (т. е., следовательно, Нарчхьоу) с обмотанными на ногу войлочными портянками (აშაათლაფი) и деревянным дойльным ведром ясно заметен на луне и сейчас в дни полнолуния.

На вершине Нарчхьоу (с. Ткварчал), гласит легенда, стоит крепость. Там жил Нарчхьоу, а жена его жила в крепости с. Сагарцкия (ბაღარჯეოს). Между ними для связи была проведена проволока. Обедали они одновременно, давая знать друг другу через эту проволоку. Однажды она пообедала, не сообщая об этом мужу. Рассерженный Нарчхьоу бросил в нее со своей высоты камень, который, не достигнув крепости, врезался в землю недалеко от нее, где, по легенде, стоит и поныне.

Много женихов домогалось руки сестры нартов, Гунды Прекрасной. Она хотела выйти только за того, кто повалит ее в единоборстве. А кого она сама поборет, тому отрезала голову. 99 голов женихов, потерпевших таким образом от нее поражение, уже торчало на кольях мощного забора акала (აყალა), которым был опоясан нартский дом.

Пришел, наконец, Хважарпыс и победил ее. Когда упала Гунда, мать ее очень обрадовалась, что дочь ее в конце концов нашла себе достойного жениха. Она наделила Гунду большим приданым, и молодые отправились домой.

На дороге напал на них какой-то черный человек с одним недостающим зубом во рту, на черном и таком могучем коне, что он несся, по колено входя в землю. Он похитил Гунду.

Хважарпыс погнался за похитителем. После долгих мытарств, он сел передохнуть у источника. Тула за водой пришла женщина, оказавшаяся служанкой искомого черного человека. Через нее Хважарпыс передал Гунде свое кольцо. Гунда сразу узнала его и пришла к Хважарпысу. По совету последнего, она выведала у своего похитителя секрет нахождения его запрятанной души.

Руководствуясь полученными сведениями в поисках души своего соперника, Хважарпыс отправился в далекое ущелье, убил там дикого кабана с колокольчиком на шее, из живота его вынул красивую шкатулочку, а в ней сидела пестрая птичка. Когда Хважарпыс убил птичку, тотчас же умер и похититель Гунды. Затем Хважарпыс пришел к своей невесте и, забрав ее, вернулся к себе домой.

УАХСИТ, СЫН НАРТА СИТА (ნართ სით იფა უახსით)

У одного из нартов, Сита, был знаменитый сын Уахсит (Хсаут). У нартов был табун лошадей из ста кобыл с их жеребятами. Каждый год по очереди один из братьев пас табун в долине Кубани. Когда очередь обошла всех, выступил молодой Уахсит и попросил нартов доверить и ему, в свою очередь, пасти табун. Не сразу нарты пошли на это, но, наконец, они удовлетворили желание юноши, с одним, однако, непременным условием — не переходить на ту сторону реки, как бы соблазнительны не были там пастбища, принадлежащие опаснейшему из великанов.

Уахсит с уздечкой вышел к табуну и крикнул:

— Если есть конь, достойный Уахсита, сына Нарта Сита, выходи ко мне!

И тотчас же подскакал к нему со ржанием молодой жеребец. Оседланный, молодой жеребец вдруг превратился в настоящего «араша».

— «Поглядите, нарты, на мою игру с конем! — обратился Уахсит и перебросил свою лошадь одной рукой несколько раз через огромный железный дом нартов, сам же, подбежав с другой стороны, ловил ее на лету.

После этого он сел верхом и выехал с табуном. Придя в Кубань, в нарушение своего обещания, он погнал лошадей прямо во владения великана. Табун пошел пастись, а сам Уахсит лег под деревом и заснул.

Не привыкший видеть у себя чужеземцев, грозный великан вступил с ним в борьбу, говоря: «Как ты смел, несчастный абхаз, приходить сюда со стадом?». В результате трех суток непрерывной борьбы Уахсит поборол, наконец, никем ранее непобежденного великана. Тогда, отдавая дань герою, великан усыновил Уахсита, для чего он открыл свою грудь, чтобы нарт приложился к ней губами.

Жил Уахсит у своего приемного отца в золотой комнате, обращенной на восток. Он заметил однажды где-то далеко сверкание молнии. Нехотя великану пришлось рассказать, что там, далеко на востоке, живут семь братьев — Ажвейпшаа (божества охоты). У них есть сверкающая, как молния, дивной красоты сестра, — предмет желаний всех выдающихся мужей. Но все, кто явится к великанам, каким-то образом каменеют, о чем свидетельствуют многочисленные застывшие вокруг дворца великанов образы мужчин. Это происходит благодаря злому Калауру (ყალაურ), сыну Шаурдына, который и сам семь лет добивался руки прекрасной девы, а на восьмой был пойман и подвешен на цепи между небом и землей у входа в крепость над воротами.

Когда женихи подходят к этому замку, Калаур сперва всячески славит их и подбодряет, когда же войдут внутрь, — поносит нестерпимыми словами, чтобы вызвать какую-нибудь ответную ругань, что влечет за собой их неминуемую смерть.

Уахсит настоял на своем и поехал туда. По совету отца, не обращая внимания на Калаура, проходит ворота и является прямо к великанше. Она, не видевшая никогда обыкновенного человека, вступает с ним в ожесточенную схватку, из которой Уахсит выходит победителем.

Обрадовавшись, она говорит, что возможно на этот раз ее братья найдут, наконец, достойного себе зятя, и предлагает ему еще два испытания — поднять, как и она, кончиком пальца гигантский медный котел, наполненный молоком, и выиграть поединок с семью ее братьями, встретив их при возвращении с охоты.

Преодолев с честью все эти преграды, Уахсит, наконец, пускается в обратный путь, забрав с собой жену, много других людей и драгоценностей на золотых телегах.

При прохождении через ворота его опять оскорбляет Калаур. На этот раз не вытерпел Уахсит, вступил с ним в борьбу, победил и забрал с собой.

В середине пути невесте захотелось пить. Уахсит сходил за водой. В это время снизошли на землю черные тучи, под покровом которых вдруг исчезли все люди Уахсита.

Далеко на горизонте, где сливается небо с землей, Уахсит заметил единственный проход. Едет туда и проникает в какое-то богатое царство. В этом царстве все люди пели песни по случаю женитьбы их владыки, которым оказался не кто иной, как сам Калаур. Хитроумным способом Уахсит проникает к невесте. Она, в ожидании своего жениха, на 15 суток отказалась допустить к себе коварного похитителя и одновременно выведала тайну о том, где была спрятана его душа.

В поисках души Калаура, Уахсит отправляется за семь гор. Там, на широкой поляне, сидит, охраняемый тремя представителями от всех живых существ, гигантский бык. С вершины высокой горы Уахсит спрыгивает и попадает на спину быка, распарывает ему живот, откуда выскакивает серна, ловит и вскрывает и ей живот, оттуда—заяц, а из живота последнего вылетели пойманные им три ласточки, две из которых оказываются глазами, а третья искомой душой его соперника. Завладев ими, Уахсит спешно возвращается обратно, жестоко расправляется со своим злым врагом и едет к отцу, домой, где жениху-победителю, в присутствии всех нартов, устраивают горячий прием.

СЫН ЖАКИ И НАРТЫ (ჟვაკას იფეი ნართაები)

Недалеко от нартов жил человек по имени Жакя (ჟვაკა). У него не рождались дети.

— Усыновил бы ты кого-нибудь, — советовали ему, но он отвечал, что нет в его краях никого, его достойного, и добавил:

— Есть в Абхазии один человек моего имени, пойду туда, посмотрю, есть ли у него кто-нибудь подходящий.

Приехал Жакя в Абхазию, и, входя во двор, взмахнул плетью, отчего раздался сильный звук. Хозяин тотчас же догадался, что так владеть плетью может только Жакя Северный, и радостно встретил гостя.

Для почетного гостя устроили обильное угощение.

— До того, как приступим к еде, хочу сообщить, зачем явился я сюда, — сказал гость. — У меня нет детей, отдай мне одного из твоих сыновей, если считаешь меня достойным себя.

— Если ты приехал так далеко из-за одного мальчика, то разве я откажу тебе, выбирай кого хочешь! — ответил хозяин.

— Нет, тот, кого нужно везти с собой, взвалив на лошадь позади себя, не годится мне в сыновья, — возразил гость. — Пусть, кто может, сам пробьет дорогу ко мне. Но все же младший твой сын, кажется, будет лучшим из всех других.

Вскоре после этого два старших брата один за другим пытались, но не сумели добраться до дома Жаки, жившего далеко за горами.

Отправился, наконец, к своему приемному отцу младший брат. После долгой езды, он прибыл к пастухам, пасшим овец и коз Жаки. На следующий вечер он добрался до другой стоянки, где пасли коров Жаки, в третий день до табунщиков того же хозяина. Там ему сказали, что если он не въедет верхом во двор Жаки, разбив вдребезги ворота, то последний не примет его.

На следующий день молодой человек на своем горячем коне как ураган ворвался во двор к Жаке. Старик сидел на большой скамье под тенистым деревом. Жена его посадила юношу на колени и дала ему прикоснуться губами к своей груди. Затем устроили в честь усыновления большой пир.

Прошло некоторое время. Каждое утро юноша видел из-за горы какое-то сверканье, подобное молнии. Мать об'яснила ему, что это сияние исходит от пальца сестры нартов. У них, — добавила она, — привязана собака, которую отпускают каждый раз при появлении женихов. Она разрывает их на части, а потом головы несчастных жертв насаживают на колья большого забора вокруг их двора. Число таких жертв достигло уже 99 и хотят довести его до 100, не выдавая своей сестры никому, кто не способен преодолеть воздвигаемые препятствия.

Вскоре приемный сын Жаки явился к нартам, мощным ударом опрокинул ворота и убил страшную собаку, выпущенную при виде его тотчас же на свободу.

— Разве не родившийся сыном Жаки и лишь об'явившийся им должен составить счастье моей дочери! — воскликнула мать нартов. Но, не взирая на это, юноша обручился с прекрасной девой и уехал обратно.

По возвращении с охоты, узнав о случившемся, нарты, не признавая сына Жаки, выдали свою сестру за какого-то важного человека Сын Жаки догнал свиту этого новоявленного жениха, отвоевал у них свою невесту и привел ее обратно к матери.

— Идите, нарты, вот ваша сестра, — отдавайте ее кому хотите, теперь уже моя честь остается незапятнанной! — воскликнул он и умчался к себе домой.

ХАБЖИН, СЫН ХНОУ (ხნოუ იშა ხაბჟი)

Хабжин был младшим из трех братьев. Старшие не признавали его. Отец Хноу перед смертью просил, чтобы первые три ночи стерегли его могилу.

В это время какой-то князь выдавал замуж трех своих дочерей, причем перед женихами было поставлено условие — сбить выстрелами с большой высоты кольца девушек. Никто не мог этого сделать.

Однажды ночью Хабжин, дежуря у могилы отца, убил всадника, пытавшегося совершить нападение. Он переоделся в одежду убитого,

прибыл туда, где происходили состязания женихов, сбил кольцо и завладел невестой. В следующую ночь явился другой всадник и тоже стал угрожать отцу в могиле. Хабжин убил и его, нарядился в его одежду и поехал к князю. Там сбил он опять кольцо и взял вторую, а затем, в следующий день, в таком же порядке и третью княжескую дочь.

Еще до этого одна из сестер Хабжина была взята белой тучей, а другая — черной. Погнался за ними Хабжин. В трудном пути пал его конь. Наконец, прибыл он в какое-то селение. Зайдя в один из домов, он увидел там спящую старуху, у которой безобразно большие груди были перекинуты через плечи. Он незаметно подкрался к ней и, желая усыновиться, прикусил зубами грудь этой женщины. Эта старуха оказалась матерью великанов, в образе туч похитивших сестер Хабжина. От одного из них он получил в подарок саблю, а от другого — лучшего коня, по имени Уашвамат (უაშვამათ).

На обратном пути Хабжин увидел необыкновенной красоты какую-то лошадь, пасшуюся на красивом и широком зеленом лугу,—это была Гунда Прекрасная. Он погнался; не догнав ее, последовал за нею и приехал к ней домой. Оттуда он на своем Уашвамате похитил и увез Гунду.

Хабжин прибыл по пути в одно селение, подвластное великанам. Эти великаны в качестве дани ежегодно брали из населения трех юношей и трех девиц из числа лучших. Хабжин попал сюда как раз в такой момент и, к великой радости всего народа, убил великанов.

У великанов была сестра. Она попросила не убивать ее, пока не предаст земле своих братьев. Хабжин согласился. Похоронив братьев и вооружившись, она в срок пришла к Хабжину, сказала, что хочет быть его сестрой, и сложила оружие. То же сделал и Хабжин. Великанша собрала свой народ и об'явила, что все владения братьев отныне принадлежат Хабжину. Потом она устроила большое угощение, станцовала на пиру, преподнесла свою шашку и ружье Хабжину, а сама тут же покончила с собой.

После этого Хабжин с Гундой приехали домой. Еще до от'езда он поженил своих братьев на добытых им стрельбою княжеских дочерях. Одну из них он оставил себе в качестве жены, но в его отсутствие братья заставили ее босиком пасти коров.

ЦВИЦВ (ცვიცვ)

Сасрыква во главе нартов неоднократно пытался взять крепость Баталакла (ბათალაყლა), но это ему никак не удавалось. Двинулся он туда однажды еще раз попытать счастье.

В это время младший из нартов, Цвицв, воспитывался на стороне. Он имел жалкий вид и сидел у очага своего воспитателя, копаясь в золе.

Узнав о неудачах нартов, он, преобразившись, сел на Хныш (ხნჯ),—так назывался конь его воспитателя,—и догнал своих братьев.

— Пригожусь поддерживать вам стремя,—сказал он скромно и отправился с ними в поход.

Придя на место, нарты зарядили Цвицвом пушку, обвили и укрепили вокруг его головы шашку острием наружу и выстрелили в крепость. Цвицв упал в большую глубокую яму, которая была вырыта посреди крепости. Защитники забросали его камнями и бревнами, но шашка на голове все обратила в прах. Затем Цвицв вылез из ямы и разгромил оборонявшихся.

Только после этого вошел туда Сасрыква со своим войском и забрал себе много ценностей.

На обратном пути Цвицв расстался с нартами на том самом месте, где он с ними впервые встретился.

Мать Сасрыквы, по данному ею обету, в честь одержанной ее сыном победы устроила пир и открыла 1000-ведерный винный кувшин. Пришел на празднество и Цвицв.

— Если я правду скажу, пусть закипит этот кувшин, — начал он повествование о своих подвигах.—Не я ли догнал вас, нарты, когда вы шли на Баталакла; не сидел ли я на Хныше; осмелится ли кто-либо из вас вывести из помещения этого коня нашего отца; кто, кроме меня, сможет хотя бы открыть двери к нему; не со мною ли была сабля нашего отца, которую все вы вместе и приподнять не сможете; кроме того, когда Сасрыква в смертельной опасности застрял над пропастью на страшной скале Ахмат, не я ли спас его вместе с белым конем Алоу, которого, взяв за уши, поднял я и вывел вместе со всадником на дорогу в то время, как хозяин его, Сасрыква, сидевший на нем, не успел даже сообразить, что их несет—айргъ или молния. Если я говорю правду,—сказал он и не успел повернуться, как вино в кувшине забурлило и закипело без огня.*)

Самолюбивый Сасрыква, рассердившись, ударом ноги выбросил этот кувшин, который пролетел над семью горами и упал, наконец, в Абхазии, где вследствие этого появилось так много сортов винограда.

Среди героев абхазского нартского эпоса встречаются еще такие имена: Тетрач или Татраш (თათრაშ); сын Ампара (ამფარ)** или сын сестры Сатанэй-Гуаши Браныш (ბრანუშ), у которого умирали дети, как только взглянет он на них; Патраз (ფატრაზ); — выдающийся нарт, отличившийся, например, в боях за крепость Гумбыв (გუმბვ) проникнув туда при помощи особого метательного орудия (არცყაგა), обычно он имел жалкий вид, но обладал способностью превращаться; некоторые утверждают, что именно у Патраза в конце его повествований о своих подвигах закипал котел воды без огня; Куадаш-ипха (კუადაშ-ფჰა) — оригинальный образ небесной девушки; Куаначхир (კუანაჩხირ) — непримиримый враг Хважарпыса; Хныш (ხნუშ) — по словам многих, старейший из нартских братьев или даже их отец; Мыса (მსა); Хмыш (ხმუშ; ხნუშ); Нарт Гутсякьа (ნართ გუთსაყა); другой пастух нартских коров Хабж (ხაბუ); сын Патара (ფატარა იფა) — едва ли не единственный нартский слуга; Базрыква (ბაზრყუა); представители рода Алхуз (ალხაზ), выступающие иног-

* Говорят, что при разделе нартов их общий котел стал предметом спора, но он в конце концов достался Цвицву, т. к. было решено отдать котел тому, кто вскипятит его, наполнив водой, одним действием слова.

** «Ампар» имеет теперь распространение в Абхазии в качестве фамильного имени.

да как покровители самих нартов; тхайхуз Зосхан (თჰაიხუზ ზოსჰან), совершивший из-за нартов кровную месть; персонаж по имени «получерный — полуседой» (ბეჟეიქუა-ბეჟაწვლა); Нашбатаква (ხაშბათაყუა), выполняющий в некоторых сюжетах роль Нарчхьоу; Нарт Башныху; Нарт Кун и многие другие, на которых мы здесь не станем больше останавливаться.

III

Приведенным выше материалом далеко не исчерпывается содержание абхазских сказаний о нартах. Краткий и сухой переводный пересказ не может, конечно, дать полной картины о богатстве и разнообразии этих сюжетов в оригинале. Но и приведенного достаточно, чтобы иметь некоторое представление об оригинальных чертах и степени распространения нартского эпоса у абхазов.

Кроме того, наши материалы способствуют уточнению географических пределов продвижения на юго-восток разбираемых сказаний. Но при этом картографировании мы не можем еще сказать, что на побережье Черного моря ткварчельская башня Нарчхьоу является самой восточной пограничной точкой их бытования.

Некоторые топонимические названия (упомянутая выше река Арион, т. е., очевидно, Рионн, а также мегрельское наименование местности—Санартия) дают основание думать, что не только в Сванетии и Раче, но и в остальных частях Западной Грузии может быть найдено еще больше нартских следов.

В нартских сказаниях большое место занимают мотивы борьбы с иноземными захватчиками, непрерывно происходящих межродовых и межплеменных столкновений, самоутверждения этнических образований древнего времени. В них сравнительно очень редки вообще упоминания о современных нам или даже исторически засвидетельствованных народах древности.

Часто говорится, правда, что нарты были абхазами (ნართაა აფსაცეან), но это, очевидно, является позднейшим осмыслением, соответствующим характеру мышления и мировосприятия самих сказителей. Из других народов в абхазских рассказах довольно часто упоминаются адыгео-кабардинцы (ეჯეგაია, ყაბარდაა) и редко осетины (აუაფსჭუა). Это обстоятельство, а именно—редкие упоминания наименований современных нам народов лишний раз свидетельствует о глубокой древности нартского эпоса.

В своих «международных» отношениях нарты непрерывно сталкивались с различными племенами и родами, состав которых далеко не исчерпывается следующими наименованиями: тхуазы (თხუაზაა), хайхузовы (ჰაიხუზაა), арадыз (რადგზაა), хвылмызы (ჰაგლმგზაა), адоумыжха (ადოუმგეხა), елдызовы (ელდგზაა), гягуовы (გააგუაა) и другие.

Говоря о хозяйственной и материальной культуре нартов, во-первых, нужно отметить, что они обитают, согласно многим сказаниям, где-то в районе р. Кубань, согласно остальным сказаниям—в районах

рек Бзыбь, Кодори и других, указанных выше частях Абхазии. Они не имеют строго отграниченного, постоянного и насиженного поселения. Напротив, часто подчеркивается, что их призванием и как бы профессией были походы и набеги (ааабаатцы ирҳдаа ҭрыҵаарагь), что им нельзя было остановиться на одном месте (аанбгылара рҳәуеиҳәҭ). Но это не значит, что они вели совсем бродячий образ жизни. Как бы далеко не уходили нарты во время походов, они всегда возвращаются обратно домой, к своей матери, притягательную силу к которой они чувствуют на любом расстоянии.

Само собой разумеется, что в эпосе, живущем в продолжение тысячелетий, могло найти и действительно нашло отражение различных хозяйственных укладов и мировоззрений, но, несмотря на это, в нем можно и должно установить некоторые основные, более или менее постоянные элементы материальной и духовной культуры. Не тому следует удивляться, что здесь несомненно заметны следы позднейших социально-экономических трансформаций, а сравнительно минимальному количеству этих следов, тому, что эпос донес до нас, иногда без существенных изменений, немало древних порядков человеческого общежития. Очевидно, что этому сильно благоприятствовали конкретные естественно-исторические условия Кавказа, в горных ущельях которого находили безмятежный приют надолго консервируемые формы старины.

Если не считать пастушества, редко можно увидеть нартов за работой (это не относится к их матери). Набеги для отбития скота или даже просто в порядке самоцели, в которых эти могучие герои могут проявлять свою храбрость и удальство, словом военное искусство и походы, — вот что составляет главную сюжетную линию нартского эпоса.

Главным хозяйственным занятием нартов является охота и скотоводство, причем нелегко сказать, на много-ли у них первая по своему значению уступает второму.

Нарты охотились преимущественно на оленей (аҳҭа, аабнаҷе), серн (ашаабзыта) и зубров (абдуцвеи).

Основным оружием охоты, равно как и войны, были лук и стрела (ахҵаҷе ахҳәеи), а также меч (аҳьа). На охоту нарты выходили в сопровождении множества собак, которые служили им как бы глазами (абхазское название собаки „ала“ лишь ударением отличается от наименования глаза „ала“).

Нарты находились в интимно-родственных отношениях с покровителями лесов и дичи (аҭеиҭцааа), игравшими огромную роль в их жизни. Идти на охоту, по-абхазски „ашаарҷара“, означает, повидимому, «идти к покровителям дичи (лесов)» *), ибо успех на охоте, по народному верованию, всецело зависел от этих властителей, без ведома которых не может упасть ни один волос на теле животного.

Центральный герой сказаний, Сасрыква, нередко именуется «апчарах» (апҵарах), т. е. главным, верховным охотником.

У нартов, являвшихся, таким образом, отличными охотниками, всегда так много водилось мяса, что своих женщин, как мы видели, они кормили только нежными костными мозгами отборнейшей дичи.

---

* ашаарах-ашаарах означает господин или владыка дичи (лесов) (ср. аҳаарах, апҵарах)

Скотоводство было едва ли не единственным организованным постоянным хозяйственным занятием нартов. Оно—основа их существования.

Чуть ли не в каждом рассказе упоминаются домашние животные, некоторые из которых, согласно народным преданиям, унаследованы людьми именно от нартов.

Рассказы могут представить нам если не детальную, то ясную общую картину языков нартского скотоводства, о котором говорится как о чем-то понятном и обыденном.

Нарты в большом количестве разводили овец (ауаԥа), коров (аԥо), содержали многочисленные табуны лошадей (аҳәуаԥҳәадә). У них были пастухи отдельно для каждого из этих видов животных, причем, характерно, телят пасли иногда женщины, но вообще у нартов только мужчины занимаются скотоводством. Им нередко приходилось отвоевывать чужие или отстаивать свои пастбища и скот от нападений врагов.

Но, пожалуй, самым достопримечательным является приписываемый нартам и сохранявшийся у абхазов до недавнего времени обычай, согласно которому из каждой тысячи вновь выращенных голов мелкого рогатого скота одну сотню отпускали в лес (ҵкәа ааԥхьа,ҵкәа аԥна алархуон) в порядке умилостивления покровителей леса (аԥна аусу—в лесу находящихся). Это, несомненно, глубоко архаический порядок, свидетельствующий о первоначальных стадиях развития скотоводства, не потерявшего еще близкой связи с лесом и его духами.

Земледелие, согласно сказаниям, было развито у нартов несравненно слабее. Правда, женщины у них обрабатывают лен и коноплю (аҿунҳа аԥсҭаа), а прядение и ткачество является специфическим их занятием. Упоминается только один раз хлебный злак, а именно просо (аҳуҽ), хотя, как ни странно, сведения об обработке земли под посев (пахота) встречаются не так уж редко.

Гораздо больше данных о различных плодовых растениях, например, о яблоне и, особенно, винограде. Мы видим, как нарты при своем разделе горячо оспаривали друг у друга знаменитый, их общий винный кувшин (аԥаԥаԥакәат).

Что касается жилищ, то нередко нарты живут в пещерах (аԥҳәҿ), особенно во время своих беспрерывных походов. Ничего не говорится о каких-либо плетеных сооружениях, но зато очень часто о «большом нартском доме» (ҩартаа рҽҵҵәдә). По словам многих, это был каменный или железный дом с железной (золотой) большой балкой посредине (аҳәԥәлҵ), на которой подвешивали они громадный общесемейный медный котел (ҩартаа рҿиаԥ дә) «на сто человек».

Характерной и непременной принадлежностью нартского семейства является очень длинная большая скамья (арҵӡ), «на которой могли сидеть одновременно сто человек».

Из ремесел чрезвычайно важное значение имеет у нартов кузнечное мастерство. У них есть непогрешимого авторитета вещий «нартский кузнец» (аинаар иԥа, иногда аинаарлаҳа иԥа) великий мастер

своего признанного дела. Его главная и, так сказать, узкая специальность — изготовление для нартов стрел для лука. Но его возможности и полномочия гораздо шире.

Он может, например, починять разбитую на войне голову бойца. Он—единственный, кто мог помочь Сатанэй-Гуаше своими золотыми щипцами и молотом выдолбить из камня зародыш Сасрыквы. Он закалил последнего в огне своей кузни. Его сталью питается конь «араш»—неразлучный соратник непобедимого Сасрыквы и т. д. и т. п.

У него нет личного имени, это не конкретный кузнец, а кузнец вообще, «нартский», он занимается только кузнечным ремеслом и ничем другим. Все это доказывает культ кузни и металла у нартов, а профессия кузнеца у них выходит далеко за пределы одного только узко-утилитарного значения.

«Бог-кузнец и его роль в эпических сказаниях о Нартах весьма близки у осетин, абхазов и адыгейцев, хотя имена у них различные: у осетин Kurdalagon, у абхазов Seso (также Aynar-zi «Кузнец Айнар»), у адыгейцев Тлепш. Все три кузнеца занимаются закалкой героев, а также починкой разбитых в бою черепов путем наложения медных пластинок».*)

В своей работе «Кавказоведение и абхазский язык», говоря о легенде об Амирани и Абрскиле, докатившейся до Греции, где она превратилась в сказание о Прометее, Н. Я. Марр пишет, что «это солнце-герой, изобретатель огня священного или, по греческой версии, его похититель с неба, точно связан своей судьбой с кузнею, в частности с абхазским культом кузни». Н. Я. Марр указывает далее, что в качестве двойника этих знаменитых богоборцев выступает герой-ковач, в абхазских народных сказаниях отделившийся и лучше сохранившийся, что эти абхазские материалы о двойниках Амирани, о культе кузни и металлургии и связанной с ними магии с кудесниками жрецами «уводят ученого в незапамятную седую древность». **)

Не распространяясь относительно столь глубоко чтившегося абхазами культа кузни, мы приведем две магические формулы наговора или заклинания некоторых болезней, в которых фигурирует интересующий нас нартский кузнец. Так, в случае заражения крови вследствие ранения и пр., женщина-кудесница произносила над больным следующее заклинание с троекратным дуновением в конце:

ინარ იქი აიხა ჟირა დგწოუპ,	Кузнец Инара находится (кует) в железной кузне,
აიხატი ხგც იქგუპ,	Держит железный лук,
აიხატი ხგმპალ აჭოუპ,	С железной стрелой,
იარა დახან იხჯირშოიტ,	Он тянет—натягивает,
სარა სასნგ იხსგრდოიტ,	Я же ударом расслабляю,
ხუშალა იჭგზბააუეიტ,	Маслом закаляю,
შაქარ ფსგფლა სათიბააუეიტ! ***)	Сахарным дыханием дую!

* В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, стр. 319.

** Акад. Н. Я. Марр, Кавказоведение и абхазский язык, Сб. «О языке и истории абхазов», М. — Л., 1938, стр. 144 — 145.

*** Записано в сел. Лыхны в 1935 году.

В другом случае этот кузнец выступает, наоборот, как исцелитель:

ეიხა-ფშ҃ა თიჰაა სუთიჰოიტ,	Дую на тебя железным ветром,
ეიხა-ფშ҃ა უჭ҃ასთიჰაუეიტ!	Вдуваю в тебя железный ветер!
აინარ ჟი იყნგ სცან,	Пошел к кузнецу Айнар,
აიხატა ხგც ისგრჩაფეიტ,	Выковал железный лук,
აინაო ხუმპალ ისგრყაწეიტ!	И сделал стрелу айнар!
შაშიგ რგყნგ სცან, შაშიგ რხგ ააზგჳეიტ,	Пошел к шашвам и принес их (шашвов) пулю (стрелу).
მსგრ ძგლა ისგძრგეიტ	Закалил ее мсырской (египетской) водой.
შაქარ ფსგთიჰაა სუთიჰაუეიტ!*)	Дую на тебя сахарным дуновением и т. д.

В нартском братстве мы имеем родовые отношения в расцвете силы. Коллективный характер производства и потребления; едва-едва намечающееся проявление инстинкта частной собственности, и то только в конце, во время раздела братьев (უტიგ-სტიგ ჰაა იაბეიხა —«Когда стали расходиться, говоря: это—мое, а это—твое»); один общий, большой и длинный («до полкилометра») дом с его неизменными атрибутами—огромным общесемейным котлом для варки пищи и скамьей, на которой садились все домочадцы во время общих трапез; всенартский винный кувшин и общее кладбище; почти полное отсутствие каких бы то ни было указаний на сословные различия, торговлю и даже просто на натуральный обмен, на общественную власть, отделенную от народа; кроме того, главное, общность происхождения от единой родоначальницы,—все это — не достаточная ли характеристика типичного родового строя, причем именно материнского.

Не будет преувеличением сказать, что в цикле Сатанэй-Гуаши абхазские нартские сказания донесли не просто пережитки, а наиболее яркую картину живого матриархального общества сквозь призму мифологического восприятия жизни.

Первостепенная хозяйственная и общественная роль этой мудрой чародейки, ее независимое, свободное поведение приводят в изумление исследователей, справедливо усматривающих в этой монументальной фигуре едва ли не единственное в своем роде явление во всем мировом фольклоре. О ней проф. В. И. Абаев пишет так: «Можно мыслить нартов без любого из героев, даже главнейших, но нельзя их мыслить без Сатаны» (стр. 36).

Абхазские материалы прибавляют к этому образу дополнительно некоторые существенные черты.

В то время, как, например, у осетин Сатанэй рождается от союза небожителя Уастырджи с Дзерассой, дочерью водного владыки Донбетра, в абхазских сказаниях она не рождается ни от кого и ни от чего, и нет никаких указаний на ее смерть. Следовательно, она — бессмертна и воплощает собой вечное жизненное начало.

---

*) Записал Б. В. Шинкуба в с. Чилоу у сказительницы Марины Адлейба (1948 г.).

Но и это еще не все. Абхазская Сатанэй-Гуаша, впрочем, как и кабардинская, не имеет мужа, мы не знаем ровно ничего не только о его деятельности, но даже его имени, так как эпос хранит о нем почти что полнейшее молчание. И вообще здесь мы не видим ни одной достаточно определенной и устойчивой супружеской пары. Эту наиболее архаическую черту абхазский эпос хранит в неприкосновенности.

«При всех формах групповой семьи неизвестно,—пишет Энгельс,—кто отец ребенка, но известно, кто его мать. Если она и называет всех детей общей семьи своими и по отношению к ним несет материнские обязанности, то все же знает своих родных детей среди остальных».*)

В осетинских сказаниях, напротив, Сатана является верной женой своего достойного и не менее положительного мужа, рассудительного Урузмага, ее же брата по матери, первым браком бывшего женатым на Эльде, а их отношения рисуются как образец идеальной супружеской жизни.

Абхазская Сатанэй-Гуаша, как и кабардинская Иштарь-Сатанэй,—один из древнейших художественных образов великой матери природы и ее производительных сил. Роль пламенной и активной любовницы, которую она выполняет, также является пережитком культа божества плодородия.

Сатанэй-Гуаша выступает как воплощение единства добра и зла: чуткая и умная воспитательница и руководительница, вдохновительница побед своего «нерождённого» сына, замечательная экономка и в то же время предвестница зла и смерти, безжалостная губительница.

Абхазские рассказы о нартах предоставляют большую роль дяде по матери. Так, часто мы видим, как такой-то герой называется сыном сестры таких-то, причем обычно даже и не упоминается имя отца (например, ელდზაა რაბიშაფა, т. е. «Елдызовых сестры сын»).

Можно было бы привести достаточно примеров очень близкого отношения и взаимопомощи между дядей и племянником по сестре.

Если исходить из абхазских материалов, то в древних, т. е. основных нартских мифах мы должны признать матриархат без всяких оговорок.

Нам кажется, что эти материалы не позволяют утверждать, что нартское общество есть в основном типичное патриархальное общество.

В. И. Абаев неоднократно и очень сильно подчеркивает «образы матриархата» в этом эпосе. Но, очевидно, осетинские материалы позволяют ему говорить, что «патриархальная идеология и практика решительно преобладают во всем эпосе» («Нарт. эпос», стр. 45).

Мысль о приоритете матриархата получила бы решающее подтверждение, если бы удалось генетически связать термин «нарт» с именем Сатанэй, что дало бы нам первую и самую характерную черту матриархата — происхождение родового имени по имени матери. Принимая во внимание содержание абхазских сказаний, матриархальных в своей существенной части, не исключена возможность, что специальные лингвистические изыскания подтвердят такую догадку.

Все это не значит, однако, что нартское братство было всегда занято только борьбой с внешними врагами, что изнутри оно неизменно

* Энгельс. Происхождение семьи... 1938 г., стр. 39.

характеризуется царством мира и согласия, что в нем не успели обозначиться определенные трения и разногласия. Заостряя внимание на донесенной до нас нашим, создававшимся в течение веков, эпосом стойкости начал родового строя, на котором зиждется нартский мир, мы должны в то же время сказать, что невозможно, разумеется, полностью отрицать наличия в нартской среде в той или иной степени и форме внутренних противоречий. Неоднократные раздоры по вопросу о разделе имущества и вообще начинающий чувствоваться инстинкт частной собственности (вспомним споры нартов из-за котла, кувшина, винограда и пр.), различение «великанских» владений земель от нартских, имеющий столь важное значение мотив неравенства Сасрыквы с другими братьями, кровавые столкновения из-за сестры и т. д. — все это свидетельствует о том, что некоторые, очевидно, более поздние слои разбираемых сказаний отражают собой уже начало разложения первобытно-общинного строя, являющегося тем не менее основой и единственной питательной средой нартского общества как такового.

Не приходится, очевидно, отрицать определенной связи между термином «нарт» и древними космическими представлениями создателей нартского эпоса. Но кажется, что эту связь можно было бы выявить и на основании местного, кавказского материала, не прибегая для этого к влияниям и заимствованиям из монгольского.

Если алано-монгольских сношений раньше XIII—XIV в.в. не существовало (единственное утверждение французского востоковеда Пеллио, отодвигающего возможность монголо-аланских сношений к IV—V в.в. н. э., по мнению В. И. Абаева, слишком еще спорно и не может быть принято в расчет), то могли ли оказать решающее влияние монголы, появившиеся здесь лишь к концу развития нартского эпоса?

Кроме того, осетины, по мнению большинства ученых, не были единственными потомками алан, которые, как и предшествовавшие и близкие к ним во многих отношениях этнические комплексы—сарматы и скифы, представляли собой целый конгломерат различных племен Северного Кавказа, об'единенных под общим собирательным названием «алан».*)

Не совсем понятно для нас утверждение В. И. Абаева и о том, что термин нарт не только по корню своему монгольского происхождения (стр. 28), но что он появился вообще в последний, нисходящий период существования эпоса.

Ссылка на то, что общее появляется в конце, а не в начале развития, в данном случае, нам кажется, недостаточно убедительной. Неужели наши сказания со времен седой древности и вплоть до XIV в. существовали без всякого обобщающего наименования и только в конце усвоили этот термин без изменения легко и скоро на всем Кавказе. Довод о разрозненности циклов, конечно, слишком весок и основателен, но все-таки думается, что с самого начала среди них должен был существовать один именно как нартский цикл, об'единивший или вобравший в себя впоследствии все остальные.

---

* См. резенцию Б. Горданова: В. Абаев, Нарт. эпос, «Сов. этн.», 1947, № 2, стр. 242—248.

В. И. Абаев правильно считает, что изучая нартов, нужно руководствоваться устойчивыми и не преходящими элементами и что нужно от них отправляться. Такими элементами являются собственные нартские имена.

Можно думать, что таким же, если не более, устойчивым элементом является в первую очередь само слово «нарт».

Утверждая, что термин «нарт» означает «потомки Нара» и образован от монгольского «нара»—«солнце» с осетинским фамильным показателем თ, В. И. Абаев находит, однако, нужным сделать такого рода оговорку: «Надо полагать, что и до встречи с монголами герои аланского эпоса считались «детьми солнца» и монгольское влияние способствовало лишь замене*) соответствующего старого наименования новым, образованным от монгольского нара «солнце», и распространению его на всех эпических героев» (стр. 92).

Надо полагать, что привлечение данных абхазского языка, вероятно, дало бы свои неплохие результаты. Не проводившаяся до сих пор исследовательская работа языковедов в этом направлении обещает быть плодотворной. Даже для не специалиста появляется большой соблазн усмотреть в слове «нарт» абхазский элемент «ан»—мать, в суффиксе «თ» — нечто аналогичное тому, что содержится в слове «ათაბაეთა», т. е. семья, а რ—показатель множественности (ср. ანცაართა место, где пребывают боги).

Следовательно, «Нарт» можно было бы перевести как «семья матери» или «семья матерей».

Исследованиями Г. Ф. Турчанинова установлено несомненное наличие в старо-кабардинском языке слова «нар», «мар» в значении сперва «женщина», позже «человек». **)

С другой стороны, «Ан значило первично также небо», — говорит Н. Я. Марр. Таким образом, мы имеем перед собой чрезвычайно интересное переплетение понятий мать (ან), небо (აცაან) и родового имени легендарного племени нартов (ნართ), которое нуждается еще в тщательном изучении.

Одним из центральных вопросов в изучении абхазских сказаний о нартах является вопрос о причине непримиримой вражды между Сасрыква и остальными нартами, в результате чего гибнет этот «незаконный» сын женщины. Нарты его презрительно называют «аншпа» (ანშფა) за то, что не было известно, кто был его отец.

Это интересное слово в настоящее время существует в абхазском языке и независимо от нартского эпоса и означает: незаконное дитя, плод тайной любви с неизвестным отцом или не признаваемый отцом. Рассказывают, что таких побочных сыновей было много у владетеля, и их именовали этим названием (ან ანაშფა). Этот же термин применяется и к миру животных: им обозначают плод скрещения местной породы с лучшей породой.

В этом составном слове первая часть (ან) означает, бесспорно, мать, а окончание (ფა) —сын. Сомнение вызывает третья часть

---

*Достаточно ли обосновано, насколько такая «замена» была необходима?

**Кабардинский фольклор. М. — Л., 1936 г., стр. 5.

(შთ), придающая значение этому слову. Возможно, что элемент этот здесь означает создание (ср., напр., ამთანა — прекрасное или, наоборот, жалкое творение, а также выражение დშთოუბ, т. е. счастливое, прекрасное создание (о человеке). В таком случае слово «аншпа» можно перевести приблизительно так: «сын матери, наделенной (созданной) особыми дарами». Но более вероятно предполагать, что элемент შთ выражает понятие деления (ამთარა—делить, ср. также ითთტეუეტ – случка, где შთ придает слову значение деления), тогда интересующее нас слово может быть передано так: «сын делимой матери».*)

В имени Сасрыква «ква» (ко) является адыгейским суффиксом происхождения и означает «сын». Что означает Саср (Соср, Сосл) — пока неясно.

Из всех сказаний абхазов о нартах цикл Сасрыквы является самым видным и наиболее распространенным. Иногда этот любимейший абхазами герой олицетворяет собой всех нартов.**)

«Любимым героем абхазских вариантов является Сасрыква, и это сближает их с адыгейскими вариантами. Но в некоторых сказаниях главным героем выступает Патраз (ос. Батраз), и эти варианты смыкаются непосредственно с осетинскими».***)

Нет надобности подробно останавливаться на мотиве и обстоятельствах необычайного рождения из камня этого самого знаменитого из абхазских нартских героев.

Из данного выше описания видно, что некоторые моменты его рождения — обстоятельства встречи Сатанэй-Гуаши с Нарчхьоу, их переговоры через реку, космические явления в момент зачатия, появление кузнеца и др.,—содержат в значительной степени оригинальные черты.

Как отмечают специалисты, в образе Сасрыквы мы имеем яркое отображение солнечного мифа. Вся его биография, начиная от рождения и кончая смертью, отмечена бесспорными чертами солнечного божества. Но своеобразный способ добывания сперва пылающей звезды, сбитой с неба, потом и огня, необычайная близость также и к грозовым явлениям и т. д., придают абхазскому Сасрыкве и с этой стороны немало специфичности.

Немало и других характерных эпизодов, связанных с подвигами этого нарта. Но больше всего оригинального в причине и обстоятельствах гибели Сасрыквы. В то время, как у осетин он гибнет от колеса по наущению оскорбленной в своих любовных чувствах дочери Бальсага, по абхазским материалам основной причиной смерти Сасрыквы является непримиримая, проходящая красной нитью через весь эпос вражда его со всеми остальными нартами, вражда, продолжающаяся даже и там, в царстве мертвых.

Одним из поводов к этой вражде послужил великий спор между братьями во время их раздела по поводу того, кому должна принадлежать их единственная сестра, светозарная и изящная (ср. с кабар-

---

* В Абхазии и сейчас существует фамилия Аншба (აბშბა).

** По словам Л. И. Лаврова, в Адыгее одна семья считала себя в родстве с Нарт Сасрыква, и все вставали при одном упоминании его имени.

*** В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, стр. 320.

динской Адиюх) Гунда Прекрасная, несколько пассивная и холодная, как луна, олицетворением чего она, повидимому, и является. *)

Как в факте непризнавания Сасрыквы, так и в факте битвы из-за сестры нужно видеть, очевидно, какое-то отражение борьбы уходящих форм группового брака с вновь возникающими брачно-семейными отношениями.

Сплошь да рядом говорят, что нарты, жившие на земле по сверхестественному определению (ღოუჰალა იშჳან), происходят от молнии (ნართაა ფეხშჳან). **) Это в первую очередь относится к Сасрыкве.

Вечно в движении, Сасрыква никогда не сидел на одном месте (აანგელარა იქუმეზტ), сверкал подобно солнцу, питался ветром (или сталью) и вообще находился в особо близких, интимных отношениях с небесами, по просторам которых он совершал свои странствия также свободно, как и по земле (აეთჳან დალან).

В некоторых древних абхазских фамилиях ясно проглядывает астральный характер происхождения имени эпонима. Как доказал акад. Н. Я. Марр, фамилия весьма древнего дворянского рода Маргания (абх. Маан) буквально значит «сын звезды». Эта фамилия не одна астрального происхождения среди абхазов, — пишет Н. Я. Марр, и далее он приводит в пример другую абхазскую княжескую фамилию Ачба (древняя форма Анчаба). Основа этой древней формы сохранила слово «ан—бог», которое в «абхазском обыкновенно как plurale tantum «бог» собственно боги. Одновременно княжеская фамилия Анчаба, ныне Ачба, могла бы означать «сын бога неба». ***).

В образе Сасрыквы мы наблюдаем также и тотемические черты. Мы видели, с какой симпатией он относился к беспрерывно стекавшимся к нему животным в день его смерти.

Особенно близкими и теплыми были его отношения к волку (აბგა, აქუჯმა), который, по указанию Н. Я. Марра, носил первоначально общее с собакой название. До сих пор некоторые абхазские фамильные названия носят на себе определенные следы тотемического происхождения (напр., ბგანბა, т. е. Волков).

Что касается волка, то он в фольклоре очень часто выступает как родоначальник рода или племени. Так, у мегрелов эпонимный герой зовется Гериа, где «гери»—значит «волк», а суффикс а является мегрельским фамильным оформлением. Фамилия Гериа имеет значительное распространение в Абхазии.

В. В. Бардавелидзе в своей работе «Опыт социологического изучения хевсурских верований» пишет, что хевсуры на горе Ахнели показывают могилу своего предка Мгела, т. е. Волка: «У этой могилы, называемой барука, ежегодно справляется трапеза в честь этого предка, куда поднимаются жители всего Архотского ущелья». ****)

---

* Сравни с именем Гунда фамильные названия абхазских родов: Гун-ба (გუნბა). Гун-иа (გუნია).

** И теперь герой по-абхазски называется «афырхаца» (აფჷრხაწა), что означает «сын молнии», «герой (мужчина) над молниями».

*** Н. Я. Марр. Из лингв. поездки в Абхазию. Сб. «О яз. и истории абхазов», М. — Л., 1938 г., стр. 64 — 65.

**** Цит. у В. И. Абаева в его «Нартовском эпосе», стр. 32.

Из числа остальных героев необходимо бы вкратце остановиться на Хважарпысе и особенно Нарчхьоу, имена которых не встречаются в нартском эпосе других народов.

Нарчхьоу, безусловно, является одним из самых выдающихся эпических героев в абхазских нартских сказаниях. Своеобразие здесь состоит в некоторой двойственности его характера. Он выступает, с одной стороны, как простоватый нартский пастух (ნარ-ჩხეოუ и означает, позидимому: «пастух нартов»), являющийся излюбленной мишенью для юмористических нападок. Но, с другой стороны, он предстает перед нами во всем блеске своей богатырской мощи, как избранник Сатанэй-Гуаши и «незаконный» отец Сасрыквы, как достойный жених и похититель прекрасной Гунды, во время сватовства которой проявил против всех нартов столько силы, мужества и выдержки. Не знающее пределов его благородство проявляется во многих его поступках, в частности и особенно в роковом поединке со своим постоянным соперником Хважарпысом.

Народная традиция упорно и неизменно связывает с именем Нарчхьоу происхождение целого ряда географических наименований в Абхазии, среди которых ткварчельская башня является наиболее замечательной.

Захватывающие своим драматизмом трагические эпизоды жизни и деятельности этих богатырей принадлежат к лучшим страницам абхазских нартских сказаний.

В бесспорно абхазском имени Хважарпыс, буквально означающем «Рододендровый Молодец» (ხუაჟი—არფჳს), совершенно отчетливо звучит тотемический мотив. По сей день можно встретить старых абхазов, с почтением относящихся к рододендрону, нередко предпочитая употреблять его для строительства жилищ и кукурузных амбаров. *)

У абхазов существовало верование относительно «счастливой палочки» (ანასჳ წიჳ). Эту палочку, делаемую непременно из рододендрона, помещали перед варкой внутри конусообразной хлебной лепешки, и тот, кому выпадает эта рододендровая палочка (ახუაჟი-წიჳ), считался счастливым на целый год и должен был устроить угощение. И в некоторых других подобных ритуальных церемониях этому растению придается священное значение (ხუაჟი-ნჳაა т. е. рододендровое моление; этим именем называли прежде и один из месяцев).

Мировоззрение нартов еще не знакомо с представлением об едином боге (აწჳაა). Он нигде не упоминается.

Нартский, целиком еще языческий мир верований не сведен в единый пантеон.

На небе еще те же люди, что на земле, и наоборот. Все, выходящее из рамок обыденного, именуется словом «адоуха» (ადოუხა), служившим общим и неясным определением всего сверхестественного, превышающего силы человеческие.

В отличие от осетинских, абхазские нартские сказания не содержат никаких намеков на христианство, и это несмотря на значительно

---

* Характерно, что у кабардинцев кукуруза называется «нартыф», т. е. «нартская пища».

более ранее появление здесь этой религии (в первых веках н. э.) по сравнению с Осетией, куда она проникла, между прочим, через посредство Абхазии значительно позже.

Если не отсутствие, то, во всяком случае, необычайно слабое отражение мы имеем у абхазских нартов классического мотива патриархально-родового быта, мотива кровной мести, впоследствии получившего, как хорошо известно, столь глубокое развитие у абхазов. Этот же мотив является в осетинских сказаниях одним из центральных эпизодов Батразовского цикла, в котором выдающийся нарт полон жажды жестокой мести именно за кровь своего отца.

Заканчивая эти заметки, укажем, что нартские сказания имеют сейчас у абхазов преимущественно прозаическую форму, но иногда их исполняют также и в песнях, играя на «ачхярче», причем существует специальная нартская мелодия. Приведем хотя бы один пример, подстрочный перевод «Песни Сатанэй-Гуаши»:

Когда утром встала Сатанэй-Гуаша,
Акуном принесенные круги шерсти, Сатанэй-Гуаша,
Обвела вокруг своей левой руки, Сатанэй-Гуаша,
Пятою своею толкнув, Сатанэй-Гуаша,
Громадный бук с корнем вырвала, Сатанэй-Гуаша,
Подняла, повертела и скоро в прялку превратила,
Сатанэй-Гуаша.
Ноги кончиком толкнула, Сатанэй-Гуаша,
И скалу большую вырвала, Сатанэй-Гуаша,
Ногтем ее вдавила, Сатанэй-Гуаша,
В самое сердце просверлила, Сатанэй-Гуаша,
И пряслом ее сделала, Сатанэй-Гуаша.
Взмахнула ими и прясть начала, Сатанэй-Гуаша,
С гулким шумом ступая, Сатанэй-Гуаша,
Пошла—понеслась, по долине Бзыби, Сатанэй-Гуаша.
При возвращении пред вечером, Сатанэй-Гуаша,
Из тысячи кругов шерсти, Сатанэй-Гуаша,
Нитки разобранные двух видов, Сатанэй-Гуаша,
Пряденная в отдельности каждая, Сатанэй-Гуаша,
Внесла во двор, домой, Сатанэй-Гуаша.
В следующий день чуть рассвет, Сатанэй-Гуаша,
На станок их накинула, Сатанэй-Гуаша,
И начав ткать с великой силой, Сатанэй-Гуаша,
Мощным движением ударяла, Сатанэй-Гуаша,
Заставляя землю дрожать и небо, Сатанэй-Гуаша,
За работу села, за станок, Сатанэй-Гуаша.
Пока солнце не зашло, Сатанэй-Гуаша,
Всю материю соткала, Сатанэй-Гуаша,
Вынесла из-за станка, Сатанэй-Гуаша,
Сложила, в порядок уложила, Сатанэй-Гуаша.
В третий день чуть рассвет, Сатанэй-Гуаша,
Взяла свои ножницы, Сатанэй-Гуаша,
Одежды ста своих сыновей, Сатанэй-Гуаша,
Кроить—шить начала, Сатанэй-Гуаша.

Пока солнце стояло на высоте дерева, Сатанэй-Гуаша,
Одежду сыновей своих, Сатанэй-Гуаша,
Сшив и вытюжив положила, Сатанэй-Гуаша.
Когда солнце заходило в воду, Сатанэй-Гуаша,
Сыновья один за другим, Сатанэй-Гуаша,
Из доблестного похода возвратившись, Сатанэй-Гуаша,
Овеянные громкой славой, Сатанэй-Гуаша,
С богатой добычей в'ехали, Сатанэй-Гуаша.
Обводя руку вокруг их голов, встретила Сатанэй-Гуаша,
Став впереди, ввела их домой, Сатанэй-Гуаша,
Одного за другим поставила, Сатанэй-Гуаша,
Примерку одежды им устроила, Сатанэй-Гуаша.
Могли ли они не подойти, Сатанэй-Гуаша,
Пусть и сшиты, не примеренные, Сатанэй-Гуаша,
Платья из шерсти добротные, Сатанэй-Гуаша.
Когда одела всех и каждого, Сатанэй-Гуаша,
Дружно, вместе, потрясая небо, Сатанэй-Гуаша,
Сыновья с матерью загуляли, заплясали, Сатанэй-Гуаша. *)

Исполнители сопровождают эту песню плясками, повторяя последний куплет и ударяя в ладони.

На этом закончим пока свой предварительный, беглый разбор абхазского нартского эпоса.

Нартский эпос—творение многих и многих веков. Мифология—не только арсенал, но и почва его. Он—плод детства человеческого общества, выражение его наивности. Поэтому, помимо своего большого научного и историко-культурного значения, он обладает поражающей нас и до сих пор прелестью, как монументальный памятник народного творчества, сохраненный и пронесенный через столетия.

---

* Со слов Езугу Лазба (г. Гудаута) эта песня записана в 1949 году (см.фольклорный фонд архива АбНИИ).

შალვა ინალ-იფა

აფხაზური თქმულებები ნართებზე

რეზუმე

ძველ ეპიკურ თქმულებებს ნართების შესახებ, რომლებიც ფართოდ იყო გავრცელებული კავკასიის ხალხებში (ოსებში, ყაბარდოელებსა და ჩერქეზებში), დასავლეთ საქართველოში, კერძოდ აფხაზურ ფოლკლორში, უჭირავთ უაღრესად მნიშვნელოვანი ადგილი. მათი კვალი შენიშნულია აგრეთვე სვანეთსა და რაჭაში. ზოგი ტოპონიმიკური სახელწოდება (მდინარე „არიონი“, ე. ი. ალბათ, „რიონი“ და ადგილის მეგრული სახელწოდება „სანართია“) საფუძველს გვაძლევს ვიფიქროთ, რომ სათანადო კვლევა-ძიების შედეგად არა მარტო სვანეთსა და რაჭაში, არამედ დასავლეთ საქართველოს დანარჩენ ნაწილებშიც შესაძლებელია მოიძებნოს ნართული ეპოსის კიდევ მრავალი ნაკვალევი.

აფხაზების წარმოდგენაში თავდაპირველად დედამიწაზე ცხოვრობდა უძველესი „აწან“-თა გვარი. ეს გულადი ქოხდრისკაცები, რომლებმაც ღმერთიც კი არ იცოდნენ, ცხოვრობდნენ მთებში უდარდელად და ჰყავდათ ირმის ჯოგები. ბოლოს, წამოვიდა ბამბის თოელი და ცეცხლში დაიწვნენ აწანები, რომელთაგან ზოგან დარჩა მხოლოდ „აწანთა გალავნებისა ან ციხე-სიმაგრეების“ ნანგრევები (აწანგუარა). ისინი შესცვალეს ნართებმა — თანამედროვე ადამიანების წინამორბედებმა. ნართული მოთხრობები, რომლებიც ყოველი აფხაზისათვის ცნობილია, არსებობენ მრავალ ვარიანტად. ერცელი ეპიკური თხრობანი პროზაულ ფორმაში, ცალკეულ გალექსილ თქმულებათა სიმღერით შესრულება „აფხიარცის“ აკომპანიმენტის ქვეშ (ორსიმიანი აფხაზური მუსიკალური ინსტრუმენტი), ნართებთან დაკავშირებულ კულტურულ-ისტორიული სახის მოვლენათა მთელი რიგი (ადამიანთა საკუთარი სახელები, ანდაზები, ტოპონიმიკა და სხვ.) — ყოველივე ეს მოწმობს ნართული ეპოსის ღრმა ფესვების არსებობას აფხაზურ ფოლკლორში.

აფხაზურ ნართულ მოთხრობებში მოქმედ პირთა შორის ყურადღებას იქცევენ ისეთი ორიგინალური ეპიკური გმირები, როგორიც არიან: ნარჩხოუ, ხვაჟარფისი, წვიწვი, ხაიხუზი, შარუანი, ნართ სითის შვილი უახსითი, ჟაკის შვილი და სხვა. ამათ გარდა მრავლად გვხვდებიან სხვა ორიგინალური პერსონაჟებიც (ხაბჟინი და მისი ვაჟი ხნოუ, თეთრაჩი ანუ თათრაჩი, ამფარი, ბრანიფი, ფათრაზი, ზეციური ქალწულის კუადაშ-ფჭას ფრიად საინტერესო სახე, კვანაჩხირი, ხნიში, მისა, ხმიში, ნართ-გუთსაკია, ხაბჟინ, ფათარა თავისი ვაჟითურთ, ბაზრიყვა, ბაშნიხუ, ნაშბატაყვა, კუნი და სხვა მრავალი).

მაგრამ მთელი ნართული კოლექტივიდან თავისი მნიშვნელობითა და პოპულარობით განსაკუთრებით გამოირჩევა რამდენიმე ცენტრალური სახე. მათ შორის პირველი ადგილი უჭირავს ყველა ნართის უქმრო დედას, გულ-

თამხილავ და ყოველისშემძლე სათანეი-გუაშას, — ერთ-ერთ ყველაზე მონუმენტურ ფიგურას მთელ მსოფლიო ფოლკლორში, რომლის გარეშეც შეუძლებელია ნართებზე ფიქრიც კი. ასახიერებს რა ბუნების საწარმოო ძალებს, ის ცხოვრობს ისე დამოუკიდებლად და თავისუფლად, როგორც ეს შეეფერება ჩვენს მეცნიერულ წარმოდგენას მატრიარქალური საზოგადოების იდეალური სურათის შესახებ. იგი არავის მიერ არ შობილი და უკვდავი დედა ხალხისა, გამოხატავს მის უკვდავებას, იგი ხალხის ცხოვრებაში თამაშობს პირველხარისხოვან სამეურნეო და საზოგადოებრივ როლს.

ქალის მეორე სახეა მშვენიერი გუხდა, ნართების ერთადერთი ნათელმოსილი და საუკეთესო ვაჟკაცთა სურვილების ობიექტი, სილამაზით გაბრწყინვებული, მაგრამ პასიური და ცივი, როგორც მთვარე, რომლის გამომხატველიც უნდა იყოს, ალბათ, ის.

ყველაზე ცნობილი გმირი სასრიყვა, რომელიც ხშირად ყველა ნართებს ასახიერებს, დაიბადა ქვისაგან და გაიხარდა არაჩვეულებრივად. ის, როგორც სათანეი-გუაშის „უკანონო“ შვილი („ანაშფა“, უმეტესი ვარიანტებით ნართების მწყემსის ნარჩხოუსაგან) არ იცნეს ნართებმა. სამაგიეროდ სათანეი-გუაშამ, რომელსაც განსაკუთრებით უყვარდა უმცროსი ვაჟი, წინააღმდეგ დანარჩენი ნართებისა, იმდენად დააჯილდოვა სასრიყვა მამაცობით, ძალღონითა და ჭკუით, რომ ის თავისი ლეგენდარული ფრთოსანი ცხენით „არაშით“ სახელს გაითქვამს მრავალი საგმირო საქმით, რასაც ვერ მიაღწიეს სხვა ნართებმა ყველამ ერთად (მაგალითად, ის ციდან ჩამოაგდებს ალმოდებულ ვარსკვლავს, გამოსტაცებს ცეცხლს საშინელ გოლიათს და ამით გადაარჩენს ნართებს მოსალოდნელი დაღუპვისაგან და ა. შ.).

სასრიყვა, რომლის სახე მზიური მითის ანარეკლია, უშუალოდ არის დაკავშირებული ჰექა-ქეხილის მოვლენებთან; საერთოდ, ხშირად ითქმის, რომ ნართები ელვის შვილები არიან. სასრიყვა ამყოვანებს, განსაკუთრებით სიკვდილის წინ, ახლო ინტიმურ დამოკიდებულებას ცხოველთა სამყაროსთანაც. მაგრამ მას აქვს თავისი „აქილესის ქუსლი“ — მარჯვენა ფეხის ფოლადის მუხლი. გაიგეს რა ამის შესახებ ნართებმა, რომელთა შეუღებელი მტრული დამოკიდებულება სასრიყვას მიმართ ხაზგასმით ჩანს მთელ აფხაზურ ეპოსში, დაღუპეს იგი.

ფრიად დიდი მნიშვნელობა აქვს აგრეთვე „ნართების მჭედლის“ აინარიფის სახეს, რომელიც აწრთობდა გმირებს, რომელსაც შეეძლო ბრძოლაში გატეხილი თავის ქალის შეკეთება სპილენძის ფირფიტით და სხვა. ეს გმირი-მჭედელი, ნ. ი. მარის აზრით, გვევლინება ცეცხლის ცნობილი გამომგონებლების თუ მომტაცებლების ამირანისა და აბრსკილის ღრეჟულად. ამით გმირი-მჭედელს სამჭედლოსა და მეტალურგიის აფხაზურ კულტთან ერთად მიჰყავს მეცნიერი უძველეს ხანაში.

აფხაზურ ნართულ ეპოსში, რომელშიც ძალზე სუსტად ჩანს გვიანდროინდელი სოციალურ-ეკონომიური ტრანსფორმაციების კვალი, ჩვენ საქმე გვაქვს საგვარეულო ურთიერთობის აყვავების ხანასთან. წარმოებისა და მოხმარების კოლექტიური ხასიათი: კერძო საკუთრების ინსტინქტის ოდნავი გამოვლინება, ერთი საერთო დიდი და გრძელი სახლი მისი უცვლელი ატრიბუტებით — უხარმაზარი ქვაბითა და გრძელი სკამით, რომელზედაც ისხდა ოჯახის ყველა წევრი, ნართების საერთო ღვინის ღოქი და საერთო სასაფლაო, ყველას წარმოშობა ერთი წინაპრისაგან; არ არის მითითება წოდებრივ განსხვავებაზე, ეაჭრობასა და უბრალო ნატურალურ გაცვლა-გამოცვლაზეც კი: არ არის მითითება აგრეთვე ხალხისაგან გამოყოფილ საზოგადოებრივ ხელისუფლებაზე — ყოველივე ეს ახასიათებს ტიპიურ საგვარეულო წყობილებას, სახელდობრ მატრიარქატს.

მაგრამ ყოველივე ეს იმას როდი ნიშნავს, რომ ნართები ყოველთვის ებრძოდნენ გარეშე მტრებს, ხოლო მათ შორის მუდამ მყუდროება და მშვიდობა მეფობდა, რომ მათ შორის ადგილი არ ჰქონდა გახეთქილებებსა და შეტაკებებს. ხაზგასმით აღვნიშნავთ რა ჩვენამდე მოსულ ეპოსში საგვარეულო წყობილების სიმტკიცეს, რომელზედაც დაფუძნებულია ნართების მშვიდობა, ჩვენ აქვე უნდა ვთქვათ, რომ შეუძლებელია ნართებში შინაგან წინააღმდეგობათა სრული უარყოფა. ხშირი უთანხმოებანი ქონების გაყოფის საკითხის ირგვლივ და კერძო საკუთრების ინსტინქტის აღძოცენება (გავიხსენოთ ნართების ჩხუბი ქვაბისათვის, დოქისათვის და სხვა). გოლიათების მიწების განსხვავება ნართების მიწებისაგან, სასრიყვას და მისი ძმების უთანასწორობის მოტივის დიდი მნიშვნელობა, შეტაკებები დის გამო და სხვ. ყოველივე ეს მოწმობს იმას, რომ ზემოაღნიშნულ თქმულებათა ზოგი, გვიანდროინდელი ფენა ასახავს უკვე პირველყოფილი თემური წყობილების დაშლის დასაწყისს.

ნართების თქმულებებში მნიშვნელოვანი ადგილი უჭირავს უცხო დამპყრობლებთან ბრძოლას და განუწყვეტელ შეტაკებებს გვარებსა და ტომებს შორის.

თანახმად მრავალი თქმულებისა, ნართები ცხოვრობენ სადღაც მდინარე ყუბანის რაიონში, დახარჩენი თქმულებებით კი — მდინარე ბზიფის და მდინარე კოდორის რაიონებში და აფხაზეთის სხვა ნაწილებში.

დღემდე განუხილველ აფხაზურ ნართულ მასალებს შეუძლიათ ნათელი მოჰფინონ ფრიად საინტერესო ნართული ეპოსის გამოუკვლეველ მხარეებს. კერძოდ, ამ მასალათა გაბოკველვა აფხაზური ენის მონაცემებთან ერთად, ალბათ, საათანადო შედეგს მოგვცემდა თვით ტერმინი „ნართის“ გამოსარკვევად.

Г. А. ДЗИДЗАРИЯ
Кандидат исторических наук

СОЛОМОН ЗВАНБА

(Биографическо-библиографический очерк)

Соломон Теймуркович[1] Званба [2] родился в 1809 году [3] в селе Дранда (современ. Гулрипшского района, Абхазской АССР), в семье мелкого дворянина. [4] В 1826 году вместе с младшим братом владетеля Абхазии князя Михаила Шарвашидзе, определенным в пажеский корпус, уехал в Петербург, [5] где 24 апреля 1828 года поступил в дворянский полк «для изучения порядка военной службы». [6]

С этого момента начинается служба С. Званба в армии, где он находился до конца своей жизни. Благодаря этому, мы имеем в своем распоряжении официальные сведения о его жизни и деятельности, хотя односторонние и очень скудные, но тем не менее почти единственные. В дворянском полку в Петербурге С. Званба был до 11 марта 1832 года; с этого времени состоял в 91 егерском полку; с 5 ноября того же года—в Мегрельском егерском полку; [7] с 6 марта 1839 года и до конца жизни — в Черноморской береговой линии, разновременно командуя Черноморскими линейными батальонами №№ 10, 8 и 12. [8]

Первый офицерский чин прапорщика С. Званба получил 10 февраля 1832 года; умер же подполковником, имея четыре ордена за военные заслуги. [9] Имя С. Званба вошло в историю Кавказской армии, как имя офицера, проявившего себя героически во время Крымской войны, что было признано тогдашним главнокомандующим Кавказской армией генералом Муравьевым и руководителем военных операций в Западной Грузии генералом Багратион-Мухранским.

---

[1] В официальной справочной литературе первой половины XIX в. С. Званба фигурирует иногда под отчествами Титовича и Николаевича, но чаще — Теймурковича; так значится и в личном его формулярном списке.

[2] Сам С. Званба писал — Званбай. Его именуют также — Званба, Званбая, Званбаев, Зомбай, Цомбай, Цумбай. Наиболее правильная транскрипция — Званба (ზ ვ ა ნ ბ ა). Покойный акад. И. А. Джавахишвили употреблял именно эту форму (см. „ქართველი ერის ისტორია", თბილისი, 1913 წ., ტ. I, გვ. 127, 128, 133, 139).

[3] Формулярный список о службе и достоинстве Черноморского линейного № 10 батальона штабс-капитана Званбай, январь 3 дня 1841 г. Центральный госуд. военно-истор. архив в Москве (в дальнейшем ЦГВИА), ф. 395, III отд., I стол, оп. 455, св. 1100, ч. II, д. 546, л. л. 71—78.

[4] Дед С. Званба Ламкац (Ломкадз) Званба происходил от звандрипшских дворян Званба (сел. Звандрипш находится в современ. Гудаутском районе).

Более подробному изучению биографии С. Званба, а также его роли в изучении этнографии абхазов нами будет посвящена специальная работа.

[5] А. Пахомов. Записка об истории Абхазии и рода кн. Шервашидзе, ч. II (60г.г. XIX в.). Центр. гос. ист. архив (в дальнейшем ЦГИА) в Москве, ф. 1110, оп. 1, д. 15.

[6] Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, Тбилиси (в дальнейшем Акты), т. XI, ч. I, стр. VI.

[7] Формулярный список С. Званба.

[8] Надо заметить, что с 1850 по 6 июня 1852 г. официальные справочники не дают сведений о военной службе С. Званба.

[9] «Список подполковникам по старшинству», СПБ, 1852 г., стр. 131.

«Храбрый подполковник Званбай», — отозвались о Званба тот и другой.[1] Однако С. Званба, как офицер царской армии, порой играл печальную роль, участвуя в военных действиях и карательных экспедициях, организовываемых николаевским правительством против населения края.

Вместе с тем, Соломон Званба «приобрел довольно большое значение у русского начальства и в Абхазии»,[2] где, одновременно, с 1833 года он состоял при абхазском владетеле «для помощи в письменных сношениях» последнего с русскими властями.[3] Кроме того, С. Званба в 40-х годах, в течение определенного времени, являлся начальником так называемого Джигетского приставства.[4]

Более или менее постоянно С. Званба проживал в Сухуме и в родном селе Дранда; в первом он имел дом, а во втором — небольшое имение.[5]

В силу своего служебного положения С. Званба приходилось постоянно разъезжать по Абхазии.

Это давало возможность С. Званба общаться с населением, изучать его быт, нравы и обычаи, накапливать материал. В одной из своих статей Званба пишет, что «хотя в молодости я часто присутствовал при религиозных обрядах» абхазов, но, «полагая, что позабыл некоторые из них», жил у пастухов, внимательно наблюдая за совершением ими религиозных обрядов, связанных со скотоводством.[6] Современники подчеркивают, что С. Званба хорошо знал край.[7]

В то же время С. Званба, как сообщают источники, «свободное время от службы... охотно посвящал чтению и литературным занятиям».[8] Об этом лучше всего говорят его работы. Следует особо отметить знакомство С. Званба со специальной литературой. Это больше всего чувствуется в его очерке «Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии»; в ней автор конкретно указывает на географическое описание Грузии известного грузинского географа и историка XVIII века царевича Вахушти. Причем, к утверждению Вахушти: «...Вместо того, чтобы хоронить своих покойников, они (абхазы. — Г. Д.) одевают их в лучшее платье и оружие, запи-

[1] Н. Н. Муравьев. Война за Кавказом в 1855 году, СПБ, 1877г., т. II, стр. 289; Подробное описание дела, бывшего 25 октября 1855 года на р. Ингуре, при вторжении Омер-паши в Мингрелию, составленное ген. Багратион-Мухранским. Акты, т. XI, ч. I, стр. 108.

[2] А. Пахомов. Указ. рук.

[3] Акты, т. XII, ч. I, стр. VII.

[4] В состав Джигетского приставства, образованного в 1840 г., входила территория значительной части современ. Гагрского района. Джигетское приставство, вместе с Цебельдинским приставством, в 1847 г. было введено в расписание приставских управлений на Кавказе.

[5] А. Пахомов. Указ. рук.

[6] С. Званбай. Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии, гл. IV — Айтар. «Кавказ», 1855 г., № № 81—82.

[7] Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера, Москва, 1864 г., ч. I, стр. 40; К. А. Бороздин. Кавказские воспоминания, Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год, СПБ, 1885 г., стр. 27 — 28.

[8] Акты, т. XII, ч. I, стр. VII.

рают в ящики и ставят на деревья» [1] — Званба подходит критически, считая это ошибочным обобщением, вероятно, случая похорон человека, убитого молнией, при котором труп действительно клали на специальной вышке (ამოგდება, ашвымкят) и лишь впоследствии кости предавали земле. Кроме того, Званба ссылается на сочинение Н. И. Ушакова «История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах», СПБ, 1836 г., ч. I.

С. Званба опубликовал несколько небольших работ, главным образом, по отдельным вопросам этнографии абхазов. Важнейшей заслугой его является то, что он оказал значительное влияние на развитие литературы по изучению этнографии Абхазии. Один из его современников, К. А. Бороздин, знавший, повидимому, хорошо С. Званба, так характеризовал последнего. «Званбай был начитанным и развитым человеком и, зная прекрасно свою родину и ее своеобразные обычаи, весьма интересные,... оставил след в литературе Кавказа». [2] Однако и здесь необходимо отметить, что С. Званба, будучи представителем феодального класса и офицером царской армии, проявляет определенный тенденциозный подход, когда освещаемые им факты так или иначе требовали определить к ним свое классовое отношение.

Для развития интереса С. Званба к этнографии и вообще к творческой деятельности большое значение имело, несомненно, то общение, которое поддерживал он с представителями русской и грузинской общественности. Это общение происходило, прежде всего, по линии армии. Здесь С. Званба часто встречался и с некоторыми декабристами и их сторонниками, высланными на Кавказ.

В так называемой Черноморской береговой линии, в которой долгое время служил С. Званба, находился декабрист-писатель А. А. Бестужев-Марлинский; они состояли в одной части. [3] Несмотря на самые неблагоприятные условия, Бестужев в годы ссылки на Кавказ продолжал свою творческую деятельность. Он изучал Кавказ и его людей, в частности, интересовался Абхазией. [4] Бестужев критиковал иностранных авторов, которые неверно писали о Кавказе. Он критиковал и ученых, не уделявших внимания изучению жизни народов Кавказа. «Слова нет, — писал Бестужев, — чрезвычайно любопытно читать о новооткрытой на Кавказе божьей коровке, о невиданном доселе репейнике... все это необходимо в области наук; но для человека самое нужное, самое поучительное статься есть человек, и нам бы хо-

---

[1] ქრონიკა ალუდ საქართველოსა ბატონიშვილის ვახუშტის მიერ. Description geographique de la Georgie, par le tsarevitch Wakhoucht publice, par M. Brosset, Spb. 1842, p. 409

[2] К. Бороздин. Омер-паша в Мингрелии (рассказ очевидца). «Военный сборник», 1873 г., № 5; см. также его же соч. «Кавказские воспоминания, Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год», стр. 27 — 28.

[3] А. А. Бестужев-Марлинский погиб 7 июня 1837 г. под Аллером, во время занятия последнего русскими войсками. В этой операции участвовал и С. Званба.

[4] А. А. Бестужев-Марлинский в своих письмах из Абхазии к матери и брату Петру Бестужеву дает ряд коротеньких описаний природы края, а также пишет о тяжелой жизни солдат, находившихся здесь на побережье (см. «Отечественные записки», 1860 год, т. CXXXI; «Русский Вестник», 1880 г., т. 88).

телось лучше знать настоящие нравы, обычаи, привычки горцев, нежели играть в жмурки с древними Меланхленами и спорить, происходят ли Бжедухи от Страбоновых Скептухов...»[1]

С 1837 по 1841 год начальником С. Званба по Черноморской береговой линии являлся друг А. С. Пушкина, близкий к декабристам Н. Н. Раевский.[2] В отряд Раевского были направлены некоторые из высланных на Кавказ декабристов: выдающийся поэт А. И. Одоевский,[3] Н. И. Лорер, А. И. Черкасов, М. М. Нарышкин, В. Н. Лихарев и др.

Известный русский кавказовед и лингвист П. К. Услар, который занимался исследованием и абхазского языка, долго служил на Кавказе и некоторое время провел, в частности, в Абхазии.[4] Он был начальником штаба так называемого Гурийского отряда и составил обширную записку о действиях этого отряда за время командования генерала И. К. Багратион-Мухранского; он дает описание Ингурского сражения 25 октября 1855 года, в котором С. Званба принимал выдающееся участие и геройски погиб.[5]

Сам И. К. Багратион-Мухранский, видимо, был в близких отношениях с Соломоном Званба. В этом особенно убеждает записка его о владении Г. Д. Шарвашидзе, составленная в 60-х годах, в которой он приводит некоторые детали из биографии С. Званба.[6] А в «Подробном описании дела, бывшего 25 октября 1855 года на р. Ингуре, при вторжении Омер-паши в Мингрелию»[7] Багратион-Мухранский несколько раз упоминает имя С. Званба и в одном месте, где с глубокой скорбью говорит о гибели С. Званба, называет его «храбрым подполковником».

---

[1] Марлинский. Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев. Русские повести и рассказы. Москва, 1834 г., ч. VIII, стр. 138.

[2] Из официальных материалов, составленных ген. Н. Н. Раевским об Абхазии следует указать на две его «Записки» (начало 1840 г.): «О женитьбах абхазского владетеля М. Шервашидзе», относящаяся к биографии последнего и вообще имеющая некоторое значение для истории Абхазии второй четверти XIX в. (Акты, т. IX, ч. I, стр. 180); «О торговле с горцами и переселении на восточный берег», содержащая материал по затронутому вопросу по Абхазии, в частности и особенно — Сухуми (там же, стр. 474—480). Но в этих «Записках» содержатся и ошибочные данные.

[3] А. И. Одоевский умер от лихорадки в Пицунде, около Сочи, 15 августа 1839 г.

[4] Данные о П. К. Услере как о кавказоведе и биографические сведения о нем см. в книге акад. И. А. Джавахишвили «ქართული და კავკასიური ენების თავდაპირველი ბუნება და ნათესაობა», Тбилиси, 1937 г., стр. 34 — 43; Н. Я. Марр. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. Сб. статей «О языке и истории абхазов», Изд. АН СССР, Москва — Ленинград, 1938 г., стр. 1—33.

[5] Полк. П. Услар. Записка о военных действиях Гурийского отряда за время командования ген. кн. И. К. Багратион-Мухранского. ЦГИА, ф. Военно-ученого архива (в дальнейшем ВУА), д. 5625. Этот же материал под названием «Записка Услара о военных действиях в Закавказье» хранится в Ленинградском архиве АН СССР, ф. III, оп. I, д. 107. См. также Акты, т. XI, ч. I, стр. 231—255; «Кавказский сборник», Тифлис, 1880 г., т. V — Гурийский отряд в 1855 году.

[6] ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, д. 180, л. л. 2—8.

[7] Акты, т. XI, ч. I, стр. 107 — 110.

Среди сослуживцев С. Званба было вообще немало грузин. Многие из них самоотверженно дрались с турецкими войсками, возглавляемыми Омер-пашой. В самый критический момент боя на Ингуре, 25 октября 1855 года, был убит С. Званба, оборонявший важнейший участок фронта. Руководство обороной этого участка немедленно принял на себя, сражавшийся рядом, командир Грузинского № 1 батальона полковник Иоселиани, «впереди всех подавший пример неустрашимости; [1] он был также убит. «Жаркий бой сей, в коем, несмотря на свою малочисленность, солдаты наши три раза отбили неприятеля, вдесятеро сильнейшего, и отступили в порядке, когда храбрые начальники пали от вражеских пуль, надолго останется в памяти турок», — писала газета «Русский инвалид». [2]

Для характеристики общественного окружения С. Званба представляет интерес и то, что он был тесно связан с Николаем (Эмином) Шакрыл и Димитрием (Сент-беем) Шарвашидзе. Н. Шакрыл являлся ближайшим другом С. Званба. Они вместе начали военную службу и скоро из них вышли «прекрасные офицеры, ни в чем не отстававшие от своих русских товарищей». [3] Затем они вместе находились при дворе владетеля Абхазии в качестве переводчиков и проводников. Шакрыл владел несколькими языками и, хорошо зная край, много помог русскому офицеру Ф. Торнау [4] в сборе физико-географических и историко-этнографических и статистических сведений об Абхазии, [5] а также в деле знакомства его «с языками и наречиями, находящимися в употреблении за Кубанью». [6]

Что же касается Д. Г. Шарвашидзе, то он также был человек «с хорошими способностями; [7] прекрасно писал по-грузински и по-русски; [8] занимался литературой. [9] Д. Шарвашидзе в период Крымской войны командовал кавалерией Гурийского отряда и весьма отличился. Во время боя на Ингуре главное начальство над частями, предназначенными для обороны переправ через р. Ингур, было возложено на полковника Д. Шарвашидзе. «Он вышел невредимым из боя, — писал К. А. Бороздин, — несмотря на то, что его видели всё время на коне в самой жаркой схватке, впереди командуемой им части. Званбай и Шервашидзе были абхазцы. Иоселиани — мингрелец; все

---

[1] Подробное описание дела, бывшего 25 октября 1855 года на р. Ингуре... Багратион-Мухранского, стр. 109.

[2] «Русский Инвалид», 1856 г., № 55.

[3] Ф. Торнау. Указ. соч., стр. 41.

[4] Рапорт Х. Ховена Ф. Шуберту от 25 июля 1835 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6302, л. л. 1—2; Ф. Торнау. Указ. соч., стр. 40, 70.

[5] Сведения эти вошли в докладные записки Ф. Торнау, хранящиеся в ЦГИА (ф. ВУА), а также в его книгу «Воспоминания кавказского офицера».

[6] Ф. Торнау. Указ. соч., стр. 72, 112.

Н. Шакрыл утонул в р. Бзыби в 1835 г. во время переправы на пароме.

[7] М. Селезнев. Руководство к познанию Кавказа, СПБ, 1847 г., кн. II, стр. 174.

[8] Формулярный список о службе и достоинстве управляющего Абхазским округом лейб-гвардии казачьего полка корнета кн. Шервашидзе. ЦГВИА, ф. 395, III отд., 1 стол, оп. 455, св. 1100, ч. II, д. 546, л. л. 159—162.

[9] М. Селезнев. Указ. соч., стр. 174.

трое пользовались особым уважением и доверием как своих земляков, так и своих сослуживцев». [1] Турецкий главнокомандующий Омер-паша сразу же после своей высадки в Сухуме пытался добиться перехода Д. Шарвашидзе на свою сторону. Однако происки турецкого главнокомандующего оказались тщетными. На письмо Омер-паши от 12 сентября 1855 года, в котором последний выставляет весьма заманчивые обещания, Д. Шарвашидзе ответил следующим образом: «Временные впечатления не могут отклонить честного человека от путей, начертанных ему собственными его убеждениями. Мои понятия об обязанностях абхазца и о цели вашего вторжения совершенно противны вашему взгляду на сей предмет. Я недоступен заразе, вызываемой дурными примерами... Конечно не заслужил бы выражений, которыми вашему превосходительству угодно одобрить мои военные достоинства, если бы я обратил оружие свое против тех, в победах которых я не один раз участвовал. Всегда и везде позорен побег и уклонение от своих знамен...» [2]

Следует также назвать имя Самсона Левановича Шарвашидзе, — «героя Кавказа, где прекрасными подвигами в два месяца [3] заслужил отличия храбрейшего из храбрейших». [4] Артиллерист С. Шарвашидзе участвовал в штурме карсских укреплений 17 сентября 1855 года и был ранен. [5] В момент выступления войск Омер-паши из Сухума С. Шарвашидзе со своей батареей находился в Гурии; быстро двинувшись навстречу противнику, батарея Шарвашидзе приняла активное участие в битве на рухском участке Ингурского боя. «За отличие, оказанное» «при этом боевом крещении», прапорщик С. Шарвашидзе был награжден орденом Анны 4 ст. с надписью: «За храбрость».

В борьбе с войсками Омер-паши особо отличился С. Званба. Турецкий главнокомандующий неожиданно повел основную переправу через брод между селами Коки и Кахати. [7] Оборона этого «самого опасного пространства», известного под названием Нарманиевской переправы, была поручена подполковнику С. Званба. Сюда появляется значительное количество войск противника под командованием английского полковника Балларда. На этом участке фронта силы врага превосходили почти в 10 раз [8] силы русской армии. Тем не менее, сол-

[1] К. Бороздин. Омер-паша в Мингрелии, стр. 207.

[2] Н. Н. Муравьев. Указ. соч., т. II, ч. IV, стр. 386 — 388 (приложения); см. также Акты, т. XI, ч. II, стр. 123 — 124, 131 (на франц. яз.).

[3] С. Шарвашидзе 11 июня 1835 г. был выпущен из Константиновского кадетского корпуса.

[4] Биографический очерк о кн. С. Л. Шервашидзе, л. 4. Гос. библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отд. рукописей, бумаги И. В. Помяловского, «Отчет ИПБ за 1907 г.», стр. 166.

[5] Акты, т. XI, ч. I, стр. 176.

[6] Биографический очерк о кн. С. Л. Шервашидзе, л. л. 3—5.

[7] Турецкие войска, численностью до 30 тыс. человек, наступали со стороны Сухума, занятого ими. Омер-паша своей диверсией в Зап. Грузии ставил задачу создать угрозу всей Грузии и принудить русское командование снять осаду Карса. На р. Ингуре состоялось сражение между турками и войсками Багратион-Мухранского, закончившееся неудачно для последних. Но, тем не менее, в этом сражении противник получил большой удар, и впоследствии он был разбит.

[8] Подробное описание Ингурского боя Багратион-Мухранского, стр. 107; К. Бороздин. Омер-паша в Мингрелии, стр. 206.

латы отряда С. Званба «молодецки отбивали переправу войск Омер-паши... с утра до вечера».[1] «Неустрашимый подполковник Званбай, находясь впереди батареи под неприятельскими выстрелами, отдавал приказания».[2] Турецкие войска понесли большие потери.

Багратион-Мухранский в официальном описании хода Ингурского сражения особо отметил заслуги Черноморского линейного № 11 батальона подполковника С. Званба. «Изложенный мною ход боя, — писал он, — как я смею надеяться, красноречивее всяких похвал показывает, с каким геройским мужеством, с каким упорством сражались войска наши против многократ сильнейшего неприятеля. Черноморский линейный № 11 батальон кровью своей и кровью врагов записал имя свое в летописях славы русского оружия. Все части, бывшие в деле, соперничали взаимно в мужестве: но, по ходу самого боя, в наилучшем блеске обнаружили это качество части, оборонявшие Норманские (Нарманшевские. — Г. Д.) переправы».[3] Главнокомандующий генерал Муравьев подчеркивал, что именно на этой переправе «происходил самый сильный бой».[4] Англичанин Олифант также свидетельствовал, что отпор, данный турецким войскам на Нарманшевской переправе, был самым сильным, что турки понесли здесь значительные потери.[5]

Павший в этом сражении смертью храбрых С. Званба оставил «среди солдат и офицеров лучшую по себе память».[6] Черноморскому линейному № 11 батальону (переименованному в № 3) и Грузинскому № 1 линейному батальону в 1858 году были вручены георгиевские знамена с надписью: «За отличие в сражении на р. Ингуре 25-го октября 1855 года».[7]

На братской могиле героев, павших во время Ингурского боя, 25-го октября 1913 года был установлен памятник, на котором можно прочитать:

> Славным предкам — героям,
> павшим в бою при реке Ингур
> 25 октября 1855 года.

* * *

Будучи военным и уделяя много времени своим служебным обязанностям, притом в чрезвычайно напряженный период истории Кавказской армии, и прожив сравнительно недолгую жизнь, С. Званба

[1] «Кавказская старина». Тифлис, 1871 г., № I, стр. 68.
[2] К. Д. Мачавариани. Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913 г., 282 — 283.
[3] Подробное описание Ингурского боя Багратион-Мухранского, стр. 107—108.
[4] Н. Н. Муравьев. Указ. соч., т. II, ч. IV, стр. 296, прим. 2.
[5] Там же, стр. 298 — 299.
[6] М. Минаєваров. Bibliographia Caucasia et transcaucasica. Опыт справочного систематического каталога печатным сочинениям о Кавказе, Закавказье и племенам, эти край населяющих, СПБ, 1874 — 1875 г. г., т. I, стр. 260.
[7] Выписка из высочайшего приказа от 30-го августа 1856 г. Акты, т. XI, ч. I, стр. 321; А. Л. Гизетти. Хроника кавказских войск, Тифлис, 1896 г., ч. II, стр. 138.

не мог посвятить себя науке, хотя он, несомненно, имел способности и стремление работать на этом поприще. С. Званба незадолго до своей смерти на страницах тифлисской газеты «Кавказ» напечатал несколько статей. Это все, что нам пока известно в качестве его научного наследства. Но архив самого С. Званба остается неразысканным. Весьма вероятно, что в нем, если он вообще сохранился, мы обнаружили бы новые материалы. Во всяком случае, есть указание о том, что опубликованные работы С. Званба являются лишь частью «из его сочинений». [1]

Первая по счету работа С. Званба «Зимние походы убыхов на Абхазию» появилась в 1852 году («Кавказ», № 33).

В этой статье даются сведения о военном строе (это главное содержание статьи) и набегах убыхов [2] и, частично, о боевых качествах абхазов.

В том же 1852 году была напечатана вторая статья Званба — «Обряд жертвоприношения святому победоносцу Георгию, совершаемый ежегодно абхазцами» («Кавказ», № 90).

В 1853 году появилась статья «Поцелуй за занавесом» («Кавказ», № 55). О цели этой статьи автор пишет следующее: «Взглянув на заглавие этой статейки, читатель может подумать, что я хочу рассказать о какой-нибудь закулисной интриге; чтобы не заставить его обмануться, я должен об'яснить, что дело идет о свадебном обычае абхазцев».

В 1855 году была опубликована последняя и самая значительная работа С. Званба «Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии», с подзаголовком — «Из заметок природного абхазца» («Кавказ», №№ 81—82). Эта статья с незначительными изменениями редакционного характера вновь была напечатана в 1867 году полковником Ф. А. Завадским под названием «Очерк абхазской мифологии» («Кавказ», №№ 74—76). [3]

В Государственном музее Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа под POS № 2840 (из коллекции б. «Грузинского общества истории и этно-

---

[1] Акты, т. XII, ч. I, стр. VII.

[2] Убыхи занимали часть черноморского побережья между реками Сашэ и Хамыш (Хоста).

[3] При внимательном сличении обеих редакций этой статьи С. Званба выясняется, что Завадский в ряде мест допускает произвольные сокращения и изменения, отрицательно отражающиеся на качестве материалов. Например, предложение автора: у абхазов, «как и у язычников, остались христианские понятия», во второй редакции исправлено так: у абхазов, «как и у обратившихся в язычество, остались христианские понятия». Здесь не просто стилистическое исправление, а смысловое, и утверждение Завадского, безусловно, ошибочно. Правильно записанные С. Званба наименования: Абжинъа, Абна-Ипчваху, Гоутану (еще точнее — Готануа), Каланда и Мумыр-ах, — Завадский везде искажает, передавая их: Абнеыха, Анапичваху, Гаутану, Коланда и Нумыр-ах. Текст песни «Дзноу», в статье «Абхазская мифология», очень сильно искаженный, несомненно, по вине редакции газеты «Кавказ», Завадский не только не исправил удовлетворительно, но и в свою очередь внес добавочные искажения. Заметим еще, что на стр. 8 (прим. 7) статьи «Абхазцы (Азега). По поводу сочинения г. Дубровина: «Очерк Кавказа и народов его населяющих», помещенной в VI выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» за 1872 г., датой переиздания работы С. Званба «Абхазская мифология» Завадским указывается ошибочно (очевидно, опечатка) 1861 г.

графии») хранится рукопись работы С. Званба под названием «Краткий очерк мифологии абхазской». К сожалению, эта рукопись не представляется оригинальной. Она не является ни новой работой, ни автографом Званба, а есть копия его «Абхазской мифологии», переписанная позднее другим лицом.[1]

Статьи С. Званба не носят пока характера глубокого научного исследования, здесь нет еще анализа, теоретического освещения вопросов и т. д. Кроме того, Званба в освещении некоторых моментов в затронутых им вопросах отражает мировоззрение господствующего класса, например, при характеристике сословных прав населения Абхазии. Наблюдаются и кое-какие погрешности в описательной части.

Но, тем не менее, немногочисленные работы С. Званба заслуживают внимания, как указывалось выше, по двум причинам: в них дается материал, представляющий научный интерес, и они сыграли значительную роль в истории изучения этнографического быта абхазов.

До выступления С. Званба не было даже статей (не говоря уже о больших исследованиях), которые сколько-нибудь удовлетворительно освещали бы тот или иной вопрос этнографии Абхазии.

Работы С. Званба указали на еще неизведанные этнографические богатства края, делая в этом смысле открытие и являясь сами по себе важным материалом. Особо должен быть отмечен тот факт, что некоторые явления, описываемые Соломоном Званба, и больше никем не зафиксированные, давно уже забыты.

Сочинения С. Званба способствовали тому, что на изучение Абхазии стали обращать внимание не одни только любители сенсационных сообщений, но и серьезные авторы.

Не ставя своей целью дать обзор литературы по этнографии Абхазии вообще, мы укажем лишь на те работы, для которых сведения С. Званба являлись источниками основными или частичными, и на тех авторов, которые дают те или иные отзывы и замечания о трудах С. Званба.

К. Чернышев в статье «Еще об Абхазии», помещенной в газете «Кавказ» в 1854 году, сведения о свадебных обычаях абхазов черпает из работы С. Званба «Поцелуй за занавесом».[2]

В 1856 году в «Журнале министерства народного просвещения», в отделе (VI) обозрения газет и журналов за 1855 год, была помещена краткая рецензия на работу С. Званба «Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии».[3]

В 1871 году в пятом выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» появилась статья бывшего начальника Сухумского округа А. Введенского под названием «Религиозные верования абхазцев». Хотя сам автор, будучи «непосредственным наблюдателем быта абхазцев», привлекает интересный материал, но, как справедливо замечает и ре-

[1] На эту рукопись нам указал проф. Ш. К. Чхетия, которым она описана для издания описей рукописных материалов Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа.

[2] «Кавказ», 1854 г., № 83.

[3] «Журнал министерства народного просвещения», СПБ, апрель 1856 г., ч. XC, № 4, стр. 33, 41.

дакция сборника, он лишь пополняет сведения С. Званба. «До сих пор, — говорится в редакционном примечании, — наиболее достоверными сведениями о божествах абхазцев мы обязаны абхазцу же, г. Званбаю...». [1]

Акад. Н. С. Державин также подчеркивает, что указанная статья А. Введенского служит дополнением к «Очеркам абхазской мифологии» С. Званба. [2]

Н. Ф. Дубровин в своей «Истории войны и владычества русских на Кавказе», в разделе, который, как отмечает один из его критиков, является самым точным и верным, [3] детально использовал работу С. Званба о религиозном состоянии, поверьях и обычаях абхазов, [4] а также сведения по вопросу военной организации убыхов. [5]

Из работ, касающихся абхазов, обративших на себя внимание Н. Ф. Дубровина, статьи С. Званба были одними из основных источников [6]. Сам Дубровин в своем библиографическом указателе к названному сочинению, рекомендовал «Абхазскую мифологию» С. Званба как работу, которая «по своей важности должна служить главным материалом» при изучении быта и общественной жизни абхазов. [7]

Анонимный критик Н. Ф. Дубровина, автор статьи «Абхазцы (Азега)», датированной 25 декабря 1871 года, высоко ставит авторитет Званба как этнографа, который, по его мнению, дает «правдивые», «самые точные сведения о своих соплеменниках», хотя, как совершенно правильно отмечает он, Званба в известной мере и проявляет узкоклассовый подход в вопросе о сословных правах населения Абхазии — «самой слабой струны всех лиц привилегированных сословий, к числу которых принадлежал г. Званбай». При этом аноним крайне сожалеет, что все, что С. Званба «успел написать, относится только к религиозному состоянию и поверьям абхазцев». [8]

Но в последнем своем утверждении критик не был прав, так как С. Званба, как уже указывалось, занимался и другими вопросами этнографии, в частности, свадебными обычаями абхазов. В 1854 году К. Чернышев констатировал, что «свадебные обычаи абхазцев весьма подробно и занимательно изложены г. подполковником Соломоном Званбаем...» [9] Причем, эта статья С. Званба, написанная почти сто

---

[1] «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1871 г., вып. V, отд. III, стр. 1.

[2] Н. С. Державин. Абхазия в этнографическом отношении. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис, 1907 г., вып. 37, стр. 1.

[3] Абхазцы (Азега). По поводу сочинения г. Дубровина: «Очерк Кавказа и народов его населяющих». «Сборник сведений о кавказских горцах», 1872 г., вып. VI, стр. 8 — 10.

[4] Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, СПБ, 1871 г., т. I, стр. 16—18, 23—30, 38—39, 47—49.

[5] Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, кн. I, стр. 254—258.

[6] Абхазцы (Азега), стр. 7.

[7] Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, кн. III, стр. 3. В этом указателе источников автор перечисляет и все другие работы Званба: на стр. 70 — «Зимние походы убыхов на Абхазию», на стр. 161 — «Обряд жертвоприношения святому победоносцу Георгию», на стр. 267—«Поцелуй за занавесом».

[8] Абхазцы (Азега), стр. 8 — 9.

[9] К. Чернышев. Еще об Абхазии, «Кавказ», 1854 г., № 83.

лет тому назад, сейчас приобретает еще более важный характер источника, так как некоторые явления, описанные впервые и только Соломоном Званба, давно исчезли.

Что же касается работы Званба о военной организации убыхов, то она должна быть оценена в литературе, как очень важный источник для изучения жизни убыхов. Н. Ф. Дубровин, касаясь вопроса о военной организации последних, в указанной своей монографии почти целиком изложил статью Званба «Зимние походы убыхов на Абхазию».[1]

В справочном систематическом каталоге о Кавказе М. М. Мианса-рова, в списке литературы по этнографии Абхазии, указываются все работы С. Званба, а также названная выше рецензия на «Абхазскую мифологию».[2]

В 1889 году К. Д. Мачавариани выступил со статьей «Религиозное состояние Абхазии»,[3] в которой при описании религиозных верований абхазов базируется на работах С. Званба и А. Введенского.

Работы этих же двух авторов послужили важнейшими источниками М. Г. Джанашвили при составлении этнографического очерка «Абхазия и абхазцы».[4]

Лавреньев, написавший статью «Статистическое описание Кутаисского генерал-губернаторства» непосредственно вслед за выходом в свет последней работы Званба, целиком заимствовал у него сведения о религиозных верованиях абхазов.[5]

То же самое делают Н. М. Альбов[6] и автор книги «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-кананитский монастырь», скрывшийся под инициалами И. Н.[7] При этом и тот и другой подчеркивают, что «самые ценные сведения о языческой религии абхазцев мы находим в «Очерках мифологии», написанных природным абхазцем, Соломоном Званбайя».[8]

В другом месте Альбов «Очеркам» Званба дает следующую характеристику: «...Среди литературы об Абхазии мы имеем много весьма ценных статей, которые должны послужить основой для будущих этнографических исследований Абхазии. Из этих статей на первом плане должны быть поставлены просто, но правдиво и толково написанные «Очерки абхазской мифологии» Соломона Званбайя, дающие нам превосходные понятия о религиозных верованиях абхазцев...»[9]

---

[1] Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, кн. I, стр. 251 — 258.

[2] М. Миансаров. Указ. соч., т. I, стр. 259 — 260.

[3] Газ. «Кутаисские губернские ведомости», 1889 г., № № 11, 14, 16, 20—22, 24, 26 — 29.

[4] «Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества», Тифлис, 1894 г., кн. XVI.

[5] Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях, СПБ, 1858 г., т. XVI.

[6] Н. Альбов. Этнографические наблюдения в Абхазии. «Живая старина», СПБ, 1893 г., вып. III.

[7] И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский симоно-кананитский монастырь, Москва, 1898 г.

[8] Н. М. Альбов. Указ. соч., стр. 321; И. Н. Указ. соч., стр. 45.

[9] Н. М. Альбов. Указ. соч., стр. 298.

«Наши мимолетные наблюдения не могли ничего прибавить существенного к этим сведениям...» [1] И действительно, Н. М. Альбов, говоря об абхазских языческих жертвоприношениях, об остатках языческих верований и т. д.. [2] целиком заимствовал данные у Званба, местами оговаривая: «Мы нарочно привели во всей подробности эту выдержку из статьи Званбайя». [3]

Альбов пользовался трудами С. Званба и в работе «Ботанико-географические исследования в Западном Закавказьи в 1893 году». [4]

Автор И. Н. тоже каждый раз, когда он желает осветить религиозное состояние абхазов, прибегает к сведениям Званба[5]

В предисловии первой части двенадцатого тома «Актов кавказской археографической комиссии», вышедшей в 1904 году под редакцией Е. Вейденбаума, в списке «кавказских деятелей» с краткими биографическими сведениями о них, в котором значится и С. Званба, названы все работы Званба с указанием места и времени их опубликования. При этом, как писалось выше, подчеркивается, что эти напечатанные работы Званба являются лишь частью «из его сочинений», а также указывается, что «свободное от службы время он охотно посвящал чтению и литературным занятиям». [6]

Акад. Н. С. Державин положительно оценивает очерк С. Званба «Абхазская мифология», называя его «обстоятельной статьей», а работу А. Введенского «Религиозные верования абхазцев», как уже было сказано, считает дополнением к этому труду С. Званба. [7]

Акад. Н. Я. Марр также пользовался сведениями Званба. [8]

Акад. Н. Я. Джавахишвили в первом томе «Истории грузинского народа», описывая языческие верования грузинского народа в специальной главе (гл. III), являющейся, по мнению акад. Н. Я. Марра, «весьма содержательной главой яфетических религий» [9] говорит о некоторых божествах животных, погоды, растительности и религиозных верованиях (поклонение деревьям) абхазов, неоднократно ссылаясь на материалы С. Званба. [10] равно как и на Н. С. Джанашия [11] и П. Чарая. [12]

---

[1] Н. М. Альбов. Указ. соч., стр. 321.

[2] Там же, стр. 322 — 324.

[3] Там же, стр. 323.

[4] «Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества», 1894 г., кн. XVI, стр. 141.

[5] И. Н. Указ. соч., стр. 46.

[6] Акты, т. XII, ч. I, стр. VI — VII.

[7] Н. С. Державин. Указ. соч., стр. I.

[8] Н. Я. Марр. О религиозных верованиях абхазов. Сб. «О языке и истории абхазов». Изд. АН СССР. М.—Л., стр. 113—119.

[9] Там же, стр. 106.

[10] ივ. ჯავახიშვილი: ქართველი ერის ისტორია, 1913 г., т. I, стр. 127, 128, 133, 139. В этом издании соч. И. А. Джавахишвили год напечатания «Абхазской мифологии» С. Званба в газ. «Кавказ» в двух случаях (стр. 127, 128) ошибочно (опечатка) указ. 1885 г., вместо 1855 г. Эта же опечатка повторена и в издании 1928 г. (стр. 73 и 77).

[11] Н. С. Джанашия. Религиозные верования абхазов. «Христианский восток», 1915 г., т. V, в. III.

[12] П. Чарая. Об отношениях абхазского языка к яфетическим, СПБ, 1912 г.

Д. И. Гулиа в своих научных исследованиях по этнографии Абхазии также обращается к литературному наследству С. Званба. [1]

Г. Ф. Чурсин в еще неопубликованной монографии под названием «Материалы по этнографии абхазов», [2] в числе наиболее ценных и богатых по содержанию статей указывает на «Абхазскую мифологию» С. Званба, [3] а в общем списке литературы—и все другие его работы. [4] Причем, «Абхазскую мифологию» Г. Ф. Чурсин называет «первой серьезной статьей о религиозных верованиях абхазов» и, вместе с тем, подчеркивает, что сведениями Званба «пользовались многие позднейшие авторы». [5] В указанной рукописи и сам Чурсин часто прибегает к цитации работ Званба, а также не раз замечает, что то или иное явление в религиозной жизни абхазов впервые записано Соломоном Званба; так, например, Чурсин пишет: «последующие авторы, говоря о ажвейпшаа, [6] большей частью ограничивались повторением сведений, собранных Званбай». [7]

Б. А. Куфтин в работе «Материалы к археологии Колхиды», говоря о вторичном погребении и указывая, что самый факт вторичного погребения находит «опору в очень позднем переживании этого обычая у абхазов в случае погребения убитого молнией», —пользуется данными С. Званба по этому вопросу и следующим образом отзывается о его работе «Абхазская мифология»: «Ценный очерк полковника, [8] природного абхаза С. Званбая, убитого в турецкую войну, [9] содержит в себе наряду с подробным описанием этого обычая параллельные указания на применение его также и в случае подобной же смерти человека. Ввиду малой доступности этой статьи, я позволю себе привести из нее необходимые выдержки, до некоторой степени, может быть, восстанавливающие древний обряд». В примечании же пишет, что указанное сообщение С. Званба «пересказано М. Г. Джанашвили в статье Абхазия и абхазы...» [10]

А. А. Миллер в своем очерке «Из поездки по Абхазии в 1907 году» приводит сообщение Званба об абхазском обряде воздушного погребения быка, убитого молнией. [11]

---

[1] См., напр., работы Д. И. Гулиа «Божество охоты и охотничий язык у абхазов» (Сухум, 1926 г.) и др.

[2] Рукопись этой монографии проф. Г. Ф. Чурсина хранится в Абхазском научно-исследовательском институте им. акад. Н. Я. Марра АН Груз. ССР (АбНИИ).

[3] Г. Ф. Чурсин. Указ. рук., стр. 389.

[4] Там же, стр. 391 — 392.

[5] Там же, стр. 392.

[6] Ажвейпшаа (ажвейпшаа) — бог охоты и зверей.

[7] Г. Ф. Чурсин. Указ. рук., стр. 71, 88, 99, 110, 113, 148, 160.

[8] С. Званба умер в чине подполковника.

[9] Речь идет о Крымской войне.

[10] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, изд. «Техника да шрома», Тбилиси, 1949 г., т. I, стр. 189.

[11] А. А. Миллер. Из поездки по Абхазии в 1907 г. «Материалы по этнографии России», т. I, СПБ, 1910 г., стр. 66.

В библиографическом указателе А. Гизетти по истории кавказской войны упоминается статья Званба «Зимние походы убыхов на Абхазию». [1]

В «Указателе сочинений о Черноморском побережье Кавказа» Н. И. Воробьева (Петроград, 1915 г.), в отделе (III-м) этнографии, антропологии и языковедения, перечислены все работы С. Званба, с указанием места и времени их напечатания (стр. 67, 69, 70), [2] а также указана рецензия на «Абхазскую мифологию», помещенная в «Журнале министерства народного просвещения» в 1856 году.

Можно было бы назвать еще и ряд других авторов, но и сказанного, пожалуй, достаточно, чтобы видеть, как велико само по себе было значение работ Соломона Званба и их влияние на развитие последующей литературы по изучению этнографии Абхазии.

О значимости научного наследия С. Званба говорят сами его работы. Мы здесь печатаем в качестве приложения статью С. Званба «Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии», которая публикуется без изменений, за исключением очень небольших сокращений, что обозначено многоточием. Выбор данной статьи об'ясняется тем, что она является наиболее значительной работой С. Званба по своей научной ценности, как материал по этнографии абхазов. Между тем она давно является библиографической редкостью.

---

[1] А. Гизетти. Библиографический указатель печатным на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе. СПБ, 1901 г., стр. 62.

Нужно заметить, однако, что в этом указателе название статьи Званба дается не совсем точно: вместо «Зимние походы убыхов на Абхазию», мы читаем: «Зимние походы убыхов в Абхазию, в 1823 году».

[2] В указателе Н. И. Воробьева также неточно называется статья С. Званба «Зимние походы убыхов на Абхазию». Кроме того, статья «Абхазская мифология» С. Званба в списке значится дважды (стр. 47, 69), с той лишь разницей, что во втором случае в ее названии отсутствует подзаголовок — «Из заметок природного абхазца».

АБХАЗСКАЯ МИФОЛОГИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПОВЕРЬЯ И ОБРЯДЫ МЕЖДУ ЖИТЕЛЯМИ АБХАЗИИ

(Из заметок природного абхазца)

... По понятиям абхазцев, божества их созданы всевышним, для покровительства людям только на земле. Они следующие:

I. АФЫ—бог и повелитель грома, молнии и всех явлений атмосферы.

II. ШАСШУ[1] — бог и повелитель кузнецов и всех искусств, в которых действует молот на наковальне.

III. АЖВЕПШАА АБНА-ИНЧВАХУ [2] — бог лесов, лесных зверей и охоты.

IV. АЙТАР — бог и покровитель домашнего скота и хуторов.

V. ДЖАДЖЫ[3] — покровитель засеянных полей и всей растительности.

Все эти божества не имеют изображений. Им только делают жертвоприношения.

I.

АФЫ. По топографическому положению Абхазии, стада мелкого скота могут прокормиться на равнинах только в зимнее время; летом же, при наступлении жаров, их перегоняют в горы. Иначе они бы все погибли от жаров.

При под'еме стад на горы в начале лета и при спуске их оттуда осенью, пастухи приносят в жертву богу Афы барана, прося, чтобы он предохранил как их, так и стада от громовых ударов. Мясо жертвы употребляют в пищу.

Во время летней засухи, деревенские жители обращаются обыкновенно к помещику своему, с просьбою о сделании жертвоприношения для Афы, дабы тем выпросить у него дождь.[4] Тогда помещик выбирает из своего стада одного или двух быков и назначает день и место для жертвоприношения. Для этого назначается обыкновенно живописное место, над водою. К обряду допускается только мужеский пол. Каждый, принимающий участие в обряде, приносит с собою гомню (пшено), свежий сыр и кувшин вина. Когда все соберутся, тогда один из деревенских стариков, взяв в руку веревку, надетую на рога жертвы, снимает шапку и произносит следующую молитву: «О повелитель грома, молнии и дождя! Сжалься над нами, бедными: наши посевы засохли, трава выгорела; скот издыхает без корма и нам самим угрожает голодная смерть. Повели скопиться дождевым тучам; повели грому за-

греметь, молнии засверкать и пошли обильный дождь, для спасения погибающего народа». По окончании молитвы, присутствующие отвечают «аминь».

После этого закалывают жертву, мясо ее варят, а из гомии приготовляют крутую кашу с сыром, заменяющую у абхазцев хлеб.[5] Когда сварится мясо, то раскладывают его на плетни, приготовленные вместо столов, и старик, читавший прежде молитву, повторяет ее еще раз; присутствующие располагаются в тени деревьев и пируют целый день, воспевая песню в честь Афы; об этой песне я буду говорить ниже.

Если громовым ударом будет убита скотина, то хозяин ее собирает всю деревню, без различия пола, и устраивает на 4-х столбах вышку,[6] такой вышины, чтобы на нее не могли вспрыгнуть собаки или хищные звери. После приготовления вышки, все присутствующие совершают вокруг убитой скотины пляску, напевая следующие слова: одна половина поет хором «Во-етла», а другая «Чаупар-оу», причем скотину поднимают на вышку. Там она остается на жертву хищным птицам. После совершения пляски и поднятия трупа убитой скотины, хозяин, в знак благодарности богу за его посещение, приносит в жертву другую скотину; однако же, в заключении молитвы, читаемой во время жертвоприношения, просит бога, чтобы он пощадил на будущее время как его самого, так и стада его. Из мяса жертвы приготовляют пищу, раздают ее собранному народу и пир на счет хозяина убитой громом скотины продолжается целый день.

Если гром поразит человека, то и над телом совершают подобный же обряд. Во время круговой пляски родственники убитого не должны плакать, потому что, по понятиям абхазцев, Афы поразит всех присутствующих одним ударом. Тело убитого громом человека остается на вышке в гробу до тех пор, пока не останутся от него одни кости. После этого гроб снимают с вышки и предают его с костьми земле, при обычном обряде погребения, и совершают поминки.

Описанное суеверие до такой степени вкоренилось в Абхазии, что никто без пляски и песни не решится поднять тело убитого человека или скотины.

Царевич Вахушт пишет, что в Абхазии не хоронят покойников, а кладут их на деревья. Вероятно, описанные мною случаи подали Вахушту повод к такому мнению.

В честь этого бога абхазцы поют песню, о которой я упомянул выше, под названием Анчва рышва[7] (божия песня). Ее поют во время грозы и на пирах. В первом случае полагают, что песнею упросят у громоносного бога хорошую погоду; а на пирах благодарят его за дары, которыми пользуются. В последнем случае, обыкновенно один из пожилых обращается к обществу и напоминает, что «все, чем мы наслаждаемся, есть благодать господня, и что за это мы должны благодарить его».

Тогда один из пирующих начинает песню словами: «Анчва дауква злыпха ххаура»[8] (боже великий, милосердный). Во всех куплетах этой песни запевало произносит разные хвалебные слова всевышнему создателю, как-то: «О ты, который с громом с неба спускается и с мол-

нею на небо поднимается; которому известно число песка на дне морском» и т. п. Каждый куплет оканчивается словом «ах-дау»[9] (владыко, великий господи). Когда запевало пропоет куплет, то хор, разделенный на две части, повторяет поочередно тот же куплет непременно по три раза.

Из вышеприведенных слов видно, что песня поется в честь всевышнего, а не языческого бога. Песня эта имеет очень приятную гармонию, а каждый припев ее оканчивается варьяцией.

Между абхазцами существует поверье, что гром преимущественно бьет в дубовые деревья, но в грабовые никогда; и потому, ежели вблизи абхазского жилья окажется дуб, то его уничтожают с корнем; граб же нарочно разводят около жилищ. На основании этого поверья, во всех абхазских строениях непременно должна быть какая-нибудь часть из граба, хотя бы и не было надобности непременно в грабовом лесе.

II.

ШАСШУ АБЖНЫХА * (семь святых).[10] Его абхазцы воображают в семи лицах и называют семью святыми.

Жертвоприношение этому богу делают ежегодно одни кузнецы и слесаря.

Накануне нового года вечером кузнец режет рогатую скотину, а жена его по одному петуху на каждого члена семейства и приготовляет большой пирог из пшеничной муки, начиненный свежим сыром. Мясо скотины варят, петухов жарят на вертелях, а пирог пекут. Когда все это готово, то кузнец складывает весь свой инструмент в кузнице около наковальни; туда же приносит приготовленную пищу и собирает все семейство. По прибытии семейства в кузницу, оно становится на колени, а кузнец, сняв шапку, зажигает восковую свечу, бросает ладан на раскаленные угольях, принесенные в кузницу, и просит своего покровителя ниспослать ему и его семейству здоровье и долголетие. После этой молитвы он отрезывает по кусочку от печенки и сердца зарезанной скотины и петухов и кусочек пирога, и сжигает все это на угольях; потом отрезывает от тех же частей по другому кусочку и дает каждому члену семейства, которые, с'ев доставшуюся им часть, запивают вином по три глотка. Окончив таким образом обряд, пищу выносят из кузницы в дом, куда хозяин приглашает соседей и с ними пирует всю ночь во славу Шасшу.

В маловажных делах абхазцы принимают присягу в кузницах; это делается следующим образом:

Кузнец, положив молоток на наковальню, сам становится против наковальни; тот, по чьему делу следует привести виновного к присяге, становится в стороне, присягающий же — перед наковальнею против кузнеца. Последний, взяв молоток, говорит: «Если я не скажу правду о том, о чем меня спрашивают», или «Если я виноват в том, в чем меня

* «Аныха» или «ныха» на абхазском языке значит — святыня и вообще все святое, как-то: кресты, образ и т. п.

обвиняют, то да разобьет Шашу Абжныха голову мое молотком на наковальне», и при этих словах ударяет три раза молотком по наковальне.

Ежели встретится надобность привести кого к присяге в таком месте, где нет кузницы, то в таком случае вбивают в землю две палки, в небольшом расстоянии одну от другой, и на них вешают заряженные винтовки, дулами в интервал между палок. Присутствующие становятся против интервала, а тот, кто должен присягать — у самого интервала, и произносит клятву, в заключении коей говорит: «Ежели я сказал ложь, то Шашу Абжныха да поразит мою голову свинцовыми пулями из этих ружей», и проходит чрез интервал.

В обоих случаях ложно-присягнувший скоро сам открывает свое преступление. При первом лихорадочном пароксизме, сопровождаемом обыкновенно головною болью с бредом (лихорадки в Абхазии,—болезнь обыкновенная), он воображает, что Шашу бьет его молотом по голове, или, что направляет в голову его свинцовые пули. Тогда он сознается, что провинился перед Шашу; просит родственников и окружающих его умилостивить прогневанного бога и объявляет откровенно, в чем состоит его преступление. Родственники, после такого сознания, немедленно удовлетворяют то лицо, которому больной причинил вред ложною присягою; приглашают того кузнеца, в присутствии коего учинена была присяга; приводят туда же козла, или барана, и назначают его на жертву для Шашу, когда больной выздоровеет, а кузнеца умоляют, чтобы он выпросил больному прощение. После совершенного выздоровления больного, совершают жертвоприношение таким же порядком, как накануне нового года. Кузнецу за совершение обряда отдают часть мяса жертвы и кожу.

Для совершения присяги, исполняемой по вышеописанным обрядам, равно как и в развалинах храмов, назначаются среда и пятница; во время же великого поста приводить к присяге запрещается, исключая случаи, не терпящие остановки. От присяги освобождается муж беременной жены до её разрешения, иначе, по понятиям абхазцев, будут преждевременные роды, хотя бы муж совершил присягу и по чистой совести.

III.

АЖВЕПШАА АБНА-ИНЧВАХУ. Богу этому делают жертвоприношение одни только охотники.

В Абхазии охота начинается после уборки винограда, которая во время хорошего урожая оканчивается к новому году, а во время посредственного — в половине декабря и раньше. Приготовляясь к охоте, партия охотников одной деревни или околодка, делает складчину и, купив одного козла или барана, выбирает место в лесу для жертвоприношения. Обряд этого жертвоприношения совершается таким же порядком как и богу кузнецов, с тою только разницею, что тут каждый из охотников бросает ладан на уголья и просит лесного бога, чтобы он уделил ему из своих стад то, чего охотник желает.

Ежели охотники, выходя на охоту, встретятся с кем-нибудь и в тот день будет неудачная охота, то неудачу приписывают колдовству.

Чтобы удалить колдовство, стараются достать из одежды встретившегося им при выходе на охоту несколько волосков, раскладывают в лесу огонек, сжигают на нем волосы, добытые из одежды, и поодиночке перепрыгивают через огонь.

IV.

АЙТАР — покровитель домашнего скота.

Богу этому пастухи приносят в жертву молочную кашу, обыкновенно в субботу вечером, — только не во время поста, — раз в году летом.

Около котла, наполненного кашею, становятся все пастухи, сколько их найдется при стадах, и старший из них просит Айтара о размножении их стад и о защите их от хищных зверей. После того кашу едят.

Если кто желает, чтобы пастух исполнил данное обещание, то стоит только заставить его, чтобы он поклялся богу Айтар, и обещание будет исполнено свято...

С рассветом разбудили меня пастухи и сказали, что они отправляются со стадами в иное место, для совершения другого жертвоприношения. Любопытство заставило меня последовать за ними. Приблизясь к одному очень живописному месту, мы застали там разведенный уже большой огонь и привязанного к дереву молодого телка, откормленного молоком.

Один из пастухов, старше прочих по летам, обмыв руки и нож, отвязал телка и, сняв шапку, произнес следующую молитву: «Хахту!» (всевышний). Приношу тебе эту жертву, по примеру моих предков, и прошу ниспослать здравие и долголетие моему семейству, ближним и дальним моим родственникам; здравие и долголетие нашему владетелю и его семейству и нашему помещику с его семейством». * После этого жертва была заколота и мясо её положили в котел. Когда совершивший молитву вымыл вторично руки, я подозвал его к себе и спросил, кого он разумеет под именем «Хахту». Он мне ответил, что бога, создателя человека и всего мира и, упрекнув меня в том, что я позабыл религиозные абхазские обряды, спросил в свою очередь: неужели русские не делают жертвоприношений? Я растолковал ему об обрядах нашей религии и предложил ему выкреститься. На это он мне ответил, что рад выкреститься; но не понимает, что читает христианский священник. Когда же он сам с открытою душою простирает руки к богу и собственными словами просит о прощении грехов и ниспослании благ, то на совести делается легче. После такого ответа, я должен был замолчать.

Во время моего разговора с стариком, пастухи сварили мясо из заколотой жертвы и приготовили другие кушанья. Все это сложено было в одно место; сюда же принесены были раскаленные уголья. После этого приготовления, старик зажег восковую свечу, бросил несколько кусочков ладана на уголья и, сняв шапку, повторил первую молитву.

* Во все молитвы и религиозные обряды абхазцы включают владетеля и своих помещиков.

Окончив ее, он отрезал от каждой части жертвы по кусочку и сжег на огне. Тем кончился обряд и все присутствующие принялись за приготовленные яства.

V.

ДЖАДЖЫ. Божеству этому делают жертвоприношение следующим образом: когда снимут с полей хлеба и плоды с деревьев, то из каждого рода хлеба и плодов приготовляют пищу; все приготовленное ставят на стол и старший в семействе, сняв шапку, благодарит Джаджы за хороший урожай, ежели он действительно был хорош; если же был скуден, то просит, чтобы Джаджы вознаградил недостаток в будущем году.

В Бзыбском округе, [12] т. е. в окрестностях Пицунды, обряд этот совершается еще другой раз в половине великого поста; только в это время пища приготовляется постная.

* * *

Кроме описанных мною жертвоприношений, абхазцы совершают еще по разным случаям некоторые языческие обряды. Они следующие:

1) ГОУТАНУ.[13] Слово это взято из мингрельского языка и значит безрассветный, или дорассветный. Обряд этот совершается в Абхазии только в Абживском округе, [14] т. е. в селениях, смежных с Самурзаканью. [15]

Накануне рождества Христова в каждом семействе режут столько курей, сколько есть в семье душ обоего пола, и на каждого члена семейства приготовляют по 4 небольшие пшеничные булочки, начиненные сыром, называемые **кваквари**. До первых петухов куры должны быть изжарены и булочки испечены. Когда начнут петь петухи, то все семейство встает и приготовляется к обряду: хозяйка ставит на стол чашки, в которые кладут по одной курице, не разрезанной на части, и по 4 кваквари; к каждой чашке прилепляется восковая свеча, а впереди чашек ставят на особой посуде раскаленные уголья. После этого приготовления, все члены семейства становятся на колени кругом стола, каждый против своей чашки; старший в семействе, сняв шапку, бросает на уголья ладан и просит всевышнего, чтобы он предохранил его и все его семейство от кровавого поноса и т. п. Словом вся молитва заключается в том, чтобы у всех желудки были в надлежащей неправности. По окончании молитвы присутствующие встают, поворачиваются направо-кругом и кланяются к востоку. После этого садятся за стол и каждый принимается за свою порцию. Остатки же кушанья сожигают. Весь этот обряд должен кончиться до рассвета.

Так как ГОУТАНУ мингрельское слово, то я любопытствовал узнать, не совершается ли этот обряд и в Мингрелии; оказалось, что он был там совершаем до епископа Георгия; но этот преосвященный запретил совершать его, как несообразный с правилами нашей веры. В Самурзакани я не имел случая собрать сведения, совершается ли он там или нет.

2) КАЛАНДА. Обряд этот совершают тоже только в Абживском округе. Он заключается в следующем: накануне нового года, после

ужина. в каждом семействе приготовляют большой четырехугольный пирог, начиненный сыром, и пекут его. Когда начнут петь первые петухи, то пирог кладут на большую доску, прилепив к ней и зажженную восковую свечу; в то же время все члены семейства становятся около этой доски на колени и старший в семействе, бросив ладан на уголья, просит у Каланды всякого блага для своего семейства. После этого едят пирог, а оставшиеся части сожигают. Обряд этот, как и предыдущий, должен кончиться до рассвета.

3) ГУНЫХВА.[16] В первый день нового года поутру пекут в каждом семействе столько небольших булочек, сколько есть членов в семействе, вложив в каждую сваренное и облупленное яйцо. Старший в семействе, поднося каждому члену семейства булочку к груди, просит бога, чтобы он избавил их от сердечных болезней. Потом каждый ест свою булочку. «Гуныхва» значит сердечная молитва.

С наступлением нового года младшие поздравляют старших и в подарок подносят дрозда. Для этого случая каждый старается снять дрозду голову пулею, дабы показать свою ловкость в стрельбе. Поздравляющие получают подарки за поздравление.

4) Когда в летнее время сделается засуха, то обыкновенно деревенские девушки собираются, в лучших своих нарядах; не вдалеке от речки или ручья и, разделившись на три части, одна часть отправляется к речке и устраивает из ветвей плот, другая часть сносит к плоту сухую солому, а остальные наряжают куклу, в виде женщины. После этих приготовлений, выпросив у какого-либо поселянина эшака, покрывают его белою простыней и сажают на него куклу. Одна из девушек берет за повод узду, надетую на эшака; две становятся на обе стороны эшака и поддерживают куклу; остальные, разделившись на две части, становятся по обе стороны эшака и в таком порядке открывают шествие к месту, где устроен плот, и поют следующую песню: «Дзиваy, дзывава, дзири, ква, ква мыкрылд апш ах,* и па дыдзыщвойт дзы хучик, дзы чучик»,[17] т. е. «Воды дашь, воды дашь! воду дождеву, маргаритку красную. Сын владыки жаждет немного воды, немного воды».

Спеваясь таким образом, девушки приводят эшака к плоту, снимают с него куклу, сажают ее на плот, зажигают наброшенную на него солому и зажженный плот пускают по течению воды; потом заставляют эшака выкупаться в той же речке, чему тот, разумеется, противится. Тогда девушки, вооружась хлыстами, заграждают ему дорогу и вгоняют в речку. Эшак, переплыв речку и вышедши на противоположный берег, обыкновенно начинает реветь, вероятно из радости, что освободился от этих церемоний; но девушки это принимают за хороший признак и уверены, что будет дождь. После этого они возвращаются по домам, напевая народные песни.

5) В первый день великого поста девушки-невесты не едят ничего целый день и каждая приготовляет своеручно, в большом секрете, по 4-е маленьких конусообразных хлеба из гомии или муки, постные и без всякой примеси. При закате солнца они варят эти хлебы; когда же

* Слово ыj имеет двоякое значение: владыко и владетель.

совершенно стемнеет, то каждая, положив приготовленный таким образом хлеб в чашку, отправляется к предупрежденной уже заблаговременно, недавно вышедшей замуж женщине. Замужняя женщина принимает девушек в особом строении [18] и когда все соберутся, то ставит их на колени в полукружке, приказав каждой из них держать перед собою раскрытую чашку с хлебами; сама же, став перед ними и произнося слова: «Мумир ах, Сумыр ах,* просит для девушек хороших женихов. Если девушка дворянка или высшего сословия, то для нее просит жениха красивого, умного, храброго и гостеприимного; если же девушка из простого сословия, то молодого, пригожего, хорошего хозяина и гостеприимного, и заклинает, чтобы суженый каждой из девушек показался им во сне. Потом она разламывает по одному хлебу из принесенных девушками и дает им отведать. После этой церемонии девушки встают и расходятся, унося с собою остальные хлеба. Ложась спать, они кладут их под голову. На другой день, проснувшись, вынимают секретно спрятанные под подушку хлеба, разламывают их и в каждом находят волосы такого цвета, какие будет иметь жених. Во время же сна каждая видела уже своего суженого. Таков предрассудок или уверенность у абхазских женщин, и замужние доказывают, что они на опыте убедились в справедливости выше сказанного.

---

* Мумыр ах, сумыр ах, значит: Мумыр—владыко; что же означают слова мумыр и сумыр, неизвестно.

ПРИМЕЧАНИЯ

к статье С. Званба „Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии"

1. Правильно — Шасвы (შაშვგ).
2. აჟეიფშაა აბნა ინცაახუ.
3. Правильно — Джаджа (ჯაჯა). С. Званба выражается об этом божестве, как о существе мужского пола („Джаджы вознаградил"), что неверно, как это замечает и Г. Ф. Чурсин (Указ. рук., стр. 148).
4. Речь идет, очевидно, об общинной молитве, известной под названием ацуныхва (აცუნჭაა). Молитва совершалась, как правило, при указанных С. Званба обстоятельствах.
5. Абыста-гоми, мамалыга.
6. Ашвымкят (აშვმკათ).
7. Правильно — анцва рашва (ანცაა რაშაა).
8. Правильно — анцва дыукуа злыпха хаура (ანცაა დუუქუა ზლეფხა ჰაურა).
9. Правильно — ах дыу (აჰ დუ).
10. შაშვგ აბეჟნეხა.
11. Правильно — хах дыу (ჰაჰ დუ).
12. Бзыбский округ охватывал северо-западную часть Абхазии, от г. Сухуми (современ. — частично Сухумский район, Гудаутский и частично Гагрский).
13. Правильно Готануа (გოთანუა). По-абхазски называется, пишет Н. С. Джанашия, шарп-ныхва (შაარფ-ნეჭა) — утреннее моление, по мегрельское название (Готануа) „больше в обиходе". Ко времени издания работы Н. С. Джанашия „Религиозные верования абхазов" („Христианский восток", Петроград, т. IV, вып. I, 1915 г.) он сохранялся лишь „у некоторых родов". Обычай этот, видимо, древнего происхождения и, между прочим, интересен как факт духовного общения между абхазами и мегрелами и в далеком прошлом.
14. Правильно — Абжуйский округ, современ. Очамчирский район.
15. Современ. Галский район.
16. გუნჭაა.
17. Текст песни „Дзиоу" (а не „Дзвау") искажен очень сильно. Даже запятые проставлены так, что местами разделяют одно слово на две части; напр., ах ипа-აჰ ოფა (сын владыки или владетеля) записано: „ах, и па".

В исправленном виде текст, приводимый С. Званба, выглядит так: „Дзиоу, Дзиоу, дзари кваква, мыркылд апш, ах ипа (по другому варианту — ах ипха-აჰ ოფჰა — дочь владыки или владетеля) дзыша дакыит, дзы хучык". Но это лишь часть песни; вот ее продолжение: „Хучык азы дахзытиуам, дыук азыха дахтиуент" („ხუჩკ აზგ დაჰზეთიუამ, დეუკ აზგჰაა დაჰთიუეიტ"), т. е. „из-за малости не можем

отдать, за большую (при обилии) отдадим". Песня древнего происхождения и текст очень трудный, отдельные слова различными исследователями понимаются различно (см. Н. Я. Марр. О религиозных верóваниях абхазов. Сб. „О языке и истории абхазов", стр. 113—115; И. А. Джавахишвили. ქართველი ერის ისტორია, изд. 1913 г., т. 1, стр. 128; Н. С. Джанашия. Абхазский культ и быт. „Христианский восток", Петроград, 1917 г., т. V, вып. III, стр. 161—162; Г. Ф. Чурсин. Указ. рук., стр. 160—161), перевод С. Званба носит характер догадки.

18. Отдельный брачный домик, известный под названием амхара (ამჰარა).

* * *

Примечания, помещенные в тексте и обозначенные звездочками, принадлежат С. Званба.

გ. ძიძარია

სოლომონ ზვანბა

(ბიოგრაფიულ-ბიბლიოგრაფიული ნარკვევი)

ᲜᲐᲬᲘᲚᲘ

სოლომონ თემურყვას-ძე ზვანბას (1809-1855 წ.წ.) სახელი მჭიდროდაა დაკავშირებული აფხაზეთის ეთნოგრაფიის შესწავლის ისტორიასთან. პოდპოლკოვნიკი ს. ზვანბა რუსეთის არმიაში მსახურობდა და თავი გამოიჩინა ყირიმის ომის დროს; იგი დაიღუპა 1855 წლის 25 ოქტომბერს თურქეთის ჯარების წინააღმდეგ ბრძოლაში მდ. ენგურთან, სადაც ის ფრონტის უმნიშვნელოვანეს უბანს იცავდა. ს. ზვანბამ იმ მასალების საფუძველზე, რომლებიც მან მოსახლეობასთან უშუალო ურთიერთობის შედეგად შეკრიბა, თბილისის გაზეთ „კავკაზი"-ს ფურცლებზე გამოაქვეყნა სტატიები: „Зимние походы убыхов на Абхазию" (1852 წ.; რომელშიაც საინტერესო მასალაა მოცემული უბიხების სამხედრო წყობის შესახებ), „Обряд жертвоприношения святому победоносцу Георгию, совершаемый ежегодно абхазцами" (1852 წ.), „Поцелуй за занавесом" (1853 წ.; ლაპარაკია აფხაზების საქორწინო ჩვეულებებზე), „Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии" (1855 წ.).

ს. ზვანბას მცირე ლიტერატურული მემკვიდრეობა, რაც კარგა ხანია ბიბლიოგრაფიული იშვიათობა გახდა, ყურადღებას იპყრობს როგორც დიდი მეცნიერული ინტერესის შემცველი მასალა (რელიგიური ჩვეულების ზოგიერთი მოვლენა, აღწერილი ს. ზვანბას მიერ, კარგა ხანია დავიწყებულია). ამასთანავე მან (ს. ზვანბას მემკვიდრეობამ) საგრძნობი როლი ითამაშა აფხაზეთის ეთნოგრაფიასთან დაკავშირებული ლიტერატურის განვითარების საქმეში. ეს განსაკუთრებით ითქმის მის სტატიაზე „აფხაზური მითოლოგია", რომელიც თან ერთვის ამ ჩვენს ნარკვევს.

ჩვენ თანმიმდევრულად გავაღევნეთ თვალი სოლომონ ზვანბას მიერ შეგროვილ მასალების სხვა მკვლევართა მიერ გამოყენების ფაქტს და ყურადღება მივაქციეთ ამ მკვლევართა მიერ ს. ზვანბას შრომების ღირსებანაკლოვანებათა შეფასებას. ნარკვევში შეტანილია აგრეთვე ს. ზვანბას შესახებ ბიოგრაფიული ხასიათის ცნობები, რომლებიც ამოკრეფილია სხვადასხვა არქივებიდან და ლიტერატურული წყაროებიდან.

დ. ფიკლაური
ტექნიკურ მეცნიერებათა კანდიდატი

ჰაერიღის ტიპის ჰიდროკომპრესორის მუშაობის თეორიული საფუძვლები

1. საერთო ცნობები

შეკუმშულ ჰაერს ფართო გამოყენება აქვს სახალხო მეურნეობისა და წარმოება-მრეწველობის სხვადასხვა დარგში.

სამთო საქმიანობაში, გადასატან პნევმატიკურ იარაღების (პერფარატორების, ჩაქუჩების, ბურღების და სხვ.) მოქმედება შეკუმშული ჰაერით წარმოებს; წყალმომარაგებაში და ნავთობის საქმეში, წყლის ან ნავთობის ამოტუმბვა ხშირად შეკუმშული ჰაერის საშუალებით ხდება. რკინიგზასა და სააღმშენებლო საქმეში, აგრეთვე კომუნალურ მეურნეობაში სხვადასხვა სააღმშენებლო და საექსპლოატაციო პროცესების შესრულებისას ხშირად შეკუმშული ჰაერით სარგებლობენ.

ენერგეტიკული თვალსაზრისით შეკუმშულ ჰაერს შემდეგი დადებითი მხარეები აქვს: მაღალი წნევის ჰაერის რეზერვუარებში ან გადასატან ბალონებში შენახვის შესაძლებლობა; შეკუმშულ ჰაერის დრეკად ენერგიის სრული (მთლიანი) გამოყენება და მისი იოლი ტრანსპორტირება.

ამჟამად შეკუმშული ჰაერის მიღება მექანიკური ქმედების კომპრესორებით წარმოებს.

არსებობს კიდევ **ჰიდრავლიკური ქმედების** კომპრესორები, რომელთა კონსტრუქტიული გაფორმება მეტად მარტივია და მაღალი მარგი ქმედების კოეფიციენტით ხასიათდებიან.

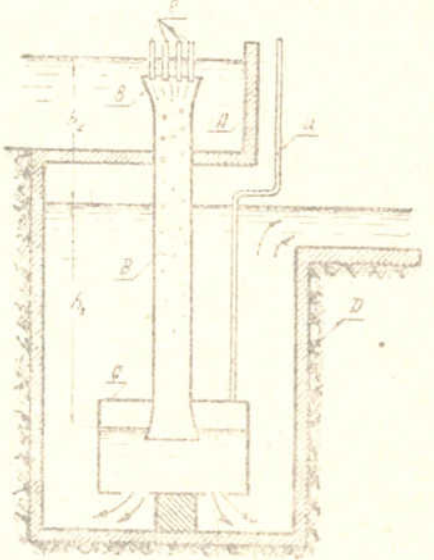
ჰიდრავლიკური კომპრესორის პრინციპიალური სქემა 1 ნახაზზეა წარმოდგენილი. კომპრესორი შემდეგ ელემენტებს შეიცავს: A საწნევო კამერას სათავე მოწყობილობით, B მუშა მილს, C სეპარატორს შეკუმშული ჰაერის მილით და D შახტს.

სათავე მოწყობილობა b ძაბრით — საწნევო აუზს წარმოადგენს.

ძაბრზე რამდენიმე (ორივე მხრიდან ღია) e მილაკებია დამაგრებული. ამ მილაკების ზემო ღია ნაწილი ატმოსფეროსთან შეხებაშია, ქვემო კი წყლით არის დაფარული. ძაბრი მუშა მილს უერთდება, ეს უკანასკნელი კი სეპარატორს. მუშა მილი და სეპარატორი შახტშია მოთავსებული, რომლის კედლები სათანადოდ მოპირკეთებულია და წყლისა და ყამირის წოლვაზეა გაანგარიშებული.

ჰიდრავლიკური კომპრესორი შემდეგნაირად მოქმედებს: წყლის ნაკადი მიმყვანი არხით საწნევო აუზში ისხმება, აქედან კი b ძაბრით B მუშა მილში გადადის. გადასვლის მომენტში, წყლის ჭავრილი e მილაკებთან უშუალო შეხებაშია, ამასთან ჰაერის ნაწილაკებსაც იტაცებს და ცალკეულ ბუშტების სახით, მუშა მილით სეპარატორში გადააქვს.

ამრიგად, მუშა მილში წარმოშობილი **წყალჰაერის ნარევი** სეპარატორში გადმოდის. სეპარატორში წყალჰაერის ნარევის ჰავრილის სიჩქარე მნიშვნელოვნად მცირდება, რაც ხელს უწყობს ჰაერის ბუშტების წყლის თავისუფალ ზედაპირის ზემოთ ამოტივტივებას. შეკუმშული ჰაერი სეპარატორის ზემო არეში გროვდება, საიდანაც a მილის საშუალებით მოხმარების ადგილზე გადაიტანება. წყლის ნაკადი კი სეპარატორის ფუძეზე დატანებულ ხვრელებით შახტში გადადის, აქედან გამყვან არხის საშუალებით გარეთ გამოდის.

ფიგ. 1. **ჰიდროკომპრესორის სქემა**

წყლის მოძრაობა hd ვარდნის სიმაღლით წარმოებს, წყალის ჩადინება კი hd + hs სიღრმემდე ხდება. შეკუმშული ჰაერის სეპარატორში hs ჩაღრმავებაზეა (სიღრმეზე) დამოკიდებული.

მიღებული შეკუმშული ჰაერის რაოდენობა კომპრესორში გამავალ წყლის ხარჯის რაოდენობაზეა დამოკიდებული.

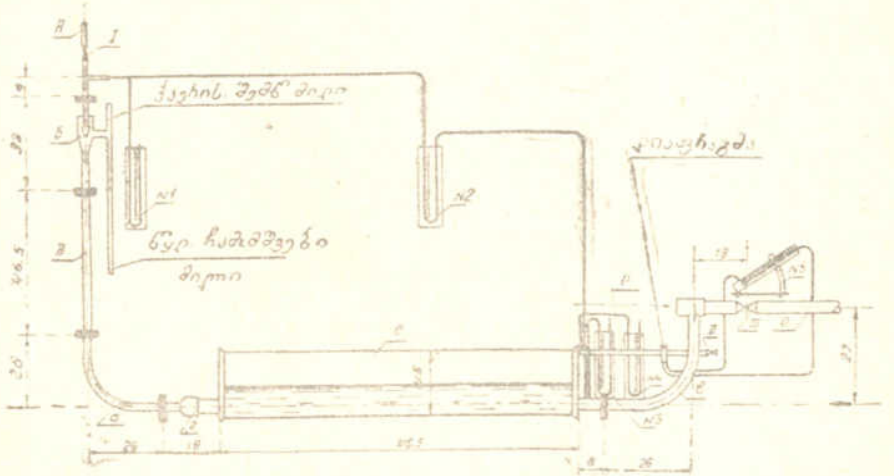
ჰიდრავლიკური მეთოდით მიღებული შეკუმშული ჰაერის ტემპერატურა წყლის ტემპერატურას უახლოვდება, იგი ნაკლებათ ნესტიანია და თითქმის არ შეიცავს მტვერსა და მექანიკურ შენარევებს. (ლიტ. 1, გვ. 28 და ლიტ. 2, გვ. 23).

ჩვენს მიერ დამუშავებული ჰავრილის ტიპის ჰიდროკომპრესორი მარტივ დადგმულობას წარმოადგენს, რომელიც ტექნიკურად ადვილად შესასრულებელ და იოლად მოსაელელ მანქანას მიეკუთვნება. ამ ჰიდროკომპრესორის გამოყენება პრაქტიკულად დიდი მასშტაბითაა შესაძლებელი.

უნდა აღინიშნოს, რომ ჰიდროკომპრესორები მანქანების ისეთ კლასს მიეკუთვნება, რომლებიც შეკუმშულ ჰაერის მიღებისას, ნაკადის მექანიკურ ენერგიას უშუალოდ იყენებენ. ამ ტიპის მანქანების დანერგვა საბჭოთა კავშირის წარმოება-მრეწველობის ისეთ რაიონებშია შესაძლებელი, რომლებიც შეკუმშული ჰაერით მომარაგებას მოითხოვენ და ამასთან ეს რაიონები წყლის საკმაო რაოდენობით უზრუნველყოფილნი არიან. წყლის მექანიკური ენერგიის

უშუალოდ გამოყენება კი საშუალებას მოგვცემს ელექტრო-ენერგიის მნიშვნელოვან ეკონომიას, რომელიც შეიძლება გადაცემულ იქნეს საწარმოებში სხვა და სხვა სახის პროცესების შესასრულებლად.

ჩვენს მიერ კონსტრუირებული ჰიდრავლიკური კომპრესორი 2-რე ფიგურაზეა წარმოდგენილი. ჰიდროკომპრესორის მოდელი [1]) შემდეგ ძირითად ნაწილებისაგან შედგება: A მიმყვან (მკვებავ) მილისაგან I ონკანით, Б ჰაერილის ტუმბოსაგან (სათავე მოწყობილობა), B მუშა მილისაგან, რომელიც a მუხლის საშუალებით C სეპარატორს უერთდება. სეპარატორთან b მუხლათი o გამყვანი მილია შეერთებული, რომელზედაც III ონკანია დადგმული. სეპარატორის ზემო ნაწილთან ჰაერის მილია შეერთებული II ონკანით. ყველა შეერთებები მილტუჩებით არის შესრულებული. მიმყვან მილის კვეთია d=26 მმ, გამყვანის კი d=52 მმ, გადასვლა d=26 მმ-დან d=52 მმ კვეთზე (სეპარატორში შესავალთან) გადასაყვან r მუფთით არის განხორციელებული. ჰაერის მილის კვეთის d=13 მმ; დანარჩენ ნაწილების ზომები 2-ე ფიგურაზეა ნაჩვენები.

ფიგ. 2. ჰაერილის ტიპის ჰიდროკომპრესორის მოდელი

ჰაერილის ტიპის ჰიდროკომპრესორის მოქმედების პრინციპი ზემოთ აღწერილის ანალოგიურია: A მიმყვანი მილით წყალი წნევის ქვეშ Б ჰაერილის ტუმბოში გადის, სადაც წყლის ნაკადი დიდ სიჩქარეს ანვითარებს, ერთდროულად ჰაერის ნაწილაკებს იტაცებს და ვაკუმს წარმოშობს, რაც შემწოვი მილის საშუალებით ატმოსფეროს ჰაერის განუწყვეტელ შეწოვას გამოიწვევს. წარტაცებული ჰაერი (ბუშტების სახით) წყლის ჰაერილთან ერთად B მუშა მილით წყალჰაერის ნარევის სახით სეპარატორში გადადის. სადაც ამ ნარევის სიჩქარე მნიშვნელოვნად მცირდება. ამიტომ ჰაერის ბუშტები, ამწევი ძალების მოქმედებით, ამოტივტივებას იწყებენ და ამრიგად შეკუმშული ჰაერი სეპარატორის ზემო არეში გროვდება. წყლის ნაკადის გარეთ გამოდინება o გამყვან მილის საშუალებით ხდება, ხოლო შეკუმშულ ჰაერის გამოყენების ადგილზე მიწოდება e მილით ხორციელდება.

[1]) ჰაერილის ტიპის ჰიდროკომპრესორის მოდელი შესრულებულია ენერგეტიკულ ინსტიტუტის (საქ. მეცნ. აკად.) ჰიდროლაბორატორიაში.

წნევის გაზომვა დამახასიათებელ წერტილებში U მაგვარ და მიკრო-მანომეტრების საშუალებით ხდება [მანომეტრები №№ 1, 2, 3, 4 და 5] წყლის ხარჯისა და წნევის რეგულირება ონკანებით წარმოებს (I, II და III ონკანები).

ავტორს, წინამდებარე ნაშრომში, მიზნათ არ ჰქონდა დასახული ჰიდროკომპრესორების კონსტრუქციების აღწერა მოეცა. ავტორის მიზანდასახულებას შეადგენდა მკითხველი გასცნობოდა მის მიერ დამუშავებულ წყალჰაერის ნარევის ჰიდრავლიკურ თეორიასა და მარგი ქმედების კოეფიციენტის გამოსათვლელად მიღებულ თეორიულ ფორმულებს; აგრეთვე გასცნობოდა ამ თეორიული ფორმულების შემოწმების იმ შედეგებს, რომლებიც ჰიდროკომპრესორის მუშაობის ლაბორატორულ გამოკვლევის საფუძველზე იქნა მიღებული.

2. შეღულ მილში წყალჰაერის ნარევის წინაღობის ამოცანის გადაწყვეტის საერთო პრინციპი და მიღებული დაშვებები

წყალჰაერის ნარევის მოძრაობისას (ჰიდროკომპრესორში) წნევის სიდიდე P_n ატმოსფერულ — საბოლოო P_1 წნევამდე იცვლება. ამიტომ ჰაერის მოცულობითი ხარჯი და წყლის მოძრაობის სიჩქარე მუშა მილის ყოველ კვეთში ცვალებადი იქნება, მიუხედავად ამისა, წყლისა და ჰაერის წონითი ხარჯი მუშა მილის ყოველ კვეთში მუდმივი დარჩება.

რადგან წყლისა და ჰაერის მოცულობითი წონა ერთმანეთისაგან განსხვავებულია, ამიტომ ჰაერის ბუშტები ცდილობენ წყლის მოძრაობის საწინააღმდეგოთ ამოტივტივებას. ამასთან ბუშტების მოძრაობისას ქვევით, მათი ზომები და ამწევი ძალების გავლენა თანდათან მცირდება.

ბუშტების ტრანსპორტირებისათვის წყლის მოძრაობის სათანადო სიდიდის სიჩქარის შექმნაა საჭირო, ამასთან ნარევის იმ ზონაში, სადაც ბუშტები მეტად შეკუმშულია, იქ წყლის მოძრაობის სიჩქარე კლებულობს, ჰიდრავლიკური კარგვების სიდიდე მცირდება, პოტენციალური ენერგია კი იზრდება.

ბუშტის ზემო წახნაგზე წარმოშობილი ხალასი წნევა არ არის გაწონასწორებული ქვემო წახნაგზე მოსული წნევით: ამ წნევების სხვაობა კი ეთანადება ბუშტის ჰიდრავლიკურ წინაღობის სიდიდეს (ლიტ. 3, გვ. 146).

შეეცადნოთ შემდეგი გამარტივებანი: დავუშვათ, რომ ჰაერის ბუშტების მოძრაობისას, მათი სფერული ფორმა უცვლელია, ბუშტები მილის განსახილველ მცირე სიგრძის მონაკვეთში და განივკვეთში განაწილებულია თანაბრად და აქვთ ერთი და იგივე სიმსხო. ჰაერის მოცულობის წონას (წყლის მოცულობის წონასთან შედარებით) მხედველობაში არ ვიღებთ. აგრეთვე ბუშტების ზედაპირული ხახუნის ძალები, მათი სიმცირის გამო გამოტოვებულია. ჰაერის კუმშვის პროცესი იზოტერმიულია მიღებული. ნაგულისხმევია ერთგვაროვანი წყალჰაერის ნარევი, რომელიც დამყარებული სახით მოძრაობს. წყალჰაერის ნარევის მოძრაობის საერთო განტოლების შედგენისას ცოცხალ ძალების კანონს ვემყარებით.

3. წყალჰაერის ნარევის მოძრაობის განტოლება

განვიხილოთ წყალჰაერის ნარევის უწყვეტი მოძრაობა; მივიღოთ შემდეგი აღნიშნები: Q_w წყლის ხარჯია, q_n წყლის მიერ შეწოვილი (წარტაცებული) ატმოსფერული წნევის ჰაერის მოცულობა დროის ერთეულში, P_1 კი შეკუმშული ჰაერის საბოლოო წნევაა (სეპარატორში).

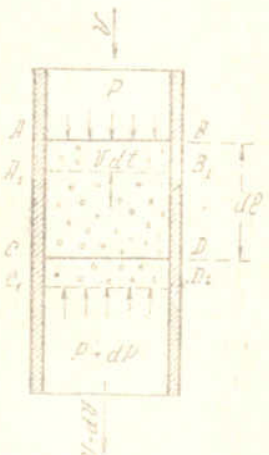
განვიხილოთ dl სიგრძის მუშა მილის ABCD მონაკვეთი F განიკვეთით (ფიგ. 3), რომელშიაც წყალჰაერის ნარევი დამყარებული სახით მოძრაობს. ამ მონაკვეთის მოცულობა

$$Q_c = Fdl \qquad (1)$$

წყლის $Q_{ж}$ და ჰაერის $q_в$ მოცულობებს შეიცავს.

დავუშვათ, რომ განსახილველ მონაკვეთის საწყის AB კვეთში წყლის წნევა და სიჩქარეა: P და V, ჰაერის ბუშტებს ამავე კვეთში (v-w) სიჩქარე აქვთ; აქ w ბუშტის ამწევი სიჩქარეა უსასრულოდ მცირე dt დროის განმავლობაში.

ბოლო DC კვეთში წყალის ნაკადი (P + dP) წნევას და (v-dv) სიჩქარეს ღებულობს, ხოლო ბუშტების სიჩქარე [(v-dv) — (w-dw)] სიდიდეს აღწევს.

ფიგ. 3. მუშა მილის მონაკვეთი

AB ზედაპირი dt დროის განმავლობაში vdt მანძილზე გადაადგილდება, CD კი (v-dv) dt მანძილზე.

ცნობილია, რომ დამყარებულ მოძრაობის რეჟიმის განხილვისას გარე და შიგა ძალების მუშაობის ჯამი, ცოცხალ ძალების (კინეტიკურ ენერგიის) მუშაობის ჯამის ტოლია.

გარე ძალების მუშაობა

ა) წნევის ძალების მუშაობის გამოსახულება

რადგან განსახილველ ABCD მონაკვეთში ჰაერის ბუშტები თანაბრად განაწილებულია, ამიტომ AB ზედაპირზე მოქმედი წნევა შემცირებულ იქნება $\frac{q_в}{Q_c}$ სიდიდეზე და სრული წნევა AB ზედაპირზე ტოლი იქნება: $\frac{q_c - FP}{Q_c}$

მუშაობა კი $\frac{q_в}{Q_c} FPvdt.$ (ა)

CD ზედაპირისათვის წნევის სიდიდეს და მუშაობის გამოსახულებას ანალოგიურადვე მივიღებთ: $-F(P+dP)\ q_в/Q_c$ და

$$-(P+dP)\frac{q_в}{Q_c}(v-dv)\ dt. \qquad (ბ)$$

(ა) და (ბ) გამოსახულებების შეჯამება წნევის ძალების მუშაობის სიდიდეს გვაძლევს, ე. ი.

$$q_в/Q_c\,FdPvdt - q_в/Q_c\,F(P+dP)\ (v-dv)\ dt = -\frac{q_в}{Q_c}FdPvdt. \qquad (2)$$

ბ) სიმძიმის ძალის მუშაობა

ზემოთ მიღებულ დაშვებების საფუძველზე, $q_в/Q_c$ შეფარდება განსახილველ ABCD მონაკვეთისათვის შეგვიძლია მუდმივად ვიგულისხმოთ. ამიტომ წყლის მოცულობა ამ მონაკვეთში ტოლია $Fdl\ q_в/Q_c$, მისი წონა კი $\gamma Fdl\ q_в/Q_c$ იქნება, მაშინ წყლის სიმძიმის ძალის მუშაობა დროის განმავლობაში ასე წარმოგვიდგება:

$$\gamma Fdl\,q_в/Q_c\,vdt = -\gamma q_в\,vdt. \qquad (3)$$

მიღებულ გამოსახულების წინ უარყოფითი ნიშანი გვიჩვენებს, რომ ნაკადის სიჩქარე შეუღი მიმართულებით კლებულობს.

შიგა ძალების მუშაობა

გ) წყლის წინაღობის ძალების მუშაობა

განსახილველ ABCD მონაკვეთში წყლის მოცულობა ასე დავწეროთ: $(1-\beta)Fdl$, სადაც $\beta = q_в/Q_c = \frac{C}{1+C}$ ჰაერის კონცენტრაციაა მილის მონაკვეთის Q_c მოცულობასთან შეფარდებით, C კი იგივე ჰაერის კონცენტრაციაა $Q_ж$ წყლის ხარჯთან შეფარდებული. წყლის წინაღობის ძალა შემდეგნაირად დაიწერება $\gamma\lambda\frac{V^2}{2gD}(1-\beta)\ Fdl$, მუშაობა კი

$$dA_1 = i_o\gamma(1-\beta)Fdlvdt, \qquad (3)$$

სადაც $i_o = \frac{\lambda V^2}{2gD}$ ჰიდრავლიკური ქანობია.

დ) წყლის ნაკადისა და ჰაერის ბუშტების ურთიერთქმედების ძალების მუშაობის გამოსახულება

ჰაერის ერთი ბუშტისა და წყლის ნაკადის ურთიერთქმედების ძალა ტოლია: $P' = -\frac{\gamma\pi r^2}{2g}C_ф\,W^2$. ამ ძალების მუშაობა dt დროის განმავლობაში, ბუშტის wdt ფართობითი გადაადგილებისას ასე დაიწერება;

$$dA_2 = WdtP' = -\frac{\gamma\pi r^2}{2g}C_ф W^3 dt. \qquad (გ)$$

მოცემულ ABCD მონაკვეთში წყლის ნაკადის მიერ შესრულებული სრული მუშაობა n რიცხვის ბუშტების ტრანსპორტირებისათვის ტოლი იქნება:

$$\Sigma dA_2 = n dA_2, \qquad (დ)$$

სადაც n ბუშტების რაოდენობაა განსახილველ ABCD მონაკვეთში.

ე) ჰაერის ბუშტების დრეკადი ძალების მუშაობა

თითოეულ ბუშტის გადაადგილება dt დროის განმავლობაში $dh=(v-w)dt$ მანძილზე ხდება, ამავე დროს ბუშტის შიგა წნევა $dp=\gamma dh=\gamma(v-w)dt$ — მდე იზრდება. ჰაერის იზოტერმული შეკუმშვისას, დრეკადი ძალების მუშაობა ერთი ბუშტისათვის ასე გამოისახება:

$$dA_3 = \frac{4}{3}\pi r^3 dP = \frac{4\pi r^3}{3}\gamma(v-w)dt \qquad (ე)$$

n ბუშტებისათვის შესრულებული სრული მუშაობა კი

$$\Sigma dA_3 = n dA_3. \qquad (ზ)$$

ამრიგად, შიგა ძალების მუშაობის საერთო ჯამი ნაკადის მიერ ჰაერის ბუშტების ტრანსპორტირებისათვის დახარჯული dt დროის განმავლობაში, ტოლი იქნება:

$$\Sigma dA = -[i_0\gamma(1-\beta)Fdlvdt + nd(A_2+A_3)dt]. \qquad (თ)$$

(თ) განტოლებაში ზემოთ მიღებული (გ) და (ე) განტოლებები შევიტანოთ და რადგან $n=\frac{q_в}{\frac{4}{3}\pi r^3}=\frac{\beta Fdl}{\frac{4}{3}\pi r^3}$, ვიპოვით:

$$\Sigma dA = -\left[i_0(1-\beta)v + \frac{3w^2C\psi}{8\,gr} + \beta(v-w)\right]\gamma Fdldt. \qquad (4)$$

ვ) ცოცხალ ძალების (კინეტიკურ ენერგიის) მუშაობის გამოსახულება

დამყარებული მოძრაობის დროს ABCD მონაკვეთის კინეტიკური ენერგია უცვლელია. იხარჯება ABB′A′ და იმატებს CDD′C′ კინეტიკური ენერგია. ABB′A′ ნაწილის კინეტიკური ენერგიის გამოსახულება იქნება:

$$\frac{\gamma}{g}Fvdt\,\frac{q_в}{Qc}\,\frac{V^2}{2}, \qquad (ი)$$

CDD′C′ ნაწილისათვის კი

$$-\frac{\gamma}{g}Fvdt\,\frac{q_в}{Qc}\,\frac{(v-dv)^2}{2}. \qquad (კ)$$

ამ ენერგიების სრული მუშაობა (ი) და (კ) გამოსახულებების სხვაობას წარმოადგენს, ე. ი. $\frac{\gamma}{g}Fvdt\,q_в/Qc\,\frac{V^2}{2}-\frac{\gamma}{g}Fvdt\,\frac{q_в}{Qc}\,\frac{(v-dv)^2}{2}=$

$$=\frac{\gamma}{g}Fvdt\,\frac{q_в}{Qc}vdv-\frac{\gamma}{g}Fvdv\,\frac{q_в}{Qc}\,\frac{d^2v}{2}. \qquad (ლ)$$

მიღებულ განტოლების გარდაქმნისა და მეორე რიგის უსასრულოდ მცირე წევრების მოცილების შემდეგ, მივიღებთ:

$$A_4=\frac{q_в}{Q_c}\gamma Fvdtvdv. \qquad (5)$$

ზ) მოძრაობის განტოლება

წყალჰაერის ნარევის მოძრაობის განტოლება გარე და შიგა ძალების მუშაობების კინეტიკურ ენერგიის მუშაობასთან გატოლების შედეგად მიიღება, ე. ი.

$$-\frac{q_в}{Q_c}FdPvdv-\gamma q_в\,vdt-\left[io\,(1-\beta)+\frac{3w^3\beta C_ф}{8gr}+\right.$$

$$\left.+\beta(v-w)\right]\gamma Fdldt=\gamma\,Fvdt\,\frac{q_в}{Q_c}vdv. \qquad (8)$$

დაწერილ განტოლების თითოეული წევრი $\gamma Fvdldt$ წევრზე გავყოთ; მივიღოთ მხედველობაში, რომ $Fdl=Q_c$ და $dl=dh$ ამასთან მოვახდინოთ სათანადო გარდაქმნები, მაშინ გვექნება:

$$-(1-\beta)\left[\frac{1}{dh}\left(\frac{dP}{\gamma}+\frac{vdv}{g}\right)+1\right]=\left[io\,(1-\beta)v+\frac{3w^3\beta C_ф}{8gr}+\beta(v-w)\right]\frac{1}{v}. \qquad (6)$$

ამ (6) განტოლების გადასაწყვეტათ საჭიროა ჰაერის ბუშტის ამწევი სიჩქარის (w) მნიშვნელობის განსაზღვრა.

თ) ჰაერის ბუშტის ამწევი სიჩქარის გამოსახულება

W ამწევი სიჩქარის მნიშვნელობა ბუშტის ამწევი ძალისა და ბუშტის (ფორმის) წინაღობის გატოლების პირობიდან განისაზღვრება:

ამწევი ძალა ტოლია:

$$P_{под}=\gamma\frac{4}{3}\pi r^3$$

ბუშტის წინაღობის ძალა კი

$$P'=C_ф\gamma\frac{\pi r^2}{2g}w^2.$$

ამ გამოსახულებების თანასწორობიდან

$$P_{под}=P'$$

W ამწევ სიჩქარის მნიშვნელობას ვპოულობთ:

$$W=\sqrt{\frac{8gr}{3\,C_ф}}. \qquad (7)$$

ი) მოძრაობის განტოლების გადაწყვეტა

ზემოთ მიღებულ (6) მოძრაობის განტოლებაში ამწევი სიჩქარის კვადრატის მნიშვნელობა $\left[w^2=\frac{8gr}{3\,C_ф}\right]$ შევიტანოთ და მოვახდინოთ მოქმედებები,

მაშინ განტოლება ასეთ სახეს მიიღებს

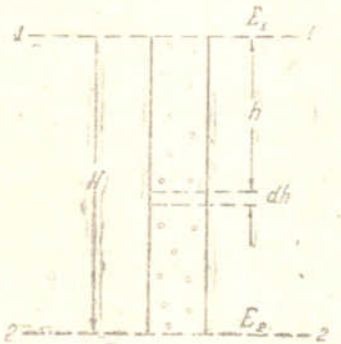
$$-\frac{d}{dh}\left[\frac{P}{\gamma}+h+\frac{v^2}{2g}\right]=i_0+\frac{\beta}{1-\beta}, \qquad (8)$$

სადაც $i_{ем}=i_0+\frac{\beta}{1-\beta}$ წყალჰაერის ნარევის ჰიდრავლიკური ქანობია.

დაწერილ (8) დიფერენციალურ განტოლების ინტეგრირება (1—1) და (2—2) ზღვრებში, ე. ი. H სიღრმეზე (ფიგ. 4) გვაძლევს:

$$E_1-E_2=\int_{(н)} i_{ем}\,dh, \qquad (б)$$

სადაც E_1 და E_2 1 და 2 კვეთებში კუთრი ენერგიის მნიშვნელობებია, ამიტომ ამ ენერგიების

ფიგ. 4. შვეული მუშა მილის მონაკვეთი

სხვაობა ჰიდრავლიკურ კარგვების მნიშვნელობას იძლევა

$$E_1-E_2=h_{пот}.$$

მ ა შ ა ს ა დ ა მ ე

$$h_{пот}=\int_{(н)}\left(i_0+\frac{\beta}{1-\beta}\right)dh,$$

ან $$\Sigma\, h_{пот}=i_0\,H+\int_{(н)}\frac{\beta}{1-\beta}\,dh, \qquad (9)$$

აქ $\beta=\frac{const}{Kh+ha}$ ჰაერის კონცენტრაციაა ნებისმიერად აღებულ h სიღრმეზე, სადაც $K<1$, დაუშვათ, რომ $K=1$, ე. ი. მხედველობიდან თუ გამოვტოვებთ ჰიდრავლიკურ კარგვებს, მაშინ $h=\frac{const}{\beta}-ha$, რომლის გადიფერენცია-

ლება გვაძლევს: $dh=-\frac{const}{\beta^2}d\beta$. შევიტანოთ dh მნიშვნელობა (9) ფორმულაში, გვექნება:

$$h_{пот}=i_0 H-const\int_{\beta_2}^{\beta_1}\frac{d\beta}{\beta(1-\beta)}=i_0 H-const\left(\ln\frac{1-\beta}{\beta}\right)_{\beta_2}^{\beta_1},$$

ან თუ ზღვრებს შეუცვლით, მაშინ

$$h_{пот}=i_0 H+const\int_{\beta_1}^{\beta_2}\frac{d\beta}{\beta(1-\beta)}=i_0 H+const\left(\ln\frac{1-\beta}{\beta}\right)_{\beta_1}^{\beta_2}, \qquad (ო)$$

სადაც $const=\beta_1 ha$. ჰაერის კონცენტრაცია H სიღრმეზე ტოლი იქნება: $\beta_2=\beta_1\frac{ha}{ha+H}$ აქ, β_1 ჰაერის კონცენტრაციაა ატმოსფერულ წნევისას, რა კი ატმოსფერულ წნევის დაყვანილი სიმაღლეა.

ამრიგად, გვექნება ჰიდრავლიკური კარგვების გამოსახულება შეუღ მუშა მილში:

$$h_{пот}=i_0 H+\beta_1 ha\ln\frac{(1-\beta_2)\beta_1}{(1-\beta_1)\beta_2}, \qquad (10)$$

როგორც მიღებულ ფორმულიდან ჩანს ჰაერის კონცენტრაციის გაზრდით ნაკადში, ჰიდრავლიკური კარგვები გაიზრდება, ამიტომ ჰიდრავლიკური მარგი ქმედების კოეფიციენტი შესაბამისად შემცირდება.

სინამდვილეში, როდესაც $K<1$, მაშინ $\beta=\beta_1\frac{ha}{Kh+ha}$, $\beta_2=\beta_1\frac{ha}{KH+ha}$, $h=\beta_1\frac{ha}{K\beta}-ha/K$, საიდანაც $dh=\beta_1\frac{ha}{K\beta_2}d\beta$, რომლის (9) ფორმულაში შეტანით და სათანადო გარდაქმნის შემდეგ მივიღებთ:

$$h_{пот}=i_0 H+\beta_1\frac{ha}{K}\ln\frac{(1-\beta_2)\beta_1}{(1-\beta_1)\beta_2}, \qquad (11)$$

სადაც $K=\frac{h_2}{H}$ შეუღი მილის ჰიდრავლიკური მარაგი ქმედების კოეფიციენტია, ამიტომ $KH=h_2$, აქ h_2 შეკუმშულ ჰაერის შესაბამისი პიეზომეტრული სიმაღლეა მუშა მილის H სიღრმეზე (ფიგ. 4). (11) ფორმულაში შემავალი შეფარდება $\frac{(1-\beta_2)\beta_1}{(1-\beta_1)\beta_2}$ ასეთნაირად გარდავქმნათ:

$$\frac{\beta_1}{\beta_2}=\frac{KH+ha}{ha};\quad \frac{(1-\beta_2)}{(1-\beta_1)}=\frac{KH+ha-\beta_1 ha}{(KH+ha)(1-\beta_1)}=\frac{\frac{KH}{1-\beta}+ha}{KH+ha}$$

ან

$$\Sigma\ \frac{(1-\beta_2)\beta_1}{(1-\beta_1)\beta_2}=\frac{\left(\frac{KH}{1-\beta_1}+ha\right)\left(KH+ha\right)}{(KH+ha)ha}=1+\frac{KH}{(1-\beta_1)ha}.$$

საბოლოოდ გვექნება:

$$h_{пот}=i_0 H+\beta_1\frac{ha}{K}\ln\left[1+\frac{KH}{(1-\beta_1)ha}\right]. \qquad (12)$$

შეუღლი მილისათვის ჰიდრავლიკური მარგი ქმედების კოეფიციენტის მნიშვნელობა ასე გამოითვლება $K=1-\frac{h_{пот}}{H}$, ან თუ (12) ფორმულიდან $h_{пот}$ კარგვების მნიშვნელობას შევიტანთ, მაშინ

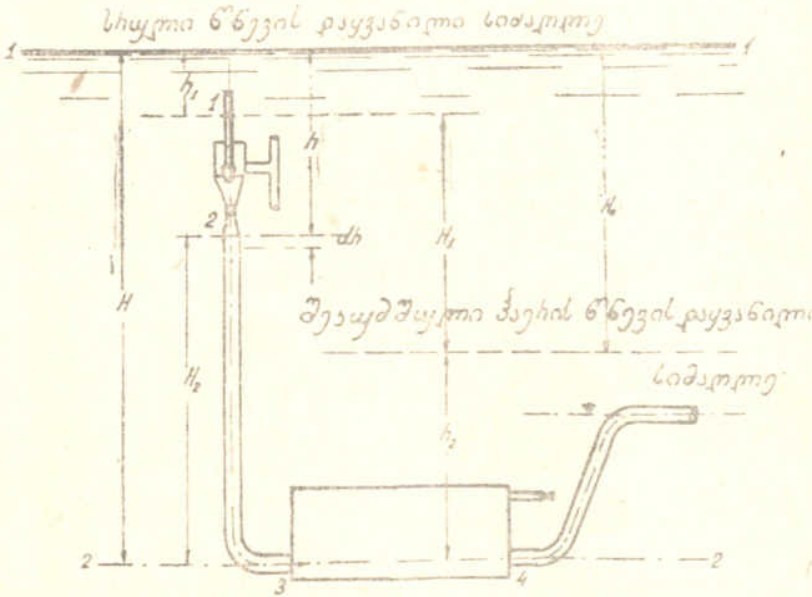
$$K=1-\left\{i_0+\beta_1\frac{ha}{KH}\ln\left[1+\frac{KH}{(1-\beta_1)ha}\right]\right\}. \qquad (13)$$

4. ჭავრილის ტიპის ჰიდროკომპრესორისათვის $h_{пот}$ და K-ის თეორიული გამოსახულება

ზემოთ მიღებული (12) და (13) გამოსახულებები შეუღლ მილში მოძრავ ნაკადისათვის არის გამოყვანილი.

ჭავრილის ტიპის ჰიდროკომპრესორისათვის $h_{пот}$ და K-ის გამოსახულებების მისაღებათ განვიხილოთ ჰიდროკომპრესორის მოდელის სქემა (ფიგ. 5).

მუშა მილის სიმაღლე H_2 ასოთი აღვნიშნოთ h_2 კი სეპარატორში მყოფ შეკუმშულ ჰაერის წნევის დაყვანილი (პიეზომეტრული) სიმაღლე იყოს.

ფიგ. 5. ჰიდროკომპრესორის სქემა

ზემოთ მიღებული $K=\frac{h_2}{H}$ შეფარდება ჰიდროკომპრესორის სქემისათვის ჰიდრავლიკურ მარგი ქმედების კოეფიციენტის მნიშვნელობას არ წარმოადგენს. ამ შემთხვევაში ეს არის შეკუმშულ ჰაერის წნევის პიეზომეტრულ სიმაღლის (h_2) მუშა მილის სიმაღლესთან (H_2) შეფარდება. ამიტომ ეს შეფარდება K′ ასოთი აღვნიშნოთ, ე. ი.

$$K'=\frac{h_2}{H_2}=\frac{H-H_0}{H_2},$$

სადაც $H_0=H_1+h_1$ ნაკადის ვარდნის სიმაღლეა.

ჰიდროკომპრესორისათვის კარგვების გამოსახულება ასე დაიწერება:

$$h_{\text{пот}} = i'_0 L + i_{\text{ем}} H_2,$$

აქ $i'_0 L1$ და 4 წერტილებს შორის უბანზე (წყლისათვის) ჰიდრავლიკური კარგვებია (ადგილობრივი კარგვების ჩათვლით), ხოლო $i_{\text{ем}} H_2$ კი ჰიდრავლიკური კარგვებია ბუშტების კუმშვის ზონაში (ე. ი. H_2 სიმაღლის შეეულ მილში წყალჰაერის ნარევისათვის).

ვისარგებლოთ (12) და (13) ფორმულებით და დავწეროთ

$$h_{\text{пот}} = i'_0 L + \frac{H_2 \beta_1 ha}{h_2} \ln\left[1 + \frac{h_2}{(1-\beta_1)ha}\right]. \qquad (14)$$

საბოლოთ ჰიდრავლიკური მარგი ქმედების კოეფიციენტის თეორიული გამოსახულება ასე წარმოგვიდგება:

$$K = 1 - \frac{i'_0 L}{H_0} - \frac{H_0 \beta_1 ha}{H_0 h_2} \ln\left[1 + \frac{h_2}{(1-\beta_1)ha}\right]. \qquad (15)$$

5. ჰიდროკომპრესორის მუშაობისა და თეორიულ ფორმულების შემოწმების ზოგიერთი მონაცემები

აგებულ მოდელის დანადგარზე (ფიგ. 2) ჩატარებულ იქნა ექსპერიმენტები (ჰაერილის ტიპის ჰიდროკომპრესორის მუშაობის ექსპერიმენტალურ გამოკვლევის მიზნით) წყლის მოძრაობის სხვადასხვა რეჟიმზე და წყლისა და ჰაერის სხვადასხვა ხარჯებზე.

ცდები წარმოებდა სამ სერიად: წყლის ხარჯების 0,45 ÷ 2,1 ლიტ/წმ გატარებით (ჰიდროკომპრესორში).

ცდების პირველი სერია ჰაერილის ტუმბოს კონუსის ზემო ზღვრულ მდებარეობისას წარმოებდა, ამასთან I, II და III ონკანების დაკეტვა სხვადასხვა კომბინაციებში ხდებოდა.

ცდების მეორე სერია კონუსის შუა მდებარებისას ხდებოდა, ონკანების დაკეტვა კი ცდების პირველი სერიის ანალოგიურად წარმოებდა.

ცდების მესამე სერია კონუსის ქვემო ზღვრულ მდებარეობისას ხდებოდა, ონკანების დაკეტვა კი იგივე პირობებში წარმოებდა, რაც პირველი და მეორე სერიის ცდებისათვის იყო მიღებული.

მარგი ქმედების კოეფიციენტის ექსპერიმენტალურად განსაზღვრისათვის შემდეგი ფორმულა (ლიტ. 5, გვ. 92) იყო გამოყენებული

$$K = \frac{10\ q_a\ Pa\ 2{,}303 \lg \frac{Pa + P_{\text{вак}}}{Pa}}{Q_ж\ H_0}, \qquad (16)$$

აქ q_a ატმოსფერულ წნევაზე დაყვანილ შეკუმშულ ჰაერის ხარჯია, $Q_ж$ წყლის ხარჯია, H_0 კი ნაკადის ვარდნის სიმაღლეა.

ექსპერიმენტალურ გაზომვების (წნევების, წყლისა და ჰაერის ხარჯებისა და სხვ.) გამოთვლების თანმიმდევრობა და გაანგარიშების შედეგები შესაბამის ცხრილებში იქნა მოცემული. ამ ცხრილების საფუძველზე შედგენილი იყო კრებითი ცხრილი, სადაც ნაჩვენებია დანადგარის ძირითად ჰიდრავლიკურ ელემენტების (ცდების სხვადასხვა სერიებისა და წყლის სხვადასხვა ხარჯე-

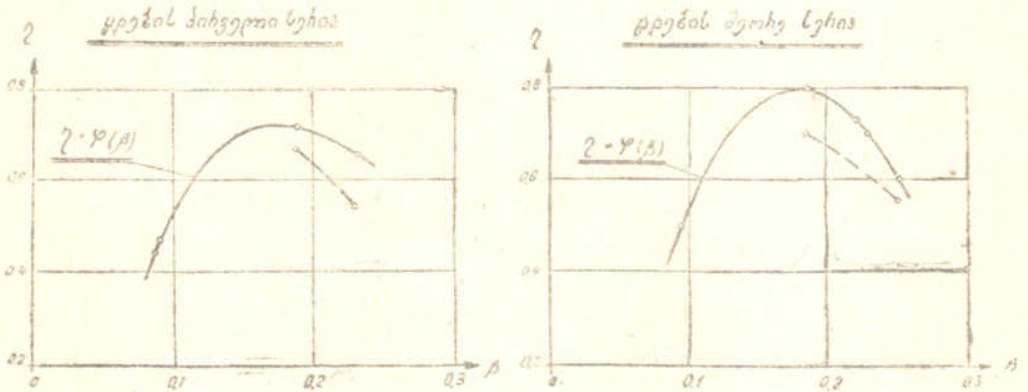
ბისათვის) და ექსპერიმენტალურად მიღებულ და თეორიულად განსაზღვრულ მარგი ქმედების კოეფიციენტის მნიშვნელობები.

ქვემოთ მოყვანილ 1-ლ ცხრილში მოცემულია პირველ და მეორე სერიის ცდებისათვის ექსპერიმენტალურად გამოთვლილი და თეორიული (15) ფორმულით განსაზღვრული მარგი ქმედების კოეფიციენტის მნიშვნელობები.

ამ ცხრილის საფუძველზე აგებულია $K=\varphi(\beta)$ დამოკიდებულების ექსპერიმენტალური (უწყვეტი ხაზები) და თეორიული (წყვეტილი ხაზები). მრუდეები (ფიგ. 6). მიღებულ მრუდეების თანახმად ვრწმუნდებით, რომ (15) თეორიული ფორმულა დამაკმაყოფილებლად ეთანხმება (ეთანადება) ექსპერიმენტებს წყალჰაერის ნარევის უწყვეტ—დაწყარებულ მოძრაობისას, ხოლო წყლის თავისუფალ ვარდნის შემთხვევაში, წყლის მცირე ხარჯისას, ეს თეორიული ფორმულა უვარგისი აღმოჩნდა.

შედარებამ დაგვანახვა, რომ განსხვავება საშუალოდ 10%-ს არ აღემატება [ცხრილი 1, სვეტი 20].

ეს განსხვავება ძირითადათ უნდა მიეწეროს იმ გარემოებას, რომ ჯერ კიდევ საბოლოოდ არ არის დადგენილი ადგილობრივ კარგვების განსაზღვრის მეთოდი, როდესაც ადგილობრივი წინაღობები ერთმანეთის სიახლოვეზე არიან განლაგებულნი.

ფიგ. 6. $K=\varphi(\beta)$ დამოკიდებულების მრუდეები.

ბოლო წლების ცდების საფუძველზე დადგენილია, რომ ადგილობრივი კარგვების შეჯამება მაშინ არის დასაშვები, როდესაც თანმიმდევრობით განლაგებულ ადგილობრივ წინაღობებს შორის დატოვებული მანძილები ისეთი სიგრძისა, რომელიც ადგილობრივ წინაღობათა შორის უბნებზე ნაკადის სტაბილიზირებას უზრუნველყოფს. ამასთან ადგილობრივ წინაღობათა შორის დატოვებული უბნები სწორხაზოვანი უნდა იქნეს და მათი სიგრძე კი (20—50) D—ფარგლებში უნდა მერყეობდეს.

ასეთი პირობები ჩვენ მოდელის დანადგარზე არ იყო დაცული, ამიტომაც თეორიული (წყვეტილი) მრუდეები 6 ფიგურაზე ექსპერიმენტალურ მრუდეების ერთ მხარეზე მოთავსდენ.

$K=\gamma(\beta)$ დამოკიდებულებიდან ნათელია, რომ დანადგარის მოქმედების უდგარ რეჟიმის ზღვრებში (მცირე წყლის ხარჯისას), წყლის ხარჯის გაზრდით მარგი ქმედების კოეფიციენტის მნიშვნელობაც იზრდება. დანადგარის მუშაობის მდგრად რეჟიმის ზღვარი 1, 2 ლ/წმ ხარჯიდან იწყება და წყლის ხარჯის შემდგომი გაზრდით შეკუმშული ჰაერის წარმადობა იზრდება, მარგი ქმედების კოეფიციენტის მნიშვნელობა კი შესაბამისად მცირდება.

ამიტომ ჰიდროკომპრესორის გამოყენების ზღვრების დადგენას უნდა მიუდგეთ ან მაღალი მარგი ქმედების კოეფიციენტის მიღების თვალსაზრისით და მცირე შეკუმშული ჰაერის წარმადობით, ან და შებრუნებით.

ზემოთ აღწერილიდან დავასკვნით, რომ მიღებული მრუდეები წარმოადგენენ ჰიდროკომპრესორის მუშა მახასიათებლებს; $\beta(K)$ დამოკიდებულება გვიჩვენებს, რომ მარგი ქმედების კოეფიციენტის უდიდესი მნიშვნელობა მოცემულ წყლის ხარჯისას შეესაბამება სრულიად განსაზღვრულ ოდენობის შეკუმშულ ჰაერის წარმადობას, რაც დანადგარის მუშაობის საანგარიშო რეჟიმს განსაზღვრავს. მაგალითად: პირველი სერიის ცდებისათვის კომპრესორის მუშაობის საანგარიშო რეჟიმი წყლის ხარჯის 1, 2 ლ/წმ შეესაბამება. ამ შემთხვევაში ჰიდროკომპრესორის მარგი ქმედების კოეფიციენტის მნიშვნელობა უდიდესია, ე. ი. $K=0,71$, ხოლო შეკუმშული ჰაერის წარმადობა $q_a = 0,28$ ლ/წმ, მეორე სერიის ცდებისათვის კი საანგარიშო რეჟიმს $Q_ж=1,2$ ლ/წმ წყლის ხარჯი, $K=0,80$ და $q_a = 0,287$ ლ/წმ წარმადობა შეესაბამება.

მოცემული მაგალითი გვიჩვენებს, რომ ცდების მეორე სერია ჰიდროკომპრესორის მუშაობის ხელსაყრელ რეჟიმს გვიხასიათებს, სახელდობრ: $Q_ж = 1,2$ ლ/წმ, $K=0,8$ და $q_a = 0,287$ ლ/წმ.

მოდელის დანადგარის ექსპერიმენტალურმა გამოკვლევამ გვიჩვენა, რომ ჰიდროკომპრესორიდან მიღებული შეკუმშული ჰაერის რაოდენობა სამუალოდ ჰიდროკომპრესორში გამავალ წყლის ხარჯის 35%-ს შეადგენს, ხოლო ჰაერის წნევა სეპარატორში $(0,6-0,7)\ H_0$-მდე იქნა მიღწეული, სადაც H_0 ნაკადის ეარდნის სიმაღლეა.

ადვილი წარმოსადგენია, რომ პრაქტიკული (საწარმოო) ნიმუშის ჰიდროკომპრესორის მუშაობისას, შეკუმშული ჰაერის წარმადობა, რამდენიმედ გაზრდილ იქნება, რადგან დანადგარის ჰიდრავლიკური პირობები ამ შემთხვევაში შედარებით ხელსაყრელი იქნება, ვიდრე მოდელის დანადგარში იყო.

ცხრილი 1.

ცდის №№	წყლის ხარჯი ლიტრ/წმ $Q_ж$	ტალღისმაწარმოებელი მოწყობილობის მახასიათებლები: ტალღის სიგრძე ხარჯის 1 ლიტრ/წმ-ზე H	ტალღის ტალღური ამპლიტუდა H0	ტალღის ამპლიტუდა ბაქანის წინ (ტალღისმაწარმოებელი მოწყობილობიდან 10 მეტრის მანძილზე) $(h_1=P_{ma6})$	ტალღის ტალღური ამპლიტუდა ბაქანის ფერდზე (ტალღისმაწარმოებელი მოწყობილობიდან 10 მეტრის მანძილზე) (h₂)	ტალღის ტალღური ამპლიტუდა ბაქანის ფერდზე (ტალღისმაწარმოებელი მოწყობილობიდან 11 მეტრის მანძილზე) (h₃)	ბაქანის ფერდის დახრილობა C	ტალღის სიგრძე (l6)	ტალღის ტალღური ამპლიტუდა ბაქანის წინ ხარჯის 1 ლიტრ/წმ-ზე h_1	ტალღის ტალღური ამპლიტუდა ბაქანის ფერდზე ხარჯის 1 ლიტრ/წმ-ზე $h_2=P_{ma6}/Q$	$1+\frac{2}{1-\frac{}{}}$ C	ბაქანის ფერდის დახრილობა ხარჯის 1 ლიტრ/წმ-ზე D	წყლის ხარჯის ფარდობითი სიდიდე $Y=\frac{Q_ж}{\omega}$	$\frac{h_1}{H_0}$	$\frac{h_2}{H_0}$	$\frac{h_3}{H_0}$	ტალღის ტალღური ამპლიტუდა ბაქანის წინ (15) ტალღისმაწარმოებელი მოწყობილობიდან 10 მეტრის მანძილზე	ტალღის ტალღური ამპლიტუდა ბაქანის ფერდზე (15) ტალღისმაწარმოებელი მოწყობილობიდან 11 მეტრის მანძილზე	ტალღის ტალღური ამპლიტუდა ბაქანის ფერდზე (15) ტალღისმაწარმოებელი მოწყობილობიდან 12 მეტრის მანძილზე	ტალღის სიგრძე ბაქანის წინ $\lambda_ბ$	ტალღის სიგრძე ბაქანის ფერდზე
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
	0,45	110.2	74.4	0.035	0.041	0.043	9.6	0.44	—	—	0.088	—	—	—	—	—	—	—	—	
	0,6	116.8	79.1	0.037	0.055	0.058	9.7	0.46	—	—	0.089	—	—	—	—	—	—	—	—	
1	1.0	185.5	133.6	0.050	0.173	0.206	20.6	0.74	—	—	0.170	—	—	—	—	—	—	—	—	
	1,25	205.5	154.6	0.050	0.271	0.28	23.2	0.71	1000	50	0.188	2.6	236	0.22	0.12	0.66	0.71	0.63	147.0	
	2,1	290.9	242.6	0.053	0.60	0.63	30.1	0.66	—	55	0.232	2.6	596	0.37	0.09	0.54	0.66	0.54	146.6	
	0,5	118.9	75.6	0.037	0.05	0.052	10.6	0.50	—	—	0.096	—	—	—	—	—	—	—	—	
	1,2	205.8	162.9	0.048	0.27	0.287	23.0	0.80	1000	43	0.187	2.6	227	0.20	0.105	0.70	0.80	0.70	142.0	
2	1.5	246.3	194.8	0.053	0.40	0.42	28.0	0.73	—	53	0.220	2.6	282	0.25	0.1	0.55	0.73	0.65	140.8	
	1.8	258.5	211.30	0.052	0.50	0.522	29.0	0.70	—	52	0.225	2.6	340	0.31	0.106	0.59	0.70	0.59	145.8	
	2,0	305.51	261.3	0.049	0.52	0.665	33.0	0.61	—	49	0.250	2.6	378	0.34	0.098	0.56	0.61	0.56	148.0	

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАБОТЫ ГИДРОКОМПРЕССОРА СТРУЙНОГО ТИПА

Р Е З Ю М Е

Настоящая работа касается актуального вопроса—разработки теории гидрокомпрессора, использующего непосредственно механическую энергию водотока.

Работа не преследует цели дать разработку конструкций гидрокомпрессора, а лишь знакомит с разработанной автором новой гидравлической теорией движения водовоздушной смеси и полученными теоретическими формулами для определения гидравлических потерь и КПД гидрокомпрессора.

Схема разработанной теории гидрокомпрессора представлена таким образом: рассматривается движение водовоздушной смеси в вертикальной трубе, при этом приняты следующие упрощения: пузырьки воздуха сохраняют при движении шаровую форму, распределены равномерно по сечению и в рассматриваемом отсеке имеют одинаковую крупность. Объемный вес воздуха по сравнению с объемным весом воды не принят во внимание. Кроме того, величина поверхностного трения пузырьков, ввиду их малой поверхности, также не принята во внимание по сравнению с сопротивлением формы. Процесс сжатия пузырьков принят изотермический.

Движение смеси рассматривается установившимся и вывод уравнения движения основан на законе живых сил.

Уравнение движения водовоздушной смеси для вертикальной трубы получено после приравнивания работ всех внешних сил и сил сопротивления работе кинетической энергии. Окончательно это дифференциальное уравнение представлено в таком виде:

$$-\frac{d}{dh}\left[\frac{P}{\gamma}+\frac{v^2}{2g}\right]=i_o+\frac{\beta}{1-\beta}$$

или

$$-\frac{dE}{dh}=i_{см},$$

где $i_{см}=i_o+\frac{\beta}{1-\beta}$ представляет гидравлический уклон смеси.

Интегрирование уравнения движения по высоте рабочей трубы (H), и после соответствующих преобразований, дает:

$$h_{пот}=i_o H+\beta_1\frac{haH}{h_2}\ln\left[1+\frac{h_2}{(1-\beta_1)ha}\right],$$

где $h_{пот}$ — гидравлические потери смеси в рабочей трубе (длиной H),

$i_o=\frac{\lambda v^2}{2gD}$ — градиент давления для воды.

$\beta_1=\frac{qa}{Q_c}$ концентрация воздуха при атмосферном давлении

q_a — содержание воздуха (атмосферным давлением) в рассматриваемом отсеке, Q_c — объем этого отсека, h_a — приведенная высота атмосферного давления, h_2 — приведенная высота давления сжатого воздуха на глубине H.

Выражение гидравлического КПД для вертикальной трубы имеет такой вид:

$$K=1-\frac{h_{пот}}{H},$$

где $h_{пот}$ — гидравлические потери смеси.

Для получения выражений $h_{пот}$ и K для гидрокомпрессора, рассмотрена схема модельной установки. При этом выражение потерь для гидрокомпрессора принято:

$$h_{пот}=i'_o L+i_{см}H_2,$$

здесь $i'_o L$ — гидравлические потери для воды, на всем протяжении гидроустановки, с учетом и местных потерь. $i_{см}H_2$ — потери для смеси в зоне сжатия воздушных пузырьков в вертикальной части трубы, т. е. по высоте H_2.

Пользуясь вышеприведенной формулой можно написать

$$h_{пот}=i'_o L+\frac{H_2\beta_1 ha}{h_2}\ln\left[1+\frac{h_2}{(1-\beta_1)ha}\right]$$

и окончательно теоретическое выражение гидравлического КПД для гидрокомпрессора будет:

$$K=1-\frac{i'_o L}{H_o}-\frac{H_2\beta_1 ha}{H_o h_2}\ln\left[1+\frac{h_2}{(1-\beta_1)ha}\right],$$

где H_o — перепад давления, а h_2 — приведенная высота давления сжатого воздуха в сепараторе.

В работе одновременно показаны результаты экспериментальной проверки полученных теоретических зависимостей, дающих убедительное доказательство правильности выведенных теоретических формул.

С этой целью на построенной модельной установке гидрокомпрессора были проведены эксперименты (с целью опытного исследования работы гидрокомпрессора струйного типа) на разных режимах и расходах воды и подачи сжатого воздуха.

Для экспериментального определения КПД установки была использована рабочая формула

$$K=\frac{10gaPa2{,}303\lg\dfrac{Pa+P_{изб}}{Pa}}{Q_ж\ H_o},$$

где q_a — подача сжатого воздуха, приведенная к атмосферному давлению, $Q_ж$ — расход воды, а H_o перепад давления.

Последовательность вычислений экспериментальных измерений (давлений, расходов воды и сжатого воздуха и др.) и результаты подсчетов приведены в соответствующих таблицах. На основании этих таблиц была составлена сводная таблица, с показанием основных гидравлических элементов установки и с сопоставлением значений КПД по экспериментам с расчетными, по теоретической формуле.

На основании этой таблицы построены экспериментальные (сплошные линии) и расчетные (пунктирные линии) кривые зависимости $K=\varphi(\beta)$ (фиг. 6). Как видно из этих кривых, теоретическая формула имеет хорошее согласие с экспериментами при устойчивом режиме (напорном движении), т. е. для сплошного потока воздушной смеси, а при свободном падении струи в рабочей трубе, как это имело место при малых расходах воды, эта формула не имела смысла. Сравнение показало, что расхождение в среднем не превышает 10%.

Как видно из кривых зависимости $K=\varphi(\beta)$, КПД установки, в границах неустойчивого режима, с увеличением расхода воды—возрастает. Граница устойчивой работы гидрокомпрессора является при расходе от 1,2 л/сек, далее с увеличением $Q_ж$ — производительность сжатого воздуха увеличивается, но КПД установки соответственно падает. Поэтому при установлении границ использования гидрокомпрессора нужно подходить или с точки зрения высокого КПД, но низкого $q_в$, или же наоборот.

Из вышеизложенного следует, что полученные кривые, в общем подтверждающие гидравлическую теорию, являются рабочими характеристиками гидроустановки; связь $\beta(K)$ показывает, что наибольшее значение КПД при заданном расходе воды соответствует совершенно определенной величине подачи, т. е. производительности сжатого воздуха, а следовательно определяет (нормальный) расчетный режим установки.

Экспериментальное исследование работы модельной установки гидрокомпрессора показало, что количество сжатого воздуха, полученное от гидрокомпрессора, в среднем составляет 35% от расхода воды, а давление воздуха достигает $(0.6 \div 0.7)\ H_0$, где H_0 — перепад давления.

Можно полагать, что при работе гидрокомпрессора производственного образца производительность сжатого воздуха его будет несколько повышена, поскольку гидравлические условия работы установки при этом должны быть более благоприятны, нежели в модельной установке.

ციტირებული ლიტერატურა

1. БАГДАСАРОВ В. Г. — Теория, расчет и практика эргазлифта. ГОНТИ, Нефтяная и Горнотопливная литература, Москва, 1947 г.
2. СУББОТИН И. М. — Получение сжатого воздуха гидравлическим путем. Горный журнал, том 1, февраль, 1911 год.
3. АЛЕКСАНДРОВ В. П.— Техническая гидромеханика, ОГИЗ, Гостехиздат, 1946 г.
4. ЦИКЛАУРИ Д. С. — Исследование работы гидравлического компрессора струйного типа (Диссертация) (АН Груз. ССР).

Некоторые замечания на работы проф. Г. П. Сердюченко по абазинскому языку:

1. „АБАЗИНСКАЯ ФОНЕТИКА".
2. „АБАЗИНСКИЕ МЕСТОИМЕНИЯ".
3. „АБАЗИНСКИЕ ТЕКСТЫ" (Ученые записки Ростовского на-Дону Государственного университета им. В. М. Молотова, т. V. Труды историко-филологического факультета, вып. 2. Кафедра общего и кавказского языкознания, Таганрог, 1947 г., стр. 55—101).

Названные работы проф. Г. П. Сердюченко вызывают ряд существенных замечаний. Начнем с третьей — „Абазинские тексты".

В работе „Абазинские тексты" абазинская речь представлена всего лишь одной сказкой („Кто из них самый большой?") в 33 **строки;** проф. Г. Сердюченко дает грамматический анализ этого текста.

В предисловии к „Абазинским текстам" автор пишет: „**При полном отсутствии в печати специальных лексикологических и грамматических исследований по абазинскому языку**[1], а также комментированных абазинских текстов, естественно, я испытывал в своей работе серьезнейшие затруднения. Возможно, что где-либо допустил и ошибки: **проторенных дорог в абазиноведении еще нет**[2]. Думаю, что впервые публикуемый в печати с русским подстрочником и языковым комментарием абазинский текст может представить интерес для любого лингвиста-кавказоведа" (стр. 93).

Текст (т. е. 33 строки) этой сказки, нужно отдать справедливость, записан безошибочно. Но дело в том, что текст сказки

---

1) Таким образом, проф. Г. Сердюченко, отрицая существование специальной литературы, тем самым отрицает и факт наличия монографии „Тапантский диалект" (над. Институтом языка им. акад. Н. Я. Марра АН Груз. ССР, 1944 г., стр. 236+144), содержащей детальный анализ фактов фонетики, морфологии и синтаксиса одного из абазинских диалектов в сопоставлении с данными других абхазско-абазинских диалектов (стр. 1—218); приложены тексты (как Кубино-Эльбурганского, так и Псыж-Красновосточного говоров) в 144 стр., правда, без перевода.

При этом исследование снабжено подробным резюме на русском языке (стр. 218—236). Работа была защищена в качестве докторской диссертации в конце 1945 г.

Забывчивость профессора Г. Сердюченко производит тем более странное впечатление, что эта работа имелась у него на руках (Она была переслана профессору Г. Сердюченко Институтом языка им. акад. Н. Я. Марра Акад. Наук Груз. ССР по его же просьбе).

2) Подчеркнуто везде нами. К. Л.

слово в слово повторяет сказку, опубликованную раньше в учебнике абазинского языка[1].

Проф. Г. П. Сердюченко сообщает: „Публикуемая здесь абазинская сказка, как и ряд других, записана мною со слов уроженца абазинского аула Эльбурган в Черкесии тов. Курчева Ахмета Бубовича... Записи абазинских сказок от тов. Курчева сделаны мною в 1939 г., когда под моим руководством и с его участием создавался учебник по фонетике и морфологии абазинского языка для 5—6-го классов средней школы. Заинтересовавшись всесторонним анализом грамматических фактов родного языка, тов. Курчев оказал нам существенную помощь в истолковании многих специфических явлений абазинской речи"... (стр. 91).

Посмотрим, как у проф. Г. П. Сердюченко толкуется этот коротенький текст.

1. В глагольной форме р х ч у н проф. Г. П. Сердюченко **р-** рассматривает, как „префикс побудительного залога" (стр. 96). В действительности же з д е с ь **р-** является не префиксом „побудительного залога", а показателем субъекта 3 л. мн. ч. (переходного глагола).

2. По проф. Г. П. Сердюченко, в форме анӏадза — „...корень глагола гӏайра—приходить сюда" (стр. 96).

В данном случае форма анӏадза образована от глагола г 1 а д з а р а — 'достигнуть (сюда)', а не от глагола г 1 а й р а ('приходить сюда').

3. Про й а ф у а у автора читаем: „причастие наст. вр. — тот, который её ест; её он едящий..." (стр. 97).

Неверно: йафуа тут не причастие, а д е е п р и ч а с т и е, и никак не может означать 'тот, к о т о р ы й её ест'!

4. Разбирая глагольную форму г 1 а к в у ш д з и щ а н, проф. Г. П. Сердюченко пишет: „будущее определен. вр., призрачного, по терминологии Услара, наклонения — сюда дождь как будто идет; г 1 а — глагольный префикс направления сюда, ква—дождь, дз—глагольный суффикс, указывающий завершенность, окончательность действия, ща — как бы, как будто — показатель форм призрачного наклонения"... (стр. 97).

Неверно. Показателем усларовского призрачного наклонения как в абхазской, так и абазинской речи выступает **шва** (ӡ), а не **ща** (ӡа).

На самом деле—„гӏаквушдзищан" — разбивается на **два слова:** первое слово глагол гӏаквра (ква гӏаквра), выражающий 'дождить' (действие дождя) и представленный здесь в инфинитной форме будущего времени: [ква] **гӏаквуш,** в дословном переводе означает— ...'что [дождь] будет дождить (идти)', а второе слово—**дзщара**—глагол, выражающий' думать, подумать'. Всё выражение „[ква] гӏак-

1) Расхождение имеется только в одном слове: в Учебнике—рщуан, а в „Текстах"—рчпун. См. профессор Г. П. Сердюченко, А. Б. Курчев, М. Малхозов, Д. И. Агирбов „Грамматика абазинского языка", часть первая. Фонетика и морфология... 1940 г., Черкесск (на абазинском языке), стр. 46—47.

вуш дзищан" значит: '**(что) дождь пойдет (дождить будет), подумав он** (мужч.)'..., а не—'сюда дождь **как будто** идет'![1] И здесь нет никакого **дз** — „суффикса, указывающего завершенность, окончательность действия", и никакого **ща**, „показателя форм призрачного наклонения".

5. Так же путается автор при разборе формы ахьпагlайуищтl: „3 л. ед. ч. буд. определен. вр.—откуда сюда (дождь) идёт; ахьпа—относительное наречие места—откуда; гlа-гlай (перед гласным)—глагольный префикс направления, уищтl—буд. определен. вр.[2] от уыра—делать, идти (о дожде)" (стр. 98).

И в этом случае перед нами совершенно другой глагол. В составе ахьпагlайуищтl имеем: а) обстоятельственно-относительную частицу места ахьпа—'откуда (куда)'; б) основу—**гlа-й** глагола гlа-й-ра (с корнем -й-, а не префиксом гlай, как это думает проф. Г. П. Сердюченко) —'идти сюда' (а не глагол уыра—'делать', как это кажется проф. Г. П. Сердюченко); в) суффикс **настоящего времени**—**у**(а) (с усечением гласного а); г) частицу—**ищтl** со значением: 'же, ну-ка, ну'!

Вся форма ахьпагlайуищтl означает: „[дождь] откуда-сюда-**идет-же**". Нет здесь никакого уыра ('делать'), нет никакого будущего времени. Аффиксом будущего времени является **уштl**, а здесь имеем **уищтl**.

6. Форму йызгlыцlымхуата проф. Г. П. Сердюченко характеризует так: „отрицательная форма деепричастия прош. несовершен. вр.—ту, которую он не вынул (сюда); з—относительное местоимение «который», корень цlых[3]—вынимать из чего-либо, отрицание-м-инфиксировано в корень[4]; та—обычный в абаз. яз. суффикс наречий и деепричастий; уа—суффикс причастий"... (стр. 98)[5].

йызгlыцlымхуата значит не 'ту, которую он не вынул (сюда)', а 'то (что-то) он (мужч.) не в состоянии вынуть' (букв. „вынимая, доставая"). Здесь префикс **з**[6]— выразитель возможности, а не относительного местоимения[6].

7. О глагольной форме дангlайх на стр. 98 у автора читаем: „3 л. ед. ч. соц.-акт., прежденрош. вр.—когда он пришел; гlай—корень глагола гlайра—приходить сюда".

„дангlайх" вовсе не „прежденрош. вр.", а самое обыкновенное прошедшее время с элементом **х**, выражающим категорию **'опять (назад)'**. Показатель же прежденрошедш. вр.—**хьа**, а не—**х** И форма дангlаих значит: 'он (чел.)-когда (тогда как)-сюда

---

1) Любопытно, что в дословном переводе (видимо, благодаря А. Б. Курчеву!) все в порядке (переводится: дождить будет-подумал—(стр. 98), а у проф. Г. П. Сердюченко при его грамматическом анализе—полная неразбериха.

2) Разве так образуется будущее определен. время?

3) Не корень, а основа. Вообще, автор эти понятия путает сплошь и рядом.

4) Инфиксация в корень, вообще, немыслима в абхазско-абазинской речи.

5) уа—суффикс не причастий, а настоящего времени в причастных образованиях. Аффиксами причастий являются другие элементы.

6) Следует отметить, что в дословном переводе эта „возможность" обозначена: 'он которую не мог (подчеркнуто нами. К. Л.) вынуть' (стр. 94), а в разборе Г. П. Сердюченко—з—толкуется, как относительное местоимение.

пришел-**назад** (опять)', т. е. 'когда-он-вернулся (воротился домой)'...

8. Автор думает, что в глагольной форме зтшпынчlвалаз „л—глагольный суффикс, указывающий на постоянство действия" (стр. 99).

На самом же деле в слове зтшпынчlвалаз — формантом является не **л**, а **ла** и выражает он не постоянство действия, как это думает Г. П. Сердюченко, а направление (ср. „Тап. диал.", § 45, стр. 140—141).

9. О форме антал на стр. 99 читаем: „3 л. ед. ч. аорист—когда находилась; ан—когда, та—корень глагола тара—находиться[1], л—глагольный суффикс постоянства".

Опять неверно (ср. предыдущий абзац. К. Л.). Перед нами глагол **талара** (а не „тара"); [й]антал значит: 'она (класса вещей)-когда-вниз-(во внутрь)-вошла', 'спустилась' („спустилась", а не „находилась")[2].

10. На той же странице глагольную форму **цlсытl** проф. Г. П. Сердюченко толкует так: „3 л. ед. ч., наст. вр.—трясётся".

Неверно. Настоящее время от этого глагола [йы]цlсыйтl, а [йы]цlсытl — форма прошедшего времени (аориста) и означает '[земля] **тряслась**' (букв. „затряслась")[3].

11. При разборе формы ахъырхын проф. Г. П. Сердюченко пишет: „...х—корень глагола хра—снимать" (стр. 100).

Такого глагола отдельно не существует. Существует: хъыхра 'сверху снять, снимать'; тыхра — 'изнутри доставать', 'вынимать' и т. д.

12. В глагольной форме **даниатl** автор выделил аниа как корень глагола аниара — 'встречать' (стр. 101).

Неверно. Основа этого глагола—**ниа**, первое же **а-** —показатель косвенного объекта класса вещей.

13. Такую же ошибку допускает проф. Г. П. Сердюченко и при разборе формы йызгlалцlрын (стр. 101).

Этим не исчерпываются ошибочные толкования этого небольшого текста. Их значительно больше. Вот перечень слов, ошибочно толкуемых профессором Г. Сердюченко:

14. йыщтlнахын (стр. 97)
15. йгlахъыцlуаз („ „)
16. йгlацlпшуаз (стр. 99)
17. йаштаныкъвалунта („ „)
18. йыквнаскяхтl („ „)
19. дызмаз (стр. 100)
20. дцахтl (стр. 101)
21. рыуа (стр. „)
22. йдууызья („ „) и др.

---

1) тара в этом смысле нереальное, искусственное образование!
2) В дословном же переводе правильнее: ...'когда спускалась' (стр. 94).
3) В дословном переводе написано правильно: 'тряслась' (стр. 94).

И столько ошибок успел наделать проф. Г. Сердюченко при анализе текста в 33 строчки, несмотря на то, что тов. Курчев „оказал существенную помощь в истолковании многих специфических явлений абазинской речи" (см. выше слова самого проф. Г. П. Сердюченко), несмотря на наличие специальной монографии о тапантском диалекте.

Словом, не помогли ни монография, ни содействие т. Курчева: так и не разобрался в абазинских текстах специалист по абазинскому языку!

Проф. Г. П. Сердюченко пишет, что его работа „может представить интерес для любого лингвиста-кавказоведа" (см. выше).

Пожалуй, да! Но представляет интерес не для изучения абазинской речи, а скорее для уяснения вопроса,—каким же это образом стало возможным писать исследование об абазинском языке при таком знании исследуемого материала, какое обнаруживается у проф. Г. Сердюченко.

Такие же грубые ошибки, как и можно было ожидать, допускает проф. Г. П. Сердюченко и в остальных двух статьях. Не разобравшись в структуре данного языка, проф. Г. Сердюченко сплошь и рядом искажает действительное положение вещей: или приводит несуществующие формы слов или же дает ошибочное толкование существующих фактов.

Нет возможности исчерпать в наших замечаниях все случаи подобных искажений в упомянутых статьях проф. Г. П. Сердюченко. Ограничимся лишь несколькими примерами.

1. В статье „Абазинская фонетика" имеются случаи грубых ошибок при переводе приводимых в качестве примера слов. Напр., ари дгlанитl—'он идет сюда' (стр. 84). Следовало: 'он (чел.) встречается (сюда) с ним (класса вещей)'; арат гlанитl—'они идут' (стр. 84). Следовало: 'они встречаются (сюда) с ним (класса вещей)'; зхъацкlы—'который один из старших' (стр. 88). Следовало: 'вместо (взамен) которого'... и т. д.

2. Глагольную форму йылрыдзыйтl на стр. 60 проф. Г. Сердюченко толкует так—'то она печет'.

Неверно: йылрыдзыйтl значит 'она его (мужч.) заставляет печь то'.

3. На стр. 74 йыдыргlвитl у проф. Г. Сердюченко толкуется так: 'его (предмет) они рисуют'...

Неверно: йыдыргlвитl значит 'они его (мужч.) заставляют писать (рисовать) то'.

В этих случаях проф. Г. Сердюченко путает личные аффиксы с аффиксом побудительной категории глагола.

4. На стр. 81 у проф. Г. Сердюченко читаем: „сычпатl—я делаю, сынхатl—я работаю".

Неверно: сынхатl значит—'я [по]работал, сычпатl (обычнее: йысчпатl)—'[то] я сделал'.

Проф. Г. П. Сердюченко путает времена глагола.

5. Приводимая автором фраза на стр. 86 „сахlат йчпитlдзачlвыя?" ('Часы делает кто?') по-абазински невозможна! Видимо, проф. Г. Сердюченко не знает вопросительных образований абазинской речи.

6. При толковании глагольных образований йызмыу, йызбыу, проф. Г. Сердюченко, переводя их как: 'его я имеющий', 'его я видящий' (стр. 58), путает аффикс относительного местоимения с личным префиксом первого лица. „Я" в этих глагольных образованиях не выражен (точнее: выражен так же, как любой личный аффикс).

7. В доказательство того, что гласные **а** и **ы** придают словам разные значения, автор сопоставляет название лошади тшы со словом **тша** 'самка животного' (стр. 57).

Эти примеры не годятся для такого утверждения, ибо: 1) слова **„тша"** в **значении** самки животного нет ни в одном из абхазско-абазинских диалектов, 2) приводимые автором слова: тшан—'кобыла', анатша—'олень—самка', тшада—'ослица' (точнее: 'осел'), махтша—'верблюд', наоборот, являются доказательством того, что в составе их основ сохранился исходный вид слова **тшы** (<тша), означающего лошадь (а не „самку животного") и 3) здесь имеет место чередование исходного гласного -а с -**ы**.

8. Ошибочно суждение автора о латерале **ль**. Он пишет: „Звонкий спирант—ль, имеющийся и в других яфетических языках Северо-Западного Кавказа—абхазском, адыгейском и кабардинском, **при произношении его в старом абазинском корнеслове** характеризуется известной напряжённостью органов речи[1] и приближается иногда у некоторых абазин к произношению звонкого зубного аффриката—дль. Примеры: пыль—слон, льаудан—льодан—шарф, бльын—стена, Пальым—Алим (собствен. имя), — льацl—ляцl — почка (раст.), бель—лопата" (стр. 67).

Во-первых, в абхазской фонетической системе нет мягкого л (ль)[2].

Интересно, каким образом проф. Г. П. Сердюченко установил „старый абазинский корнеслов"? Неужели таковым он считает приводимые им выше слова: пыль—'слон', льаудан—'шарф' и т. д.? Ведь все они иноязычного происхождения: это слова, вошедшие в абазинскую речь через адыгейские языки.

В абазинских диалектах мягкое **ль** встречается только лишь в заимствованных из других языков словах.

9. Звук **ъ** проф. Г. П. Сердюченко считает усвоенным абазинским языком из адыгских языков (ставит его в этом отношении рядом с тл, лl и т. д.) (стр. 62), причем неизвестно, на чем основано такое утверждение.

В действительности же **ъ** встречается в собственно тапантских (абазинских) словах и является результатом фонетического изменения **къ**[3].

---

1) А в других случаях не характеризуется этой „известной напряжённостью органов речи"?.

2) См. Г. С. Ахвледиани: „Звуковые возможности кавказских языков. Принципы классификации согласных абхазского языка".—Сообщения Груз. Филиала АН СССР, т. 1, № 1, 1940 г. Другое дело, если для передачи мягкого ль других языков в абхазском используется ԓ (ль).

Здесь речь идет об абхазской фонетической системе, а не о разных знаках, употребляемых для передачи фонем других языков.

3) См. „Тап. диал.", стр. стр. 30, 62 — 63.

10. Проф. Г. П. Сердюченко в своей статье „Об абазинских диалектах" (1938 г.) утверждал, что в абазинском языке существуют какие-то геминированные согласные (стр. 248). Это неправильное положение автора легло и в основу орфографии: вместо хlвхlвара пишут ххlвара — 'кричать' и т. д. Такая передача подобных слов не выдерживает критики ни с практической, ни с теоретической точек зрения: т. н. „геминация" не что иное, как удвоение основы слова, или же части слова. Этот прием удвоения основной части слова является характерным словообразующим приемом во всех абхазско-абазинских диалектах и касается как согласных звуков, так и целых слогов[1].

Проф. Г. П. Сердюченко, несколько смягчив свое вышеприведенное положение, довольно путанно повторяет его и здесь (стр. 71—72), добавляя при том, что „в абазинском языке геминированные согласные входят и в состав одной морфемы, не допуская в этих случаях слогораздела внутри геминированного согласного".

Для абхазско-абазинской речи свойственно удвоение (редупликация) основы или части основы слова, и если на почве такого удвоения основы в отдельных случаях и получается стечение одинаковых согласных (т. е. „геминация"), это — результат утраты безударного гласного элемента основы (где, безусловно, он подразумевается). Напр., глагол хlвхlвара — 'кричать', 'вопить' образован от глагола хlвара — 'говорить' путем удвоения основы хlва: *хlва-хlвӑара > хlвхlвара, в которой по выпадении первого безударного а (хlва-хlвара) получается хlв-хlвара. В основах же, где этот гласный является подударным, такого стечения согласных не наблюдается[2].

Что это так, подтверждается данными ашхарского диалекта, где нами в свое время были зафиксированы полногласные формы этих слов, как, напр., ухlвыхlва — 'ты (мужч.) покричи!' атшыдзвадзвара (|| атшыдзвыдзвара) — 'купаться' и т. д., которых проф. Г. П. Сердюченко, „сопоставивший" данные ашхарского диалекта с данными тапантского (стр. 77), также не замечает.

11. Неправильно мнение проф. Г. П. Сердюченко о фонетическом процессе озвончения в абазинской речи. Он пишет: „Под влиянием прогрессивной ассимиляции перед основой (корнем) глагола, начинающейся со звонкого согласного, происходит озвончение личных префиксов глагола 1-го л. ед. ч. — с, 1-го л. мн. ч. — хl и 2-го л. мн. ч. — шв соответственно в — з, — гl и — жв,... Примеры: 1 л. ед. ч. йызбатl — его я видел..." (стр. 73).

Сообразно с этим в абазинской речи мы должны были иметь: згылитl ('я встаю'), гlгылитl ('мы встаем'), жвгылитl ('вы встаете') и т. д., но это немыслимо!

---

1) См. наши работы: „О функциях редупликации в абхазском языке".—Известия ИЯИМК им. акад. Н. Я. Марра, V — VI, 1940 г., стр. 115 — 135; „Тапант. диал.", 1944 г., § 10, стр. 39 — 40.

2) См. „О функц. редупл. в абх. яз.", стр. 131.

В специальной литературе давно уже выяснено, в каких случаях происходит озвончение личных аффиксов[1].

12. Проф. Г. П. Сердюченко, продолжая рассмотрение фонетического процесса озвончения, пишет: „Под влиянием **прогрессивной ассимиляции после отрицательного префикса -- гь происходит озвончение глагольных личных префиксов** — с, — хl,— шв— соответственно в — з, — гl, — жв. Примеры: 1 л. ед. ч. йыгьзымбатl — **его я не видел**" **и т. д.** (стр. 73).

Это — выдумка автора! Во-первых, **гь** не является отрицательным префиксом. Отрицательным аффиксом в абхазско-абазинских глаголах является — **м**; во-вторых, **гь** тут не к чему. Если бы озвончение личных аффиксов было связано с префиксом **гь**, мы должны были иметь в абазинской речи: *йыгьзымчпатl — 'то-я-не-сделал', *йыгьзымфатl — 'то-я-не-съел (скушал)' и т. д.

Но это немыслимо!

В специальной литературе по этому вопросу имеется достаточно сведений[2].

13. При рассмотрении личных местоимений в статье „Абазинские местоимения" проф. Г. П. Сердюченко приводит несуществующие образования их кратких форм, напр.: **йа**—3 л. мужск., ед. ч., **ра** — 3 л. мн. ч. (стр. 79). Он это повторяет на стр. 80, а на стр. 83 уже образует притяжательные местоимения опять-таки неправильно, напр.: **йайчlвы** — 3 лицо муж., **рарчlвы** — 3 л. мн. ч.

На самом же деле в абазинских диалектах имеется не „йа", а **йара** ('он'), не „ра", а **дара** ('они'); не **„йайчlвы"**, а йара йычlвы ('его [мужч.] собственное'), и не **„рарчlвы"**, а **дара рчlвы** ('их [собственное]').

14. Формы местоимений хlарабарат (хlарабарт) и т. д. автор считает „сочетанием полных форм личных местоимений с указательным, усиливающим конкретность местоимением во множ. числе —**барат** (барт) — эти вот, вот эти" (стр. 80).

Абазинские диалекты не знают такого указательного местоимения **барат** (барт); есть только **а-барат (а-барт);** и это очень важно, ибо, не зная этого факта, нельзя разобраться в структуре абазинских местоимений.

хlарабарат состоит из хlара ('мы') + абарат ('эти'). Слияние конечных гласных (...а а...) этих слов (хlара + абарат) дает форму хlарабарат.

15. Местоименно-притяжательным префиксом для 3 л. ед. ч. наряду с **р(ы)** проф. Г. П. Сердюченко называет и **д(ы);** местоименно-притяжательным префиксом для 3 л. (соц.-пасс.) наряду с **а** он называет и **на** (§ 15, стр. 82), хотя соответствующих примеров он не приводит.

Таких местоименно-притяжательных префиксов не знает ни один из абхазско-абазинских диалектов. Проф. Г. П. Сердюченко

---

1) См. нашу работу: „Категория переходности в абхазском гlаголе". — Известия ИЯПМК им. акад. Н. Я. Марра, 1942 г., т. XII, стр. 10 — 11, а также: „Тап. диал.", 1944 г., § 40, стр. 123 — 124.

2) См. „Тап. диал.", § 40, стр. 124; § 47, стр. 157 — 161.

путает местоименно-притяжательные префиксы в данном случае с личными префиксами переходного глагола.

16. Об относительных местоимениях на стр. 87 у автора читаем: „Синтаксически самостоятельной формы относительного местоимения в абазинском языке нет. Обычно в этой роли выступают в абазинском языке особые местоименные наречия... и относительно-притяжательный аффикс — з, могущий стоять как перед, так и после корня".

Приводя далее иллюстрирующие эти „положения" примеры, проф. Г. П. Сердюченко обнаруживает полное незнание соответствующих фактов. Нет ничего общего между относительно-притяжательным аффиксом **з** и аффиксом **з**, фигурирующим в приведенных автором следующих примерах:

йызгIацIымхуа — то, которого (?) он не вынул;
абага рзахъымрышвтуата — лису, которую (?) они не перевернули;
спа хъылпас йызгIалцIрын — моему сыну на шапку для него (которому ему) (?) вышло бы;
бара йазгIайкватI — которого (?) они его приходили видеть;
йгIазгыз — то, которое (что) я сюда принесу (?) (стр. 87—88).

В приведенных профессором Г. П. Сердюченко первых двух случаях префикс **з** является не аффиксом относительного местоимения, как это думает автор, а аффиксом категории возможности (потенциалиса); в третьем и четвертом случаях налицо частица **з** — „для"; а в пятом случае суффикс **з** — показатель прошедшего времени в инфинитных образованиях.

В абазинских диалектах, как и во всех абхазских диалектах, относительное местоимение в глагольной форме (та же причастная форма глагола) выражается двумя префиксами (а не префиксом и суффиксом, как то пишет проф. Г. П. Сердюченко!): **и-** и **з-**. Первый из них (префикс **и-**) выражает **относительность местоименных префиксов** ряда **д (т. е. префиксов субъекта непереходного глагола и прямого объекта переходного глагола);** второй (префикс з-) — **относительность местоименных префиксов ряда** л (т. е. **префиксов как притяжательных, так и префиксов субъекта переходного глагола и косвенного объекта)** [1].

17. В § 41 статьи „Абазинская фонетика" проф. Г. П. Сердюченко пишет: „Тапантовский говор аулов Красно-восточного и Квайдана (невдалеке от Кисловодска) в области фонетики отличается от псыж-эльбурганского говора утратой во многих случаях переднеязычных альвеолярных лабиализованных — спирантов — жв, —шв и аффрикатов — дж, — чв, — чIв и систематической заменой переднеязычными альвеолярными простыми—ж,—ш,—дж,—тш,—шI.

1) Специально об этом см. нашу работу: „Относительное местоимение в глагольных формах абхазск. языка". — Сообщения АН ГССР, т. III, № 4, 1942 г.

Псыж-эльбурганский говор		Красно-восточный говор
жвы	— корова	жы
жвлара́	— народ	жлара
швы	— дверь	шы
швара	— вы	шара
аджвы	— один	аджы
хlаджв	— скирд	хlадж
чвы	— бык	тшы
мачвы	— палец на руке	матшы
чlва	— яблоко	шlа
чlвыла	— земля	шlыла

Частичная утрата лабиализованных наблюдалась нами и в а. Псыж: чва — тша — сено, джвыквлара — джыквлара — отправляться, чlвара — шlара — сидеть. Для живой речи абазин вообще характерно иногда скрадывание огубления согласных" (стр. 74 — 75)[1].

Точно так же писал проф. Г. П. Сердюченко 9 лет назад в своей статье „Об абазинских диалектах" (стр. 249)[2].

Приведенное выше мнение проф. Г. П. Сердюченко неверно; приводимые им примеры неправильны: в речи аулов Псыж и Красный-Восток (а также Квайдан) процесс полной делабиализации спирантов жв (зв), шв (св.), аффрикат — джв (дзв), чв (цв), чlв (цlв) в принципе одинаков и в результате одинаково же получаются — ж, ш, дж(ъ), тш, шl[3] **только лишь в тех случаях, если они ведут начало от жв, шв бзыбского диалекта абхазского языка и от дв, тв, тlв — других абхазских диалектов вообще.** Из этого видно, что приводимые автором примеры: жы — 'корова', шара — 'вы', аджы — 'один (чел.)', хlадж — 'скирд', тшы — 'бык', матшы — 'палец на руке', шlа — 'яблоко' — вещь немыслимая в живой речи абазин (из Красного-Востока)[4].

Установление именно этой закономерности дало нам возможность проследить историю фонетической системы (в прошлом) бесписьменной абазинской речи.

В специальной литературе этот вопрос уже решен; об этом уже опубликовано (еще в 1944 г.), однако проф. Г. П. Сердюченко в 1947 г. повторно печатает свои ошибки, свои надуманные примеры.

Как могло это случиться? Некоторый свет на это бросает § 42, где проф. Г. П. Сердюченко пишет: „Приводимые нами здесь сведения об особенностях говора абазинских аулов Красно-восточ-

---

1) Одно ли то же: „вообще характерно иногда скрадывание огубления" и полная делабиализация, дающая чва > тша?

2) Следует отметить, что опубликованная здесь статья „Абазинская фонетика" представляет собой переиздание (с новыми и старыми погрешностями) его же статьи „Об абазинских диалектах" (Сбор. АН СССР. Памяти акад. Н. Я. Марра, М.-Л., 1938 г., стр. 244 — 257).

3) В Красно-восточном ауле в одной семье нами были установлены четыре системы выражения этих фонем у лиц разного возраста и пола; нами были также зафиксированы в результате этой делабиализации особые фонемы и их свистящие варианты с полной делабиализацией (з, с, дз, ц, цl).

4) Подробнее см.: „Тап. диал.", 1944 г., § 5, стр. стр. 16 — 28; 221 — 224 (Там же указано, что полная делабиализация названных фонем имеет место в Красно-восточном ауле только лишь в речи молодых абазин).

ного и Квайдана **получены нами не непосредственно на месте, а в результате опросов ряда абазинских учителей в Черкесии. Хотя сведения получены нами от лиц, хорошо ориентированных в особенностях Красно-восточного говора, они все же нуждаются в дополнительной проверке" (стр. 75).**

Спрашивается: **почему проф. Г. П. Сердюченко в своей статье „Об абазинских диалектах"** (1938 г.), впервые опубликовав эти **примеры, не сообщил нам, что они „получены им не непосредственно на месте, а в результате опросов ряда абазинских учителей** в Черкесии?" Что заставило автора сделать такое „самооправдательное" примечание именно теперь (т. е. в 1947 г.)?

Далее, если проф. Г. П. Сердюченко думает, что „**они** (эти примеры. К. Л.) **все же нуждаются в дополнительной проверке", почему** же он счел возможным напечатать их вторично, не проверив предварительно?

Как сказано выше, они давно уже проверены[1].

Для всякого ясно, что проф. Г. П. Сердюченко, конечно, уже (с 1944 г.) был в курсе действительного положения вещей, т. е. он не мог не знать, что правильнее, но **он не захотел сослаться на чужую работу.**

Статьи проф. Г. П. Сердюченко не свободны и от противоречий. Напр., у него читаем: „По своей общей фонетической структуре абазинский язык относится к спирантно-сибилянтной **шипящей** (подчеркнуто автором. К. Л.) группе яфетических языков Кавказа, чем и объясняется **отсутствие у него** имеющихся в абхазском и адыгейском **свистящих** (подчеркнуто автором. К. Л.) лабиализованных аффрикат—дзв, цв, цӏв — и обычная замена их лабиализованными аффрикатами **шипящими** (подчеркнуто автором. К. Л.) — джв, чв, чӏв" (стр. 62, § 20).

Но это не мешает автору писать через несколько страниц следующее: „Кубино-инджикчкунский говор тапантовского диалекта, в общем, имеет ту же систему фонем, что и псыж-эльбурганский говор. **Основной отличительной чертой его является наличие рядом с характерными для псыж-эльбурганского говора альвеолярными шипящими лабиализованными парной им группы, образуемых у верхних зубов свистящих лабиализованных.**

Рядом с формами ачӏвара — сидеть, ачва — сено, аджвы — один... **здесь можно услышать и формы: ацӏвара ацва, адзвы"** (стр. 74, § 40).

Если верить сказанному на стр. 62, „в абазинском языке... **отсутствуют** свистящие дзв, цв, цӏв", здесь же (на стр. 74) проф. Г. П. Сердюченко Кубино-инджикчкунский говор противопоставляет псыж-эльбурганскому говору по признаку **наличия** именно этих свистящих **дзв, цв, цӏв** (см. выше).

Ведь сам автор рассматривает ашхарский (у него „шкаровский") диалект, как диалект абазинского языка; а в ашхарском диалекте только и существуют **свистящие дзв, цв, цӏв!**

1) См. „Тап. диал.", 1944 г., § 5.

Фактическое положение таково: как в „псыж-эльбурганском", так и „кубино-инджикчкунском" (а также в „красно-восточном") говорах[1] у разных лиц наблюдается как шипящая разновидность переднеязычных лабиализованных спирантов и аффрикат (т. е. шв, жв, джв, чв, чlв), так и их свистящая (т. е. св, зв, дзв, цв, цlв)[2].

Проф. Г. П. Сердюченко, „забывая" о существовании специальной литературы по тому или иному вопросу, позволяет себе повторять положения других авторов без указания источника.

Назовем несколько случаев.

1. На стр. 59 автор касается появления фонем е, и, о, у в абазинской речи. В своей прежней статье „Об абазинских диалектах" автор, рассматривая этот же вопрос, появление гласных е, и, о, у в абазинской речи объяснял **только влиянием** иноязычных слов[3].

В специальной литературе оспаривалось это утверждение проф. Г. П. Сердюченко и высказывалось мнение о том, что появление этих гласных в абазинской речи объясняется, с одной стороны, внутриязыковым процессом ассимиляции гласных (считая эту сторону основной), а с другой стороны, влиянием и других языков, имеющих эти гласные[4].

Вот что мы читаем теперь у проф. Г. П. Сердюченко: „Появление в абазинском языке фонем — е (э), — и, — о, — у объясняется, видимо, **двумя причинами**: 1) естественным преобразованием широко развитых в абазинском языке дифтонгов — ай, — ау, — йы, — ый, — уы, — ыу, — в простые гласные — соответственно — е(э), — о, — и, — у, иногда через посредствующие звенья (ай — ей — е), и 2) воздействием на абазинскую звуковую систему иноязычных фонетических влияний в связи с воспринятыми в абазинскую речь ирано-арабо-турецкими и, особенно в последнее время, русскими словами" (стр. 59).

Помимо этого в § 12 проф. Г. П. Сердюченко (стр. 60) дает уже в иной редакции место, приведенное нами выше из статьи „Об абазинских диалектах".

Теперь он уже пишет: „Включение в широкий языковой обиход **большого количества** слов с богато развитым вокализмом, **чуждым до этого абазинскому языку, повело к значительному убыстрению процесса преобразования дифтонгов в простые гласные** и к последующему отождествлению их с простыми глас-

---

1) Сохраняем классификацию говоров и терминологию автора.

2) Эти и связанные с ними вопросы подробно рассмотрены нами в „Тап. диалекте" (§ 5, стр. 16 — 28; 221 — 224). Там же опубликованы тексты, характеризующие в этом отношении как разные подговоры, так и речь отдельных лиц.

3) Он писал: „Включение в широкий языковой обиход большого количества слов, рассматривавшихся до этого как иноязычные, с более богато развитой системой вокализма, чем в абазинском языке, повело к образованию в абазинском и ряда других гласных. Дифтонги ау —, аw —, уэ —, эу —, — wэ, эw — массой абазинского населения стали рассматриваться как соответствия русским гласным в словах — qulitura, bolшneviq, front и др. Этот процесс нашел свое яркое отражение в письме. В учебной и другой литературе на абазинском языке мы очень часто находим передачу — ау через — е, — аw через — о; эу через — i, uэ, эu через — u" (стр. 245).

4) См. нашу работу: „Тап. диал.", § 3, стр. 14 — 15.

ными в словах типа — большевик, культура, фронт, пионер и др." (стр. 60).

2. Относительно абазинских **хъ** и **хъв** проф. Г. П. Сердюченко замечает: „В абжуйском диалекте абхазского языка и литературном абхазском им соответствуют обычные заднеязычные спиранты; в бзыбском диалекте — особо напряженные твердые спиранты" (стр. 62, § 19, примеч. 1).

А где факты, доказывающие это положение?

Почему-то проф. Г. П. Сердюченко таких соответствий между этими диалектами раньше не замечал (ср. его работу: „Об абазинских диалектах"). Он их „заметил" только после того, как появилась работа „Тап. диалект", где приводятся такие соответствия на основе наблюдений акад. С. Н. Джанашиа (ср. „Тап. диал.", стр. 29 — 30).

3. В своей статье „Об абазинских диалектах" проф. Г. П. Сердюченко рассматривал **в** и **фI** как согласные, присущие фонетической системе тапантского диалекта (его псыж-эльбурганского говора). Никаких иных замечаний не делал он и относительно **ф**. Не замечал наличного фонетического соответствия в этом отношении между тапантским и ашхарским диалектами.

А теперь мы читаем у него: „...Следует только заметить, что до последнего времени[1] в словарном фонде тапантовских говоров губнозубной — **в** не употреблялся. Шкаровскому **в** в словах — авара — ребро, бок; варцIыс — один из костей ребра; ваныза — селезёнка и немного других[2] в тапантовских говорах соответствовал аффрикат дз; дза — ребро, дзарцIыс — один из костей ребра, дзаныза — селезёнка (стр. 65. То же самое повторяет он на стр. 77, § 49-)

Вот еще относительно **фI**: „Смычногортанный спирант—фI, вошедший в абазинскую речь (!) из кабардинского языка, в произношении отдельных абазин (меньшинства)[3] напоминает немецкую аффрикату pf (Pfennig, Pferd), и в тапантовских говорах встречается лишь в одном слове фIай — грязный (каб. фIэй). В шкаровских говорах, как и в абхазской речи, он известен ещё в одном слове фIа — тонкий, которому в тапантовских говорах соответствует форма — цIа — тонкий" (стр. 66).

И про **ф** у проф. Г. П. Сердюченко уже читаем: „В небольшом количестве случаев свистящему зубному аффрикату — ц тапантовского диалекта соответствует в шкаровском губнозубной спирант ф.

Примеры:

Тапанта — цы	Шкарауа — фы	— гроза
цба	фба	— шесть
цгIвы	фгIвы	— шестой
цышв	фышв	— шестьсот", (стр. 77).

1) До какого именно? Не до появления ли работы „Об одной фонетической закономерности в абхазско-абазинских диалектах" (Сообщения АН Груз. ССР, т. IV, № 8, 1942 г.)?

2) В каких именно?

3) Что за „меньшинство" такое?

В упомянутой выше работе („Об одной фонетической закономерности в абхазско-абазинских диалектах") нами впервые было установлено соответствие между **в, ф, фI** ашхарского (и других абхазских диалектов) и **дз, ц, цI** тапантского диалекта[1].

На основании этого соответствия нами было выяснено, что: 1) звук **фI** усвоен тапантским диалектом из кабардинского языка и 2) троечные спиранты **в ф фI** отсутствовали в абхазско-адыгейской группе языков на определенной ступени их развития.

Не трудно теперь понять, с какой целью к выявленным впервые нами для такого соответствия примерам—цы || фы—'гроза, молния'..., ц-ба || ф-ба—'шесть' проф. Г. П. Сердюченко, без указания на специальную литературу по данному вопросу, добавляет „свои" цIвы—'шестой'[2], цышв—'шестьсот'. Он мог не останавливаться на этом: ведь к любому существительному он мог прибавить слово шесть (цы- || фы-) и такими „своими" примерами исписать ряд страниц.

На этом мы заканчиваем свои замечания о работах проф. Г. П. Сердюченко по абазинскому языку.

В рассмотренных нами работах профессора Г. П. Сердюченко нет почти ни одного положения, которое восходило бы к автору, профессору Г. П. Сердюченко, и не являлось бы спорным: рамки Замечаний, к сожалению, не позволили нам остановиться на них более подробно. Впрочем, в этом и нет необходимости.

Даже из того, что отмечено нами выше, с несомненностью следует, что, во-первых, автор рассмотренных нами работ, проф. Г. П. Сердюченко, рекомендующий себя в качестве единственного специалиста по абазинскому языку, не владеет,—говоря мягко,—исследуемым им материалом и поэтому он не в состоянии разобраться даже в элементарных фактах абазинского языка.

Во-вторых, автор, проф. Г. П. Сердюченко, грубо попирая элементарные требования этики советского научного работника, обходит молчанием работы, имеющиеся в его распоряжении и явно им используемые, и позволяет себе даже отрицать их существование.

Доктор филологических наук
К. В. Ломтатидзе.

---

1) Соответствующий доклад был сделан на сессии Отделения литературы и языка АН СССР в 1941 г. в Ленинграде и опубликован в 1942 г. на русском языке. Эта же статья вошла в виде отдельного параграфа в монографию „Тапан. диал." (§ 8, стр. 31—38; 224—225).

2) Следовало: 'шесть-человек', а не 'шестой'!

ᲐᲮᲐᲚᲘ ᲬᲘᲒᲜᲘ ᲐᲤᲮᲐᲖᲔᲗᲘᲡ ᲡᲐᲮᲐᲚᲮᲝ ᲞᲝᲔᲢᲖᲔ [1]

სარეცენზიო წიგნი მოგვითხრობს აფხაზეთის სახალხო პოეტის, აფხაზური მხატვრული ლიტერატურის ფუძემდებლის დ. ი. გულიას ცხოვრებისა და შემოქმედებითი მოღვაწეობის შესახებ, რომლის დაბადებიდან 75 წელი ზეიმით იქნა აღნიშნული აფხაზეთის მშრომელებისა და მთელი ქართველი საზოგადოებრიობის მიერ 1949 წლის აპრილში.

წიგნის ავტორი, ამხ. მ. დელბა მოგვითხრობს უბრალო ადამიანის შესახებ, რომელმაც მიუხედავად მკაცრი გაჭირვებისა და ჩაგვრისა, მაინც გაიკაფა გზა ლიტერატურისაკენ, ხოლო შემდეგ, საბჭოთა ეპოქაში, მიაღწია თავისი შემოქმედებითი ძალების აყვავებას. ავტორის მიერ მოყვანილი ფაქტები და დაკვირვებები საკმაო სისრულით მოწმობენ აფხაზეთის გამოჩენილი მწერლის, მეცნიერისა და პედაგოგის მოღვაწეობის მრავალმხრივობას.

ავტორი აღწერს მწერლის ბავშვობისა და ყრმობის წლებს, რომლებიც ეფის თვითმპყრობელობის სასტიკი ჩაგვრისა და მშრომელ ხალხზე ადგილობრივი თავად-აზნაურობის უმაგალითო ძალმომრეობის ვითარებაში მიმდინარეობდა. უკვე ბავშვობაში დ. გულია მოწმე იყო თავისი ხალხის ტრაგედიისა — მისი მასიური ძალდატანებითი გადასახლებისა საძულველი ხონთკრის თურქეთში. ყმაწვილს სამუდამოდ დაამახსოვრდა განდევნის პირქუში გზები. ავტორი სავსებით სამართლიანად მიუთითებს, რომ „ეს ბარბაროსული გადასახლება, რამაც მრავალი ათასი აფხაზი იმსხვერპლა, დააკარგვინა მათ საყვარელი სამშობლო, — გამოწვეული იყო თურქეთის პროვოკაციით, თურქეთის, რომელიც თავის ინგლის-ამერიკელ ბატონ-პატრონთა კურთხევით, დღემდე ანადგურებს მის მიერ დაპყრობილ ძველთაძველ ქართულ მიწებზე ძველი ქართული კულტურის უდიდეს ქმნილებებს“ (გვ. 10-11).

დ. გულიას მთელი ლიტერატურული და საზოგადოებრივი მოღვაწეობა მიმდინარეობს ხალხთან მჭიდრო ურთიერთობაში, მის სამსახურში. დ. გულიას ადრინდელ პოეზიას საფუძვლად დაედო სიტყვიერი ხალხური შემოქმედება: „ლექსის წერის დროს მე საკმაოდ ფართოდ ვსარგებლობდი ფოლკლორით“. — სწერს პოეტი თავის ავტობიოგრაფიაში.

თავისი შემოქმედებითი მოღვაწეობის დასაწყისიდანვე დ. გულია მჭიდროდ არის დაკავშირებული ქართულ ლიტერატურასთან. ის ბავშვობიდანვე სწავლობდა რუსთაველს, განიცადა ახალი დროის დიდი ქართველი მწერლების — ი. ჭავჭავაძისა და ა. წერეთლის დემოკრატიული და ეროვნულ-გამათავისუფლებელი იდეების გავლენა. „დიმიტრი გულია დაიბადა და გაიზარდა ქართული კულტურის მაღლიან ნიადაგზე“, — სწერს მ. დელბა.

დ. გულიას ნაწარმოებების პირველი კრებული გამოვიდა 1912 წ. თბილისში. ამ კრებულით საფუძველი დაედვა აფხაზურ მხატვრულ ლიტერატურას.

დ. გულიას უკვე მაშინდელ ლექსებში ჰპოვეს თავისი ნამდვილი გამოსახულება აფხაზეთის მშრომელთა გრძნობებმა და აზრებმა, მათმა სიძულვილმა მჩაგვრელებისადმი, მათმა საბრძოლო სულისკვეთებამ და ოცნებამ

---

[1] მ. დელბა. „დიმიტრი გულია,“ გამომცემლ. „საბჭოთა მწერალი,“ თბილისი, 1949 წ. 64 გვ.

თავისუფლებაზე, ბედნიერ მომავალზე. პოეტი მიმართავს „ჭირის ოფლში მომუშავე" მშრომელებს, ხოლო ლექსებში: „ხოჯან-დუ", „მოსეირნე", „მტაცებელი" იგი აღწევს მამხილებელ სოციალურ სატირამდე. მისი ლექსები გაჟღენთილია ხალხისადმი სიყვარულით, სოციალური უსამართლობის წინააღმდეგ პროტესტით, მტკიცე რწმენით უკეთესი მომავლისადმი.

დ. გულია იყო რევოლუციამდელი აფხაზეთის ერთადერთი მწერალი და რედაქტორი პირველი აფხაზური გაზეთისა, რომლის ირგვლივ იგი ჰკრებდა ახალგაზრდა ლიტერატურულ ძალებს.

მხოლოდ საბჭოთა ხელისუფლების პირობებში აყვავდა უხუცესი აფხაზი მწერლის შემოქმედება. მისმა მოღვაწეობამ მიიღო ფართო გასაქანი.

პარტიისა და ხელისუფლების დახმარებით, დიდი სტალინისა და მისი უახლოესი თანამებრძოლის ამხანაგ ლ. პ. ბერიას მუდმივი ყურადღებით და მზრუნველობით საბჭოთა საქართველოს მარგალიტმა — აფხაზეთის ასსრ მიაღწია დასანიშნავ შედეგებს. როგორც სახალხო მეურნეობის გაფართოების, ისე კულტურული მშენებლობის დარგში. აყვავდა ჩვენი ლიტერატურა, გაიზარდა მწერლებისა და პოეტების კადრები.

საკოლმეურნეო ცხოვრება, სოციალისტური სამშობლოს შეყვარების გმირობა, სუბტროპიკული მინდვრების და ბაღების, ჩაის პლანტაციების მოსავალი, აფხაზეთის მშვენიერი ბუნება. — ასეთია დ. გულიას შემოქმედების ახალი თემები. პოეტის ნაწარმოებები — განთავისუფლებული შრომის ჰიმნია.

დ. გულია თბილი ლირიზმით პასუხობს ჩვენი საბჭოთა სინამდვილის მრავალსახოვან მოვლენებს, ის თვალწარმტაცად ხედავს ხალხის ბედნიერების განხორციელებას. მისი მრავალი, ხალხის სიყვარულითა და მადლიერებით გაჟღენთილი ლექსი, — მიძღვნილია დიდი სტალინისადმი:

ვახისპერით მოღუნული ყანწით ხელში ავდგები,
ავწიოთ და ყველამ შევსვათ ღვინო ჭარვისფერი,
ვადღეგრძელოთ ის, ვინც გვაძლევს ნეტარებას ამ დღეს,
ვინც გვაჩუქა სიცოცხლე და შრომა ბედნიერი.

როდესაც გერმანელი ფაშისტი-დამპყრობლები ჩვენს სამშობლოს ეცნაღურად თავს დაესხნენ, დ. გულიამ, როგორც ჭეშმარიტმა პატრიოტმა, როგორც საბჭოთა ინტელიგენციის წამყვანმა წარმომადგენელმა, ლენინ-სტალინის დიდი საქმის ერთგულმა, საბრძოლოდ მომართა თავისი ჩანგი. [illegible] ერთად მის ნაწარმოებებში მნიშვნელოვანი ადგილი დაიჭირა საბჭოთა ადამიანების პატრიოტიზმის პოეზიამ.

დ. გულიას ომისდროინდელი ყველაზე დიდი და მნიშვნელოვანი ნაწარმოებია მისი პოემა „სიმღერა სტალინზე" (1943 წ.).

ომის დამთავრების შემდეგ პოეტს აქვს ახალი შემოქმედებითი მიღწევები. ის სწერს შესანიშნავ ლირიკულ ლექსებს: „მწყემსის სიტყვა", „ჩემი ქვეყანა", „ბოლშევიკური სიტყვა", „ნორჩ მეგობრებს", რომლებიც გამოხატავენ სტალინური ხუთწლედის პათოსს. მას ალფრთოვანებს საბჭოთა ადამიანის — ნოვატორის, კომუნისტური საზოგადოების მშენებელის ცხოვრება. პოეტი მოუწოდებს ახალი მიღწევებისაკენ, თავდადებული სამსახურისაკენ სამშობლოს საკეთილდღეოდ:

სიცოცხლეს შენსას ნუ დაჰყოფ წლებად,
საქმით გაზომე გზა ვრცელზე ვრცელი,
შრომბლიურ მიწის ბედნიერებას,
ჰაბუკო, მიეც სიცოცხლე მთელი.

ლირიულ ნაწარმოებებთან ერთად, დ. გულია დაუღალავად მუშაობს ეპიურ ტილოებზე. ამას მოწმობს მისი პოემა „შემოდგომა სოფელში“ (1947 წ.), რომელიც მოგვითხრობს კოლმეურნე გლეხობის თავდადებული შრომის შესახებ მტერზე გამარჯვების შემდეგ.

თავის ლიტერატურულ მოღვაწეობაში დ. გულიამ სახელი მოიხვეჭა აგრეთვე, როგორც პროზაიკოსმა. ის არის ავტორი რომანისა „კამაჭიჭი“, რომელშიც აღწერილია თავად-აზნაურობისა და ცარიზმის უღელქვეშ ძყოფი რევოლუციამდელი აფხაზეთის მშრომელთა მძიმე მდგომარეობა. კამაჭიჭი (რომანის გმირი) აქტიური და ძლიერი ნეჩისყოფის ქალია, მშრომელი, ერთგული, მაგრამ ექსპლოატატორული საზოგადოების პირობებში ის მკაცრი სინამდვილის მსხვერპლი ხდება.

თავისი ლიტერატურულ-შემოქმედებითი მოღვაწეობის პირველ ნაბიჯებიდანვე დ. გულია ქართული და რუსული ლიტერატურის კლასიკოსების მოწაფეა. მათი შემოქმედების ნიმუშებს ათეული წლების მანძილზე აცნობს იგი აფხაზ მკითხველს თავისი შესანიშნავი თარგმანებით. მან აფხაზურ ენაზე თარგმნა „ვეფხის ტყაოსანი“, „ამბავი იგორის ლაშქრობისა“, პუშკინის, ლერმონტოვის, ი. ჭავჭავაძის, ა. წერეთლის, ტ. შევჩენკოს, კოსტა ხეთაგუროვის მთელი რიგი პოეტური ნაწარმოებები.

განსაკუთრებით მნიშვნელოვანია დ. გულიას დამსახურება აფხაზური ლიტერატურული ენის შექმნის საქმეში. მისი ნაწარმოებების ენა ახლოა სალაპარაკო ენასთან, ლამაზი, მუსიკალური და უბრალოა.

დ. გულია ცნობილია აგრეთვე, როგორც პირველი აფხაზი მეცნიერი. მას ღვაწლსაჩინო დამსახურება მიუძღვის ზეპირსიტყვაობის, ენის, ეთნოგრაფიისა და მშობლიური მხარის ისტორიის შესწავლის საქმეში.

1925 წელს თბილისში გამოიცა დ. გულიას „აფხაზეთის ისტორია“, რომელიც ქრონოლოგიურად ძოიცავს აფხაზეთის ისტორიას X საუკუნემდე. თუმცა თავის შრომაში დ. გულიამ მნიშვნელოვანი ეთნოგრაფიული და ლინგვისტური მასალა შეჰკრიბა, მაგრამ ავტორის აზრი აფხაზების წარმოშობის შესახებ ძირშივე შემცდარია.

სარეცენზიო წიგნის ავტორი ამხ. მ. დელბა, მხედველობაში აქვს რა მრავალრიცხოვანი ისტორიული მონაცემები, ამ საკითხის შესახებ სრულიად მართებულად შენიშნავს:

„ამ თეორიის მცდარობა გასაგებია, ვინაიდან აფხაზები ქართველები არიან. აფხაზები წარმოადგენენ ქართველთა ერთერთ მრავალრიცხოვან ტომს, რომლებიც სახლობდნენ საქართველოსა და კავკასიაში. აფხაზების წინაპრები იყვნენ არა გენიოხები, არამედ ხეთა-სუბარები.

შემდეგში ავტორი თვითონ დარწმუნდა, რომ აფხაზეთის ისტორიის ძირითად საკითხებში მისი კონცეპცია უსაფუძვლო და მცდარი იყო“ (გვ. 34).

დ. გულიას ძეორე გამოკვლევა „სუხუში დიოსკურია არ არის“ (1934 წ.), დაფუძნებული ძველი მწერლების გამოთქმებზე და აფხაზური ენის მონაცემებზე, წარმოადგენს სერიოზულ ცდას ამ ძველი ქალაქის ადგილმდებარეობის დაზუსტების საქმეში.

უნდა აღინიშნოს ავტორის ნაშრომები აფხაზეთის ეთნოგრაფიაში: „აფხაზური კალენდარი“ (1920 წ.), „ნადირობის ღვთაება და სანადირო ენა აფხაზებში“ (1926 წ.), „თხის კულტი აფხაზებში“ (1928 წ.).

აფხაზური ენის შესწავლას მიეძღვნა დ. გულიას შემდეგი შრომები: „აფხაზური გრამატიკის მასალები“ (1927 წ.), „თერმინოლოგი-

ური ლექსიკონი" (1930 წ.), „აფხაზური ენის ორთოგრაფია" (1933 წ.).

გულდასმით მუშაობდა რა ზეპირი ხალხური შემოქმედების შესწავლაზე, პოეტმა გამოაქვეყნა მთელი რიგი შრომებისა აფხაზურ ფოლკლორში. 1907 წელს თბილისში გამოცემული იქნა რუსულად თარგმნილი „აფხაზური ანდაზები, გამოცანები, ენისგასატეხები".

1939 წელს დ. გულიამ გამოაქვეყნა „აფხაზური ანდაზების, გამოცანების, ენისგასატეხების... კრებული".

პარტიამ და ხელისუფლებამ მაღალი შეფასება მისცეს გამოჩენილი მწერლის შრომას და საზოგადოებრივ მოღვაწეობას. მას აფხაზეთის სახალხო პოეტის საპატიო წოდება მიენიჭა. დაბადებიდან 75 წლის შესრულებასთან დაკავშირებით და მრავალი წლის ნაყოფიერი ლიტერატურული მოღვაწეობისათვის დიმიტრი იოსების-ძე გულია საბჭოთა მთავრობამ დააჯილდოვა ლენინის ორდენით. იგი დაჯილდოებულია აგრეთვე შრომის წითელი დროშის ორდენით და მედლებით.

დ. გულიას სახელი კარგად არის ცნობილი აფხაზეთისა და მთელი ქართველი ხალხის მშრომელებისათვის. მისი ნაწარმოებები გადათარგმნილია და ითარგმნება ქართულ და რუსულ ენებზე.

დიმიტრი გულია ყოველთვის იყო და არის დაუღალავი მშრომელი, პოეტი, მეცნიერი, საზოგადო მოღვაწე.

ამხ. მ დელბას წიგნი, დაწერილი ცოცხალი ენით და პუბლიცისტური სიმახვილით, საკმაოდ კარგად აცნობს ქართველ მკითხველს უხუცესი აფხაზი მწერლის ბიოგრაფიას და ლიტერატურულ-საზოგადოებრივ და სამეცნიერო მოღვაწეობას.

ხ. ბლაჟბა.

ქრონიკა
ХРОНИКА

არქეოლოგიური გათხრები სოფ. ყულანურხვაში

სოფელი ყულანურხვა შავი ზღვის სანაპიროდან ქ. გუდაუთის ჩრდილოეთ-აღმოსავლეთით მიიმართება და ორი მდინარის მდ. გუდოუს და მდ. დახუართას შორის მდებარეობს. 1948 წლის ზაფხულში ამ სოფელში არქეოლოგიური დაზვერვის დროს აკად. ნ. მარის სახელობის აფხაზეთის სამეცნიერო-კვლევითი ინსტიტუტის მეცნიერ მუშაკის ამხ. მ. თრაფიმის ძიერ აღმოჩენილი იქნა კოლხიდურ-კობანური ტიპის ძველი სამარხი მდიდარი ინვენტარით. აღმოჩენილი სამარხი განლაგებულია მშრალ და სიხათლიან ფერდობზე, საიდანაც გადაშლილია ფართო ხედი შავ ზღვასა და ქ. გუდაუთაზე.

პირველი სამარხის აღმოჩენის ადგილზე დაწყებული იყო გათხრები, რამაც მეტად საინტერესო მდიდარი მასალა მოგვცა. გახსნილი იქნა კიდევ 4 სამარხი: სამი ადამიანის და ერთი ცხენისა. ამათგან ორი სამარხი შეიცავს კოლხიდურ-კობანური კულტურის დროინდელ ნივთებს.

აღმოჩენილია ხუთი ბრინჯაოს ცული, უვაროვის კლასიფიკაციით „ბ“ და „გ“ ტიპისა, რომელთაგან ერთია ფუღუროგაჭრილი ბრინჯაოს სახელურით, მეორე კი ძაღლის სკულპტურული ფიგურით ყუაზე; ოთხნეკნიანი ბრინჯაოს სამაჯური განიერი სალტის სახისა; ავაზის ბრინჯაოს ფიგურა მწოლიარე მდგომარეობაში, ჩამოსაკიდი მარყუჟით; ბრინჯაოს მფრინავი ჩიტის სქემატური გამოსახულება, თევზის მაგვარი საკიდრებით; ბრინჯაოს ბალთა, რომელიღაც ცხოველის თავით; ბრინჯაოს სავარცხელი შვიდი კბილით; ბრინჯაოს ფიბულები ძეწკვით; სათვალეების მაგვარი საკიდები; სერდოლიკის მძივები მოყვითალო — თეთრი ნალექით ზედაპირზე; მძივები ჯარკვის, შუშის, პასტის (ცომკული) და მრავალი სხვ.

ეს ნივთები დიდ მეცნიერულ ინტერესს იწვევენ.

განსაკუთრებულ ინტერესს წარმოადგენს მეომარის ნამარხი, ე. წ. „სკიფის ტიპის“ დამახასიათებელი ინვენტარით, მაგალითად: ბრინჯაოს და რკინის ისრის თავები, რკინის სატევარი, რკინის დანები, რკინის ცულები და სხვ.

ძველ კოლხეთის ტერიტორიაზე ასეთი ტიპის სამარხი პირველად გვხვდება, მისი სინქრონიულია სამარხი საომარი ცხენისა, სკიფური ტიპის აკაზმულობით.

ამ ანალოგიიდან გამომდინარე, აღმოჩენილი მასალა შეიძლება დათარიღებულ იქნას დაახლოებით მე-6 საუკუნით ჩვენს ერამდე.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Написано	Следует читать
6	7 снизу	ჩუბინიშვილი	ჩუბინაშვილი
31	9 снизу	я абхаз,	Я, абхаз,
35	9 снизу	орденами.	орденами,
59	5 сверху	имения	имение
62	2 снизу	1775	1757
73	22 сверху	Д. А. Гуревичу	Д. А. Гурьеву
74	5 снизу	Гуревича	Гурьева
92	19 снизу	(ახახარფართა	(ახახარფართა)
100	13 сверху	ამაცმა)	(ამაცმა)
134	27 сверху	в „Очерках мифологии“	в „Очерках абхазской мифологии“
146	2 снизу	дахтиуент	дахтиуейт

Типография Абхазского государственного издательства
г. Сухуми, ул. Ленина, № 4

КОНТРОЛЕР № 3

При обнаружении дефекта в книге, просим возвратить книгу вместе с этим ярлыком для обмена.

ფასი 12 მან.
Цена 12 руб.

ა 932
1949